

**На
боевом
посту**

ВН

8'90

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

**50 тысяч
за голову
лейтенанта**

**ЗА ЧТО СТРЕЛЯЛИ
В МОИХ СОЛДАТ?**

Шарль Эксбрцайя

«МЫ ЕЩЕ УВИДИМСЯ, ДЕТИКА...»

Читайте в номере

**СОРЕВНОВАНИЕ:
СЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ
ИЛИ
ДАТЬ ФОРМАЛИЗМУ?**

на боевом посту

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

ОРГАН ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

8'90

Издается с 1958 г.

Главный редактор
А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

В. В. АСТАШИН,
В. В. БАРСУКОВ,
Б. Р. БОРУКАЕВ,
В. И. БУСЫГИН
(ответственный
секретарь),
Ю. В. ДУРНЕВ,
Н. М. ЗАХАРЧЕНКО,
А. П. КОТЛЯРОВ,
И. Т. КОЗЛОВ,
В. Ф. КУЗЬМЕНКО,
Г. А. МАЛЮШКИН,
Е. А. НЕЧАЕВ,
Л. А. ПАНКРАТОВ,
Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,
Ю. Л. РАЖЕВ
(зам. главного
редактора),
А. С. СОКК,
П. А. СТУДЕНИКИН,
В. Н. УСКОВ
(зам. главного
редактора),
В. А. ШОШИН.

■ НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ
ОБЛОЖКИ: 18 августа —
День Воздушного Флота
СССР. Высокими результа-
тами в ратном труде встре-
чает свой профессиональ-
ный праздник летчик 1-го
класса майор С. Федоров.

■ На снимке слева: пере-
ходящий вымпел за успехи
в боевой учебе вручается
заместителю командира
передового взвода сержан-
ту Н. Анисенко.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

азначены в розыск.

Многие должны знать и уметь военнослужащие, которым поручается эта ответственная задача: далеко не в прогулочном темпе преодолевать многокилометровое бездорожье, маскироваться и метко стрелять, по едва уловимым приметам определять направление движения преступника... Всего не перечислишь. Без постоянных тренировок едва ли можно рассчитывать на успех в этой трудной боевой работе.

На снимках:

■ Есть чем поделиться с молодыми сослуживцами специалисту 1-го класса старшему инструктору СРС прапорщику В. Алябьеву.

■ След взят!

■ На позиции снайпер рядовой А. Фарзалев.

■ Местность осматривает сержант М. Ярусов.

■ Разбор занятия — важный этап в обучении.

ГРУППА ИДЕТ

ПО СЛЕДУ

ФОТО А. АЛЕКСАНДРОВА.

**«НЕ ЗРЯ В СУДЬБЕ
АПРЕМ ЗНАМЯ...»** ФОТО А. АЛЕКСАНДРОВА.

Не припомнить торжественней дня:
Знамя части, у древка струясь,
Посвящало в солдаты меня,
С ним с тех пор — неразрывная связь.

...Я немало уже отшагал
К самым важным постам боевым,
Но почетнее права не знал —
Быть на первом посту часовым.

58

ФУНДАМЕНТ НАШЕЙ ВЕРЫ

Эти заметки рождались не один день, и было бы неверным ставить точку в их конце. Наблюдая, сопереживая происходившее на XXVIII съезде КПСС, я, как наверняка тысячи других коммунистов, мучился одной непреходящей болью: как помочь своей партии выйти из нынешнего состояния, вернуть утраченные позиции!

Конечно, сегодня можно сказать, что партсъезд указал ориентиры. Но станет ли от этого наш путь менее тернистым! Об этом мои раздумья, которые, хотелось бы верить, разделяют, дополняют другие.

МНЕ ВСПОМИНАЕТСЯ реакция на первые сообщения в печати о том, что отдельные коммунисты сдали партийные билеты, тем самым порывая с КПСС. Безусловно, я скажу, воспринимали такие известия в партийных организациях войск, нередко полное недоумение было: как же так? что происходит с партией, коль тают ее ряды?

Да, непростые вопросы подбросила нам, коммунистам, жизнь. Как отвечать на них людям, если и у самих начались подобные явления?

Секретарь ротной парторганизации старший лейтенант Е. Твердохлебов написал заявление о выходе из КПСС. Вскоре прапорщик А. Попов, которому выпала, скажем прямо, неплохая судьба жить и служить в родных краях, изъявляет аналогичное стремление. Причем если Твердохлебов откровенно говорил о своем несогласии с отдельными положениями Устава партии, то Попов своих причин не называл, отмалчивался. Оставалось лишь гадать: а не следствие ли это тех событий, которыми избилует Молдавия в последнее время?

Безусловно, оба случая, как бы мы ни стремились оправдаться не зависящими от нас причинами, чести политотделу войск не делали. Это был сигнал, что настала пора решительнее перестраивать политическое воспитание военнослужащих.

Конечно, мы и прежде не сидели сложа руки. Разъясняли личному составу, что возникшие трудности в стране порой заслоняют огромные усилия КПСС по обновлению общества, что кризисное состояние экономики вызывает нападки на партию и даже разочарование у части коммунистов, в пылу эмоций порывающих с ней. Чувствовали мы также и то, что в новых условиях не все правильно ориентируются в политике перестройки, зачастую не знают, как определить свое место в демократизации воинской жизни. И это при том, что, казалось бы, работники политорганов, партийные активисты израсходовали немало сил, объясняя что тут к чему.

Значит, не все срабатывало у нас, и политорганам, парторганизациям следовало

усилить влияние на военнослужащих, не уходить от трудных, волнующих людей вопросов. Иначе говоря, подвести обновленный фундамент под основание нашей веры в начатые партией преобразования.

Вот хотя бы такая, весьма показательная особенность перестройки. Еще несколько лет назад сама постановка вопроса о доверии к партии была невозможна, звучала бы крамоллой. Сегодня же — пожалуйста, всенародно обсуждаются любые вопросы, и «закрытых» тем практически нет. Но кому мы обязаны такой открытостью, кто начал революционный процесс обновления общества? Кто стал надежным гарантом необратимости перестройки? Конечно же, партия! Она верит в творческие силы народа, активизирует его усилия на ключевых направлениях борьбы за обновление социализма. А нападки? Что же, от них никуда не деться. Иным не по душе сама перестройка, другим то, что КПСС перестраивается не так, как им бы хотелось...

Но есть во всем этом вопрос, который не оставляет в покое и меня. С апреля 1985-го миновало пять лет. Срок, казалось бы, достаточный, чтобы наши политорганы, партийные организации сумели отказаться от устаревших форм и методов работы, открыв широкий простор поиску и инициативе коммунистов. Но не тут-то было. Нас еще цепко держит сознание застойных лет, отсюда и боязнь новых подходов, отступление, ошибки. Многие по-прежнему уповают на силу приказа, на административно-нажимной, авторитарный стиль руководства, ограничиваются нередко оторванными от жизни руководящими указаниями, словом, действуют по старинке, утопая в бумажной круговерти. Живой же человек, на которого обрушивается бурный поток противоречивой информации, остается при этом в стороне от партийного, политического влияния.

Давайте наберемся смелости задать самим себе вопрос: а так ли уж готовы мы к демократизации? Ведь гласность часто разумеем как свободу для своих высказываний, но не для оппонента, тем более стоящего ниже по служебной лестнице.

Политотдел войск постоянно напоминает, что коммунист должен быть особо ответствен за положение дел, на своем участке вносить личный вклад в перестройку, бороться за честь коллектива, обеспечивать в нем здоровый моральный климат. А если это коммунист-руководитель, то спрос с него двойной.

Не только пьянство и хамство, будто ржавчина, разъедают наши ряды, но и пассивность, тление, неумение (тем более нежелание) давать истинную оценку происходящим в подразделениях процессам. И на практике сплошь и рядом сталкиваешься с дефицитом принципиальности в оценке положения дел. Это ведет к тому, что у коммунистов развиваются равнодушие, инертность.

Не могу не сказать о воинском коллективе, во главе которого стоит коммунист В. Кухарец, а политотдел возглавляет коммунист Е. Родионов. Из года в год он показывает стабильно высокие результаты. А почему? Потому что здесь взыскательно подходят к любым упущениям в служебной деятельности, учебно-воспитательном процессе, не мирятся с теми, кто живет по принципу «моя хата с краю». Обострено внимание парторганизаций к моральному облику своих членов, улучшена индивидуальная воспитательная работа. И что особенно радует — и командир, и начальник политоргана умело и дружно ориентируются в сложной обстановке. Кроме части Кухарца нет другой, которую бы не лихорадили подразделения, прибывшие изпод Чернобыля. А здесь — и с дисциплиной порядок, и подтягиваются дела по физподготовке, другим предметам обучения. Почему? Да потому, что тут встретили «чернобыльцев» как героев, сам командир первым по-отечески поблагодарил за выполненный долг, коллектив с пониманием подошел к их нуждам и заботам, посчитав за честь служить рядом. Да при таком отношении просветлеет самая темная душа!

ПОМНИТСЯ, в ходе работы XIX партийной конференции ко мне подошел журналист и спросил примерно следующее: «Как вы считаете, кто нам более необходим — партийный руководитель или лидер?» Что ответить на такой вопрос? Ведь вы посмотрите, как же сильно застой деформировал наше сознание. Казалось бы, яснее ясного: истинный партийный работник обязан быть лидером. Иначе за ним не пойдут, к его словам не станут прислушиваться. Но мы так уверовали в силу терминологии, к тому же не всегда соответствующей реальности, что и само положение о партии как ведущей силе общества стали повторять будто заклинание, открывающее настежь души. Ан нет, чтобы вести за собой, нужен вожак, знающий, как это делать. Долгое время мы отмахивались от таких, а вот теперь и ищем их — неординарно мыслящих, активных людей — воярбов перестройки. В ходе поиска все чаще натываемся на изъяны в собственной работе, и не потому, что брака стало боль-

ше, а потому, что в оценках фактов мы начали проявлять большую строгость.

Это диктует сама жизнь, поскольку взаимная требовательность в партийном коллективе, готовность к откровенному разговору, умение сплотить вокруг себя актив, обеспечить единство слова и дела, изжить кабинетный стиль руководства во многом зависят от позиции секретаря. С ним коммунисты связывают надежды на перемены к лучшему. Их больше не устраивает на секретарском посту просто хороший человек.

Это не так-то просто, как кажется на первый взгляд, говорить о человеке, его вкладе в общее дело перестройки, о соблюдении им норм Устава КПСС в повседневной жизни. Это тем труднее, что ни при каких обстоятельствах не должен улетучиваться с наших собраний дух товарищества. И, стало быть, каждому секретарю надо четко знать, где проходит линия между партийной принципиальностью и разномом, унижающим человеческое достоинство. Надо помочь ему поставить дело так, чтобы партийный актив не дублировал деятельность должностных лиц, а партийные собрания не превращались в служебные совещания, т. е. имели строго партийное наполнение.

И дело сдвигается с мертвой точки. Партийные бюро решительно отказываются от не свойственных им функций «карающего меча». А ведь свежи еще в памяти времена, когда за любое несогласие с руководством критиковавшие подвергались преследованию под любым предлогом, а за административным непременно шло партийное взыскание.

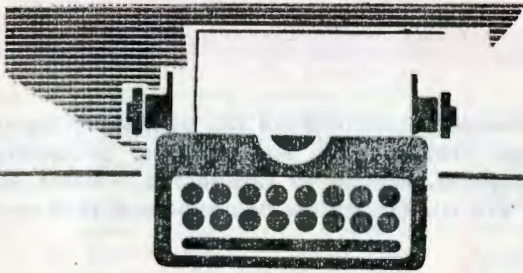
Но обольщаться рано. Свидетельством тому — хотя бы недавнее участие в выборах в Советы. Далеко не все наши кандидаты стали народными депутатами. К примеру, лишь пятая часть баллотировавшихся прошли в облсоветы, около трети — в райсоветы, примерно четверть — в горсоветы. О республиканских органах власти не говорю. Можно, конечно, в оправдание найти немало объективных доводов. Но я бы выделил другое. Многие партийные работники не умеют вести диалог с людьми, завоевывать их доверие, увлекать силой убеждения и аргументов. И это, пожалуй, самое коварное наследие застойного прошлого.

Важно в каждом партийном коллективе уйти от заскорузлых стереотипов, прекратить изжившую себя практику «дежурных» собраний с мало волнующими людей повестками дня. Надо ставить, как того требует обстановка, политические вопросы: текущий момент, тактику действий партийцев, вырабатывать конкретную политическую линию и влиять, влиять на окружающих, поднимая их на решение задач, намеченных XXVIII партийным съездом.

Генерал-майор В. САНИН,
начальник политотдела внутренних войск
МВД СССР по Украинской ССР и Молдавской ССР, делегат XIX Всесоюзной конференции, народный депутат Украины.

нет

59

СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ЗА КОНСОЛИДАЦИЮ ПАТРИОТИЧЕСКИХ СИЛ

Одновременно проходившие в Москве Съезд народных депутатов РСФСР и съезд Компартии Российской Федерации отчетливо продемонстрировали наличие сил, занимающих полярные позиции в перестройке. Не однозначно проходившие выборы на альтернативной основе Председателя Верховного Совета России, избрание с незначительным перевесом Б. Ельцина вместе с тем не вызвали того накала страстей, что буквально взбурлили после объявления итогов голосования по кандидатуре на пост первого секретаря ЦК КП РСФСР. Победа И. Полозкова была весьма болезненно воспринята его противниками.

Многие политологи, журналисты поспешили объявить о черном дне российских коммунистов, о якобы торжестве сил консерваторов и противников демократии.

Ельцин и Полозков—диаметрально противоположные фигуры, с разными взглядами, далеко не одинаковым отношением к ряду направлений, по которым на современном этапе предстоит переустраивать наше общество, Коммунистическую партию, формировать правовое государство. Но есть у них одно общее, что объединило при голосовании депутатов и делегатов,— это боль и тревога за судьбу России.

Но почему так полярны точки зрения некоторых журналистов, не щадящих черных красок, чтобы оболгать, охаять того или иного деятеля! Что так взволновало людей, заставило их взять ту или иную точку зрения!

Однозначного ответа тут не будет. Трудно отвечать на это и делегаты XXVIII съезда КПСС, провозгласившего курс на консолидацию коммунистов, на объединение усилий всего народа во имя перестройки. Прозвучала небывало острая критика высшего руководства КПСС, Генерального секретаря М. С. Горбачева и в то же время в основном поддержан курс партии, намеченный Центральным Комитетом.

Главный итог съезда для нас, людей военных,— это единодушное признание делегатами необходимости дальнейшего укреп-

ления Вооруженных Сил, обеспечения достаточной обороны. Пора прекратить шельмование армии, нападки на офицеров, чьи судьбы переплелись с судьбами миллионов социально слабо защищенных людей.

Но, похоже, в стане «желтой прессы» никак не уймется. Сам факт образования Компартии российских коммунистов, избрание ими лидера не из числа радикально настроенных демократов (к сожалению, пока и такие в партии есть), а Ивана Полозкова, верная по сути, но резкая и бескомпромиссная речь на съезде генерал-полковника А. Макашова в защиту армии, четкая линия М. С. Горбачева и подавляющего числа делегатов XXVIII съезда КПСС в отношении деполитизации армии, МВД и КГБ и многие другие аспекты, которые не устраивают ту или иную платформу, продолжают муссироваться на страницах печати, вызывают мощные залпы с телевизионных экранов.

А почта нашего журнала последних дней говорит о другом. Поддержать Президента Горбачева, не дать ярым противникам перестройки увести его с политической арены, обеспечить реализацию намеченной XXVIII съездом программы оздоровления партии, объединить на ее платформе все здоровые силы.

Не видят наши читатели и в выступлениях военных делегатов на XXVIII съезде КПСС того, что им пытаются кое-кто приписать, а именно «посягательства» на перестройку. Они четко выполняют наказ армейских и флотских коммунистов стоять за единство партии, за обновление, демократизацию внутривнутрипартийной жизни. Так думают простые люди. И какие бы мундиры ни надевали Коротичи и Яковлевы, Собчаки и Поповы, в какую бы красивую оболочку ни облекали слова и фразы, историческое значение съезда российских коммунистов, всесоюзного партийного форума, их консолидирующую роль им не удастся умалить.

ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ

За четыре с половиной послевоенных десятилетия мы воздвигли немало монументов в честь Великой Победы. Но мы нередко забываем, что забота и внимание к поколению, спасшему Отечество,— наша общая нравственная обязанность, что мы бескрылы без героического опыта старших.

«НА НАС МОЛИТЬСЯ НЕ НАДО, НО...»

С ПРАВЕДИВО говорят о нашем поколении, вынесшем на своих плечах всю тяжесть Великой Отечественной, что для него Родина и партия — понятия одного ряда. Именно за родную землю, за ее светлый день, начертанный партией, мы поднимались на врага. Поэтому все, что происходит ныне в стране, в Коммунистической партии, одинаково отзывается в сердце бывалого бойца. Вот и в канун 45-летия Победы, когда мне довелось вместе с другими ветеранами войны, труда, представителями сегодняшних Вооруженных Сил побывать в Кремле на встрече с Президентом СССР, речь

шла не только о фронтовых дорогах, о боях и походах. Она больше касалась нынешнего положения в экономике, политике, воспитании подрастающего поколения и, конечно же,—в КПСС.

Я не разделяю мнения тех коммунистов, которые призывают «закручивать гайки» — что-то, а это мы делать большие мастера. Но я не могу без негодования видеть и слышать, как оскверняются народные святыни, как идет разнузданная критика всего и вся, переходящая нередко в очернительство и подвига советского народа, и самой Победы.

СОХРАНИМ СОЛДАТСКОЕ БРАТСТВО

ПЯТНАДЦАТЬ человек из наших войск были приглашены на встречу в ЦК КПСС с Президентом страны и его советом, членами Политбюро.

Я ехал в Кремль вместе с людьми, удостоенными высоких званий и многих наград, и думал: представься возможность сказать что-то от имени сослуживцев в их адрес, — какие подберу слова? Разволновался. А потом успокоился. Я ведь сам внук фронтовика. Вот вручили мне недавно орден «За личное мужество», а разве нет в этом дедовой науки, отцовской школы?

В последнее время все чаще приходится слышать о конфликте поколений, взаим-

ных претензиях, неспособности младших понять старших. Конечно, за всю молодежь ручаться не могу и не хочу, но большинство ребят, побывавших в горячих точках, такой болезнью не страдают. Мы уважаем и ценим наших ветеранов за твердость позиции, за верность Родине, партии, военной присяге. Это все те качества, которые нужны и нам, чтобы выстоять в трудную минуту, не сплоскаться, не поддаться на провокацию.

Когда встречаемся с фронтовиками, в роте нет равнодушных. Потому что и мы видим их неравнодушие: живой интерес к нам, к нашей службе, быту, горячее желание в чем-то помочь и, конечно же, поделиться опытом, как выполнить постав-

Конечно, не мешало бы много демагога разок сводить в атаку, чтобы у него навсегда пропало желание молоть чепуху. Тут я полностью согласен с учителем из Тамбова, полным кавалером ордена Славы Н. В. Поповым. Но беда в том, что «толкователей и обличителей» сегодня развелось немало и от того, что один-другой прикусят языки, ничего не изменится. Нельзя не видеть, что есть силы, которым очень уж хотелось бы скомпрометировать испытанных бойцов, фронтовых коммунистов, вбить клин между нами и молодежью, приклеить старшему поколению ярлыки сталинистов.

Мы — тертые калачи. Нас с пути истинного не собьешь. А вот юность впечатлительна. Не искушенная в предательстве и обмане, она легко идет на поводу у фразеров, очерняющих идеалы, за которые мы платили кровью.

О нас долго не решались говорить худо. Да и небезопасно это было: как никто иной, фронтовики умеют за себя постоять. Но время берет свое: иных уж нет, других согнули старческие недуги, приковали к постелям раны да контузии. И все-таки наша встреча с Президентом, наш парад 9 Мая показали, что есть еще порох в пороховницах. Мы не иконы, на нас молиться не надо, но и оскорблений мы не заслужили и не потерпим.

В. СЕНТЮРИН,

Герой Советского Союза,
генерал-лейтенант в отставке.

ленную задачу и при этом остаться невредимым. Когда мы слышим: сынок, это бы надо делать не так, а вот как, — мимо ушей совет не пропускаем. Да и глупо так поступать, потому что в словах седых, много повидавших на своем веку людей — опыт выстраданный, проверенный в боях. Как знать, скольких моих сослуживцев выручили их советы

И вот еще что подумалось мне тогда, в Кремле. Разумеется, не блеск орденов и медалей спаял воедино русского и грузина, украинца и узбека, литовца и казаха, представителей всех народов нашей страны. Их роднит святое солдатское братство. И нам его надо обязательно сберечь. Оно поможет моим товарищам, встающим под пулю экстремиста, под нож бандита, защищая ни в чем не повинных людей, яснее увидеть, что не толпы озверевших националистов, сепаратистов характеризуют народы. Ведь в Фергане и Баку, Степанакерте и Ереване простые люди нам говорили спасибо.

Ефрейтор В. НЕЗНАНОВ.

С коллегии МВД СССР

На очередном заседании коллегии МВД СССР под председательством Министра внутренних дел В. В. Бакатина рассмотрен вопрос «Об организации работы и мерах по обеспечению сохранности денежных средств и материальных ценностей на предприятиях, в организациях и учреждениях системы МВД, усилению борьбы с бесхозяйственностью, повышению уровня контрольно-ревизионной деятельности».

Докладчик начальник финансово-планового управления МВД СССР В. Л. Соколов и выступившие в прениях с обеспокоенностью говорили о серьезных недостатках на этом важном участке деятельности правоохранительных органов.

Особую тревогу членов коллегии вызвало то, что одна треть предприятий системы МВД СССР не выполняет планы по получению прибыли, является убыточными. С переходом на плановую рыночную экономику такое положение станет крайне нетерпимым, так как всякая дотация будет исключена.

Признано нетерпимым такое положение дел, когда среди правонарушений в системе МВД СССР большой удельный вес составляют хищения, незаконные сжигания, рост амортизационных расходов, использование дорогостоящего сырья и другие потери, которые выливаются в довольно круглую сумму — 200 млн. рублей. В то же время из более чем 10 тысяч сотрудников органов уличенных в хищениях и растратах, уголовной ответственности привлечено лишь 158 человек. Как отметил в своем выступлении В. В. Бакатин, бесхозяйственность всегда конкретна, и лица, виновные в том, независимо от званий и должностей должны в полной мере отвечать за свои деяния. Пора начинать спрашивать за десятки миллионов растраниженных рублей, спрашивать по большому счету.

Коллегия утвердила также план своей работы на второе полугодие 1990 года. С сообщением по этому вопросу выступил начальник Оргинспекторского управления МВД СССР И. С. Каро.

На
боевом
посту

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ПРОБЛЕМА ТРЕБУЕТ РЕШЕНИЯ

ПИСЬМА С КОММЕНТАРИЯМИ

ФОРМА НА ВЫРОСТ

Из года в год мы либо не получаем форменной одежды вообще, либо получаем ее не по размеру. Два раза в год начальник вещевого службы привозит в батальон вещи, но пока доберемся туда — наше подразделение находится на периферии, — там уже соседи побываю. Им и достаются самые ходовые размеры. Нам же приходится брать что останется или уезжать не солоно хлебавши. Последний раз вещи по размеру получили аж в 1981 году!

Командование части советует: берите что есть, потом приедете на склад, поменяете. Легко сказать! Только на одну дорогу уйдет трое суток.

А почему бы вещевое имущество, подобранное по ростовкам, не доставлять прямо в подразделение вертолетом? Им ведь все равно куда летать во время учебных полетов.

Прапорщики ДУДИН,
КОНОВАЛОВ
и еще 13 подписей.
Приволжское УВВ.

1. РОЖАТЬ НЕ ЗАПРЕТИШЬ

Наши руководящие документы не учитывают специфику охраны и надзора в женской ИТК. Где еще такое возможно — штаты подразделения укомплектованы, а службу нести некому? Контролеры-женщины уходят в декретный отпуск, и вместо них никого не примешь — военнослужащие!

Капитан А. КУВШИНОВ.

Комментарий начальника отдела штаба ГУВВ полковника А. КАБЛУКОВА: Проблема действительно актуальная. Выход в каждом конкретном случае надо искать на месте. Например, с согласия отпускницы ее можно временно перевести на иную должность, а вместо нее назначить контролером другую военнослужащую.

2. РИСК ПОНЕВОЛЕ

У нас, розыскников, нет своего транспорта, удобных портативных радиостанций. Оружие нам не доверяют. А между тем в наших удостоверениях записано: «...разрешено ношение и хранение табельного оружия». Законом предусмотрена ответственность за его неправомерное применение. Кому выгодно сводить наши права на нет инструкциями, уточняющими закон до полной его отмены?

Прапорщик В. РУМО.

Комментарий начальника службы ГУВВ подполковника А. УДИНЦЕВА: Журнал уже писал о недостаточной защищенности военнослужащих подразделений розыска. Она зависит от командира части — это ему Уставом внутренних войск предоставлено право определять вооружение розыскной группы. Многие командиры действуют ответственно, но некоторые, к сожалению, по-прежнему розыск «чужих» беглецов организуют формально, предпочитают не рисковать, опасаясь ответственности за действия подчиненных.

Приказом МВД СССР в штат введены средства связи. Первая партия портативных радиостанций направлена в коллективы, выполняющие наибольшее количество розыскных заданий.

НЕ ЗА НАГРАДЫ СЛУЖИМ, НО...

Несмотря на неоднократные представления, еще ни один (!) комсомолец нашей части не был награжден знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». Что, нет достойных? Есть. Назову фамилии только некоторых из них. Сержант Г. Рогов, ефрейторы С. Воробей, А. Савицкий, С. Пятков, Г. Кириенко, рядовой Д. Матюхин — все они прошли испытание горячими точками страны и ни разу не подкачали. За успешное выполнение задач по охране общественного порядка наша часть награждена переходящим Красным знаменем Военного совета внутренних войск МВД СССР — и в этом их немалая заслуга.

На встрече с делегатами съезда комсомола России нам обещал помощь представитель Политического управления войск. Но дальше слов дело не пошло. Не за награды служим, но... Обидно!

Капитан С. Гололобов, помощник начальника политотдела части по комсомольской работе.
Ордена Красной Звезды УВВ по Северному Кавказу и Закавказью.

ВНИМАНИЕ: РАВНОДУШИЕ!

«СПАСИБО НЕ СОИЗВОЛИЛИ СКАЗАТЬ»

Ныне я пенсионер, уволился старшим прапорщиком. До этого прослужил во внутренних войсках более 25 лет. Почти все годы — в тяжелых климатических условиях, за 400 км от штаба полка. Только год перед увольнением пожил в городе, да и то на частных квартирах...

Ладно, что было, то было. Не один я в таких условиях находился. Но вот о другом промолчать не могу.

Когда пришло время на пенсию оформляться, обходной лист мне подписывали, что называется, не глядя. Ни лица командования, ни начальники служб ни до свиданья, ни спасибо за службу не соизволили сказать...

Трудно давать себе в обиду объективную характеристику, однако я — член КПСС с 1975 года, партийных взысканий не имел, был даже председателем совета прапорщиков. Неужели не заслужил доброго слова на прощание? Тем более, что у нас каждый понедельник политинформация в клубе, разве трудно было хоть там приказ о моем увольнении прочитать, руку пожать? И воспитательное значение это имело бы, и мне было бы приятно.

Вытолкали, как балласт, за ворота в один день. Даже медаль «Ветеран Вооруженных Сил СССР» вручить забыли. Вот вам и плата от родной части, которой отдан четверть века.

Х. ДУРБАЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. На наш запрос по этому тревожному сигналу пришел ответ из УВВ по Средней Азии и Казахстану. Подписавший его генерал-майор А. Филистович сообщил, что медаль «Ветеран Вооруженных Сил СССР» направлена в адрес военкомата по месту жительства Х. Дурбаева. Так что один из вопросов решен положительно. Ну, а о том, какая оценка дана бездушию начальников по отношению к ветерану, — в ответе ни слова. Выходит, никто перед Дурбаевым даже не извинился!

Жители сел Шахбузского района Нахичеванской АССР, граничащих с Арменией, от души благодарят военнослужащих части внутренних войск майора Воробьева Александра Романовича, капитана Трушковского Владимира Павловича, старшего лейтенанта Трофименко Юрия Геннадьевича, лейтенанта Губина Михаила Анатольевича, старшего сержанта Цвиго Константина Михайловича, сержанта Мамиркина Владимира Павловича, рядового Соловьева Сергея Анатольевича, рядового Богатырева Сергея Михайловича, проявивших мужество и высокие человеческие качества при защите их от вооруженных нападений боевиков. За эти несколько месяцев офицеры и солдаты с буквами «ВВ» стали для нас словно родные сыновья и братья.

От имени тружеников села Шада Шахбузского района Нахичеванской АССР председатель райкома профсоюза работников АПК, ветеран труда Г. С. АЛИЕВ.

* * *

Благодарим офицеров Е. Мишина и Г. Коряка за теплый прием. Они устроили для нас и наших сыновей настоящий праздник, помнить о котором будем всю жизнь...

**А. ШИГИНА, участница
слета солдатских матерей.**

* * *

Когда меня призывали на военную службу, я просился во внутренние войска. Это моя мечта — быть среди тех, кто стоит на страже правопорядка. Специально готовил себя к этому, в частности, много и упорно занимался физкультурой и спортом. Увы, мне не повезло, и попал я в ВДВ. Конечно, десантником быть почетно, но мечту я свою не оставил: рассчитываю после срочной пойти в милицию — в подразделение особого назначения.

Рядовой В. ЗАРЕМБО.

ЧТО ЖДЕТ МОЕГО ВНУКА?

Как жена офицера, пишу с болью в сердце. Что сейчас происходит? Откуда появилась такая жестокость, дикость, вседозволенность? И до каких пор будут терпеть воины внутренних войск всевозможные оскорбления и нападки недоброжелателей? Стоят наши ребята, стиснув зубы, перед бесчинствующей толпой, и летят в них вместе с руганью камни, бутылки, железяки... Раньше мы как чумы боялись слова «Афганистан», а теперь—«Закавказье», «Средняя Азия».

Мой внук в этом году заканчивает Орджоникидзевское высшее военное командное Краснознаменное училище имени С. М. Кирова, недавно женился, и меня очень беспокоит, как сложится его дальнейшая судьба.

ОНУФРИЕВА Ираида Дмитриевна.

ДЕПУТАТЫ ИДУТ В ВОЙСКА

Последнее время интерес к нашим войскам со стороны общественности и средств массовой информации значительно возрос. Недавно группа народных депутатов СССР — членов Комитета Верховного Совета СССР по вопросам правопорядка и борьбы с преступностью побывала в дивизии имени Ф. Дзержинского.

Прибыли сюда депутаты не ради праздного интереса. Их интересовали степень подготовки воинов-дзержинцев к выполнению различных служебных задач, условия жизни, уровень технической оснащенности.

Встреча закончилась пресс-конференцией, в которой наряду с представителями многих газет, журналов приняли участие и воины дивизии.

Майор А. СИМОНОВ.

ЧЬЕ ПИСЬМО ЛУЧШЕ?

Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота совместно с редакцией «Полевой почты» радиостанции «Юность» провело конкурс на лучшее солдатское письмо. Победителем стал рядовой Виталий Коваленко.

Солдат не думал о награде—десять суток отпуска за первое место,—когда писал письмо. Хотел привлечь внимание радиожурналистов к нашим войскам. Они не очень-то балуют вниманием парней с буквами «ВВ» на погонах. Командир части против решения конкурсной комиссии не возражал — солдат Виталий Коваленко что надо, не раз отличался в горячих точках страны, награжден медалью «За отличную службу по охране общественного порядка», — объявил воину краткосрочный отпуск с выездом на родину.

А. СЛАВИН.

ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО

КОНЕЦ «ПИНГВИНУ»?

«Большинство наших контролеров живет в общежитии, которое напоминает дом после бомбежки,—пишут контролеры части, где служит подполковник Ю. Глазунов.—Выбиты стекла, выломаны двери, отключено отопление. По нескольку часов нет электричества. Вода привозная, которую месяц не привозят. Спать приходится одетым, иначе зимой замерзнешь. Даже название общежитию у нас придумали — «Пингвин».

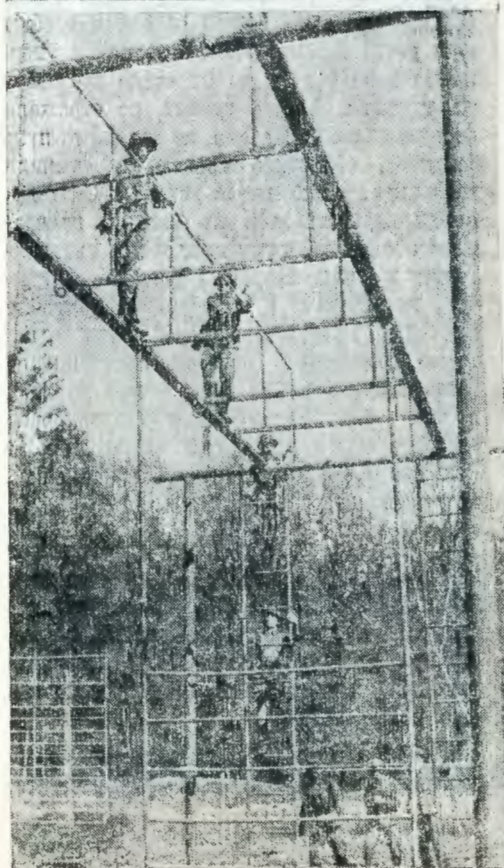
Как сообщил в редакцию командир соединения, факты, изложенные в письме прапорщиков, подтвердились. Командование части и администрация ИТУ самоустранились от удовлетворения нужд военнослужащих, особенно от размещения их в общежитии для холостяков. В ответе редакции также сказано, что в трехмесячный срок острота жилищной проблемы будет снята, наведен порядок в общежитии.

Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

УПОР НА ПРАКТИКУ

Сложное время, беспокойное. Если раньше от боевой выучки солдата зависела в основном итоговая оценка подразделения за период обучения, то ныне цена несоизмеримо возросла. Изменились задачи внутренних войск, тяжким бременем на их плечи легло дело обеспечения общественной безопасности в ряде регионов страны. И от боевой выучки солдата теперь нередко зависит его жизнь и жизнь окружающих. Поэтому главный упор в ходе занятий майор А. Аюбов делает на практику.

Фото П. САЛЬКОВА.

И ВНОВЬ ОБВИНЯЮТ ВОЕННЫХ...

Нападение на караул на железнодорожном вокзале Еревана и кровавые события в городе 27 мая, развязанные экстремистами, и только экстремистами, болью и гневом отозвались в сердцах советских людей.

В самом деле, до какой же степени надо быть циничными и неблагодарными, чтобы среди бела дня совершить вооруженное нападение на солдат, выполнявших боевую задачу по охране армянских пассажиров от азербайджанских боевиков! Получив достойный отпор, бандиты решили отомстить военным: устроили чуть ли не в самом городе засаду и развязали настоящий бой.

Сейчас по этим трагическим событиям идет следствие — будем надеяться, суд установит виновных и преступники получат по заслугам.

Но вот что удивительно: еще, как говорится, не смолкло эхо от автоматных и пулеметных очередей, а уже широким потоком полились обвинения в адрес внутренних войск и тех самых солдат, которые подверглись нападению. Все поставлено с ног на голову. Газета «Коммунист» (орган ЦК КП Армении, Верховного Совета Армянской ССР), например, опубликовала на своих страницах «Обращение творческих союзов Армении к российской общественности». В нем события трактуются следующим образом: «...Вот каковы, дорогие друзья, морально-политические основы происшедших в Ереване 27 мая трагических событий, свергнувших наш народ в несказанную скорбь и смятение. Не вняв отрезвляющим словам своих командиров, несколько членов отряда самообороны, неведомо по чьему подстрекательству, попытались разоружить находившийся на Ереванском железнодорожном вокзале караул и подверглись крайне жестокой, пусть даже предусмотренной военными законами, расправе. Из потребовавших разоружения 10—15 молодых людей 6 были убиты на месте. Вследствие дальнейшего печального развития событий число жертв возросло до 18 человек, один из которых — офицер внутренних войск — пал от пули стрелка отряда, а остальные — ереванцы, — среди которых были невинные дети и женщины, стали жертвами беспощадных действий войск...»

Какой все-таки бесстыжий цинизм! Как нагло извращены события!

Ниже мы публикуем письмо командира роты, из состава которой был назначен караул, подвергшийся нападению на вокзале.

«ЗА ЧТО В МОИХ

Уважаемая редакция. Я капитан внутренних войск Олег Плачинта, командир роты. Это мои солдаты в том самом карауле подверглись нападению на Ереванском вокзале 27 мая.

Объясню, что заставило написать это письмо. Недавно прочитал в газете «Коммунист» от 7 июня обращение творческих союзов Армении к российской общественности. Познакомился с трактовкой, которую дают авторы этого документа событиям 27 мая. «...Не вняв отрезвляющим словам своих командиров, несколько членов отряда самообороны, неведомо по чьему подстрекательству, попытались разоружить находившийся на Ереванском железнодорожном вокзале караул и подверглись крайне жестокой, пусть даже предусмотренной военными законами расправе. Из потребовавших разоружения 10—15 молодых людей 6 были убиты на месте...»

Не понимаю, зачем понадобилось таким образом исказить факты и о чем вообще идет речь? В моих ребяг стреляли в упор, пытаясь во что бы то ни стало завладеть их оружием. А они, значит, не отражали вооруженного нападения, не падали от пуль бандитов, обливаясь кровью, а «чинили расправу». Лихо перевернуто?.. Солдаты, которые действовали по закону, превратились с легкой руки армянских интеллигентов в «лиц, творящих расправу», причем, как сказано в их обращении, крайне жестокою. Вооруженные же налетчики, которые сознательно шли на преступление (ведь в руках у них было боевое оружие, и они его применили) и хладнокровно расстреливали солдат с расстояния нескольких шагов, — всего лишь «молодые люди, потребовавшие разоружения».

У меня до сих пор перед глазами этот вокзал, куда я прибыл спустя 20 минут после происшедшего, выносил своих раненых ребят. Поля залит кровью, дым, трупы, стоны... Разве забудешь такое? Мои подчиненные, мои солдаты сразу рассказали мне, что произошло.

Караул только что закончил службу по сопровождению поезда Кафан—Ереван. Это,

62

СТРЕЛЯЛИ СОЛДАТ?»

кстати, было сделано по просьбе правительства Армении, чтобы обеспечить безопасность пассажиров. Военнослужащие вышли из поезда и зашли в воинский зал, а начальник караула лейтенант Павел Терещенко, мой заместитель по политчасти, пошел встречать машину: она должна была прибыть за караулом из части. Солдаты сели на скамейки и стали дожидаться офицера. Внезапно к караулу кинулись боевики, вооруженные револьверами и автоматами. Они потребовали, чтобы солдаты сдали им свое оружие, начали стрелять вверх, думали, наверное, что испугаются солдаты, бросят автоматы. Но не на тех, как видно, напали. Помощник начальника караула старший сержант Вигантас Ранкаускас скомандовал: «Присоединить магазины!» Поняв, что оружие солдаты не отдадут, нападавшие стали практически в упор расстреливать их. Караул открыл ответный огонь и отразил нападение. Никто из моих солдат и сержантов устава не нарушил. Оружия, с которым каждый из них принимал присягу, из рук не выпустил ни один, хотя и ранены были все, кроме сержанта Владимира Микулы: его, по счастью, обошли бандитские пули. Сержант Жовтянский Олег лежал в луже крови. Когда я повернул его, он открыл глаза, узнал меня и сказал: «А все-таки, товарищ капитан, автоматы мы им не отдали».

Десять военнослужащих из одиннадцати получили ранения, в том числе и тяжелые: лейтенанту Терещенко, который сразу бросился на помощь подчиненным, пули пробили позвоночник, рядовой Яковлев Александр ранен в живот, ему сделали операцию на желудке, Вигантасу Ранкаускасу пуля пробила колено, но он не ушел до тех пор, пока не унесли последнего раненого.

Когда я приехал, увидел Вигантаса, стоящего с автоматом у колонны в готовности отразить новое нападение, он со слезами на глазах спросил: «Товарищ капитан, за что они нас так?» Что я ему мог ответить? За что стреляли в моих солдат? Этот вопрос мы и сейчас задаем друг другу. Ведь мы же армянских пассажиров защищали,

солдаты три месяца рисковали жизнью, охраняя безопасность тех, кто ехал в поезде. Три месяца под угрозой обстрела, подрыва состава. Случись что, мои парни прикрыли бы и их, никто б не дрогнул.

В карауле этом, где всего-то одиннадцать человек, солдаты и сержанты шести национальностей: трое русских, трое украинцев, два литовца, казах, узбек, молдаванин. И никогда никаких национальных проблем между ними не было.

Каждый из моих подчиненных понимает — илечики и армянский народ — это далеко не одно и то же. Мы служили в Ереване, не раз бывали в районах Армении, где охраняли армянские селения, везде встречались с людьми, видели и интерес к себе, и дружелюбие армян, и их щедрость... И тем непонятнее это нападение на вокзале. Как объяснить жене моего замполита (дочурка у него еще совсем маленькая), почему у ее мужа пробит позвоночник? Что сказать матери Саши Яковлева, получившего пулю в живот? Что написать матерям других раненых ребят? (Когда этот номер подписывался в печать, пришла скорбная весть — в госпитале скончался лейтенант Павел Терещенко. — Ред.).

Сержант Владимир Микула поехал сейчас в отпуск. Дома у него жена и сын, которому вот-вот исполнится годик. Владимиру еще не видел своего сына. Я с ужасом думаю о том, что он мог бы его никогда не увидеть... Так за что стреляли в моих солдат?

И вот еще о чем думаю. Наверное, это не только моих солдат тревожит. Где гарантии того, что по нам, военным, которые все делают, чтобы поддерживать порядок и законность в Армении, вновь не станут стрелять? Ведь этих «нескольких членов отряда самообороны» в Армении много. Много у них на руках и оружия. А вдруг они снова не послушают «отрезвляющих слов своих командиров». Что тогда?

Капитан О. ПЛАЧИНТА.

ОТ РЕДАКЦИИ. Как видим, «тбилисский синдром» кто-то пытается превратить в «ереванский». Опять на военных выливают ушаты помоев. Опять их выставляют единственными виновниками кровавых перестрелок, оставляя вооруженных экстремистов невинными агнцами. До каких пор?

50 ТЫСЯЧ ЗА ГОЛОВУ ЛЕЙТЕНАНТА

НАД БАСТУЮЩИМ «блокадным» Степанакертом висит тончайший запах шашлыка, который вот-вот снимут с мангала и... Порывы легкого ветерка то слева, то справа, то с фронта, то с тыла бросают аромат жареной баранины в лицо загорелым сильным мужчинам, глотающим... кашу-шрапнель. У сильных мужчин кружится голова, бегают желваки...

Толя Андрущенко, лейтенант спецназа, спросил угрюмо и безнадежно: «А что, творожку-то не было?» Солдат, ходивший в соседний магазин за покупками, виновато-жалостно выдал: «Не дали. Вот молока еле выпросил. Говорят — мы вас сюда не приглашали и кормить не будем. Пусть Горбачев вас кормит, оккупантов... — солдат выдал все как есть — у спецназа вообще прямота в почете, все без недомолвок, открытым текстом. — Совсем злые стали армяне».

«Станешь тут злым», — лейтенант вздохнул, запил солдатский свой ужин литром голубоватого пакетного молока и взял в руки балалайку. Под ностальгически-горестный «Светит месяц» часть обитателей офицерского «общешития» стала в ...надцатый раз «смотреть «Робота-полицейского» на мутно-зеленом экране старенького телика. Кто-то писал письмо в надежде отправить верной оказией в Россию, кто-то перебирал книжный дефицит из последнего завоза — Владимир Набоков, сборник антиутопий Замятина, Хаксли и Оруэлла, детективы Честертона и в нагрузку... сборник армянских писателей, который у своих не очень-то расходился... Мы с замкомроты старшим лейтенантом Мишей Перовым уединились в «канцелярии» для успешного разговора «за жизнь».

Жизнь эта после ужина не стала веселее, тем более что вопрос о скором возвращении на зимние квартиры в который раз отложили. Но Перов по натуре оптимист и после очередного дня нескон-

чаемой карабахской командировки, после «классической» вечерней трапезы глазами блестит, словно после торжественного банкета с шампанским, на котором объявили о возвращении домой.

И если вдруг мелькнет в минуты уныния (они ведь, крушащие кирпичи, люди не железные) мысль об увольнении из войск, то думают они не о золотом месте рубшика мяса, не о видео-шашлычно-порнушном кооперативе. Думают о серьезном мужском деле, чтобы без халтуры и без дураков, достойно для офицера. Взять те же ОМОНЫ — отряды милиции особого назначения. Сохранив все атрибуты рискованной романтической службы, приобрести рассчитывают близость семьи (милиция действует в основном в пределах своего УВД), более-менее нормированный и упорядоченный рабочий день (дежурство по сменам). Квартиры там обещают побыстрее. Премии в милицейском спецназе вроде бы дают, если в операции отличился, могут и два оклада положить. На майорские должности называют войсковых лейтенантов ОМОНЫ — в цене наши парни.

Не та, конечно, цена, которую здешние бандюги предлагают — 50 тысяч за голову лейтенанта Семина. Спекулянты же они махровые и наглецы известные — Игорька нашего ценят как какой-нибудь подержанный «Мерседес». Вот додумались! Дичь какая-то, бред! В советское время!..

Игорь Семин для спецназовца выглядел неважно: пергаментная бледность, ввалившиеся щеки, всклокоченные волосы, из рукава тельника видна забинтованная кисть... Он ждет отпуска по ранению, точнее — по контузии. Сотрясение мозга, перелом фаланги пальца, ушиб коленного сустава — все не смертельно, но на время из строя выбыл. Товарищи подшучивают: «Теперь, Игорек, твоя голова, видно, упадет в цене — станешь туго соображать». Он вяло

улыбается в ответ: «Ну уж, фигу им — еще лучше стану соображать. И «сферу» буду надевать в каждое «дело».

На вчерашнее сопровождение Семин отправился в краповом берете. «Надежды на авось не оправдались — получил камнем по башке, поумнеет теперь», — ротный, жалеючи лейтенанта и пеняя остальным, гневится. Семин пишет рапорт о случившемся вчерашней ночью, а я разглядываю лейтенантскую обитель. Это — тренерская в холодном и гулком спортзале. Потолки высоченные, окна занавешены одеялами. Вместо тумбочек — крепкие ящики цвета хаки. Над каждой из пяти коек — краповый берет и «камуфляж», подворотнички блее здешних горных вершин. По некоторым деталям аскетического антуража догадываюсь о пристрастиях каждого из лейтенантов — знакомец Шварценеггер, гитара, шахматки, боксерские перчатки и... молоткастый, серпастый советский флаг. Над койкой Игоря Семина. Он перехватывает мой взгляд: «Из Баку привез — жечь хотели эти бесноватые...» Маленький алый флажок и на полевой форме Миши Перова. «Уставом не предусмотрено ношение на полевой форме каких-либо знаков», — сделал тому замечание один из проверяющих. «Советский же флаг, товарищ полковник», — опять не по уставному ответил тогда Перов и... значка не снял.

Дашь спецназу советский флаг? А почему, собственно, нет? Выразительная в своей лаконичности нашивка на рукаве ли,

на груди ли, говорящая всякому без переводчика: «Я — защитник Советской власти!» — не будет лишней. А то ведь «Власть Советов повиснет, как фраза, если так, через семьдесят лет, подменяют солдатом спецназа и Верховный, и местный Совет». Лучше, чем русский поэт, не скажешь: в самую точку попал Игорь Ляпин.

От материй высоких, из которых шьются государственные флаги и ткутся святыя понятия, ребята из спецназа предлагают спуститься на бrenную землю и поговорить о суровой прозе. Вот хотя бы о материи трикотажной, из которой уже какое десятилетие кряду строчат младшим офицерам белье. Цвета оно, нет, не голубого, а до неприличия кальсонного. Выставлять его на крепкой груди в вырезе спецназовской куртки просто стыдно. У Игоря Семина отец — недавний подводник, «капраз» запаса, да братишка двоюродный — десантник, Герой Советского Союза — они нет-нет да и подкинут по-родственному пару тельников. Командир роты с замом тельняшку не носят из принципа: «Ни морской пехоте, ни ВДВ мы ни в чем не уступим и ничего чужого присваивать себе не хотим. Если в верхах не могут нам ничего путного предложить — сами будем бельишко красить в зеленый цвет. Глядишь, через пять-десять лет получим майки-цвета хаки. Но это все мелочи...»

Я бы тоже не придавал особого значения этой теме, если бы на следующий день не посмотрел соревнования на первенство по рукопашному бою. Здоровенные, креп-

кие ребята делали свои боевые молниеносные па, облачаясь кто во что. Кто в трусах, кто в спортивных костюмах, присланных из дома, а кто и в солдатском белье. Оно, говорят медики, гигиенично — чистый ведь хлопок. Со стороны рубахе и кальсоны гляделись прямо как киноно. Но все рано или поздно трещало и разлось, пропитывалось крепким солдатским потом и покрывалось пылью. И, так и не став киноно, белье переставало быть бельем... Что наденет на себя спецназовец, когда спустя минуты отправится на операцию в горы?

Вчера, отправляясь в горы, лейтенант Игорь Семин надел отцовскую тельняшку, которая и грела, и уверенности придавала. Обычное вроде бы дело предстояло — проводка колонны.

«Довожу до вашего сведения, что в 20.45 взвод был поднят по сигналу... Начальник штаба комендатуры поставил задачу сопровождать машины в район Шуши для перегрузки скота. Старшими поехали полковник внутренней службы Усенко и майор милиции Оганесян (представители УВД НКАО. — Б. К.). В 21.20 прибыли в район загопункта г. Шуши. Скот нам не дали. Развернувшись, стали спускаться по проселочной дороге. Колонна была выстроена следующим образом: «Жигули» — четыре машины для перевозки скота [в кабине каждой по одному солдату взвода] — ЗИЛ-130, в котором ехал взвод. Общая длина колонны 150 м. При окончании спуска колонна была встречена группой людей в количестве 200 человек. Старшие полковник Усенко и майор Оганесян позорно бежали, бросив все на произвол судьбы. В это время каждую машину обступили группы людей в 70—80 человек. Благодаря умелым действиям рядовых А. Бычкова, А. Пиковцева и ефрейтора Ю. Дарина, которые, вскочив на капоты машин, не давали разбушевавшейся толпе вытащить армянских водителей из машин. Обстановка осложнялась тем, что из г. Шуши подошли новые автобусы. Толпа в течение нескольких минут увеличилась и стала численностью более 1000 человек. Толпа, подогреваемая спиртными напитками, стала нападать на личный состав взвода. Принял решение: в составе группы — младший сержант А. Каменев, младший сержант В. Суриков, рядовые А. Кулаков, С. Дубина, А. Сидоренко, старший сержант Н. Литовченко, ефрейтор Ю. Кузнецов — пробиться в голову колонны для освобождения водителей и солдат взвода, сопровождающих их. Оружие применять не было возможным, т. к. все машины были окружены плотной массой людей и личный состав был бы неминуемо растерзан. Младший сержант А. Каменев после осмотра прилегающей горы доложил, что видел группу вооруженных людей. После того как я с ним пошел проверить численность этой группы, мы были обстреляны из мелкокалиберного оружия. В 22.00 толпа по-

шла на штурм машин. Я с группой захвата, действуя прикладом автомата, руками, ногами, «Черемухой», пробился к первой машине, взяв водителя и рядового А. Бычкова, стал отходить назад. В это время рядовой А. Пиковцев, рискуя жизнью, вытащил водителя из машины, которую сбрасывали в пропасть, и стал отбиваться от толпы. В это время подоспели мы. Рядовой Д. Лежанкин и ефрейтор Ю. Дарин продолжали защищать машины. Машину ефрейтора Дарина подожгли. Младшие сержанты Каменев и Суриков вытащили водителя из горящей машины. Старший сержант Литовченко, умело руководя личным составом, пробился к нашей машине. Все армяне были сосредоточены в кузове машины. Во время вызволения группа охраны в составе ефрейтора А. Возиянова, рядовых К. Картушина, А. Романова мужественно сдерживала натиск толпы на нашу машину. После этого занял круговую оборону. В 23.10 толпа стала штурмовать нашу машину. Весь личный состав проявил образцы мужества, стойкости, самоотверженности, взаимовыручки и, используя навыки рукопашного боя, до 23.46 не дал толпе подойти к машине. В 23.50 на вырубку прибыла в/ч... (подчиненные подполковника В. Васильева. — Б. К.).

В выполнении боевой задачи участвовало 15 человек. Телесные повреждения получили 10 человек (себя командир взвода посчитать забыл. — Б. К.). На младшем сержанте А. Каменеве была разрезана куртка камуфлированная утепленная.

Считаю, что весь личный состав, участвовавший в проводке колонны, а именно: старший сержант Литовченко Н. В., младшие сержанты Каменев А. В. и Суриков В. В., ефрейторы Кузнецов Ю. А., Дарин Ю. М., Возиянов А. В., рядовые Пиковцев А. Л., Бычков А. Э., Лежанкин Д. В., Дубина С. А., Сидоренко А. А., Кулаков А. Л., Картушин К. А., Романов А. В., заслуживает поощрения, о чем и ходатайствую.

Командир взвода специального назначения лейтенант Семин И. И.»

Вот такой документ. Беспристрастный и бесхитростный. Руководство областного УВД может встать в позу по поводу слов лейтенанта о бергстае «старших» с поля боя. Их дело. Но поле боя я намеренно не беру в кавычки. Наверняка кое-кто из шушинцев возмутится за «подогретую спиртными напитками толпу». Если не алкоголь и наркотики помutilи разум тех людей, то что же? Дурман националистический? Вопрос не снимается.

Вот такой документ. Да не обвиняет меня в приверженности бюрократической терминологии, но дать ход тому рапорту захотелось немедленно. Чтобы перестал взвод лейтенанта Семина, последний по штатному расписанию, ходить «в отстающих» по наградам. Нет, здесь не устраивают соревнования, у кого больше знаков спецназовской доблести. Просто мужественные

парни, находящиеся в жестоком карабахском противостоянии на самом острие, словно меж двух электродов ожидающие молниеносный огненный разряд, они очень чутки ко всякой несправедливости, нечестности.

Начальник политического отдела Командатуры Особого района полковник Владимир Андреевич Скоробогатов привык здесь действовать без волокиты: «В приказ немедленно!» В тот же день восемь отличившихся получили знак «За отличие в службе» II степени, еще шестеро — знак ЦК ВЛКСМ «За активную работу по охране общественного порядка». Как говорилось при вручении: за активную боевую работу в Карабахе. Чуть раньше медали «За отличную службу по охране общественного порядка» был удостоен лейтенант Игорь Семин.

Удостоились наши офицеры и внимания газеты «Молодежь Азербайджана». Заголовок публикации там был витиеватым и претенциозным — «Сколько стоит голова лейтенанта Семина? или Несколько слов о бесчестном отношении к офицерской чести и комсомольской беспринципности». Автор утверждает, что, во-первых, участник IX пленума ЦК ВЛКСМ капитан С. Демиденко клеветает на азербайджанский народ; во-вторых, делает объектом досужих вымыслов молодого офицера И. Семина; в-третьих, якобы несправедливо объявляет ситуацию в НКАО и вокруг нее междоусобной войной...

Обвинив С. Демиденко в демагогии, автор сам без тени сомнения взял на себя роль толкователя «очевидных истин», хотя вряд ли по своим односторонним взглядам на междоусобную войну (именно так, без кавычек, назовем то, что происходит в регионе) способен к беспристрастности, объективности.

Именно войны внутренних войск являются реальной силой, сдерживающей безумцев всех кровей. Ценою своей крови, а порою и ценою жизни. Они — не «герои местного масштаба», они — герои без всяких оговорок. Пройдет ослепление непримиримых, и те, и другие поймут, кто препятствовал кровопролитию.

Поколесив с «красными беретками» по Карабаху, я убедился, что в сегодняшней ситуации награда не должна «искать героя». Вот они, герои горячих точек, сидят месяцами в своих подразделениях и очень гордятся своими наградами, так как знают им истинную цену. Все переживали за лейтенанта Сергея Цыбранкова. Он со своим взводом в Абхазии был, под пулями. Пусть скажут абхазские и грузинские матери спасибо смелым ребятам спецназа, в который уж раз ставшим стеной на пути междоусобной войны.

Чуть позже выйдет Указ, Сергей Цыбранков получит медаль «За боевые заслуги». В этом случае справедливость восторжествовала. Но есть примеры другие, когда бюрократический уклад наш больно

ранит человека. Человек этот мужественный, он смолчит и от физической боли, и от моральной раны. Но вокруг-то видят несправедливость. Дабы не сыпать соль на эту рану, обойдусь без фамилий. Случай к тому же типичный для войск.

Итак, в экстремальной обстановке проявила лучшие качества спецназа группа офицеров — освободили заложника, взяли террористов, обошлись без выстрелов и потерь. Всем отважным — по ордену. Кроме одного. Командование части — за разъяснениями, мол, всех представляли, все заслужили. А в ответ: «Товарищ Н. только год назад Красную Звезду получил — за отличные показатели в боевой и политической. Теперь несколько лет надо подождать. Порядок такой...»

Это беспорядок, если не сказать больше — равнодушие к нашим героям, равнодушие к их труду, которое сродни оскорблению.

Олег Коржииков, капитан, командир роты, тоже попал в немилость к вышестоящим. Приютил он как-то в Степанакерте корреспондента профсоюзной газеты. Говорили о делах боевых, о проблемах житейских. Всякому станет ясно, что офицеры спецназа живут не шикарно. У того же Коржиикова триста рэ на пять ртов и на все про все. Как там Марине с тремя малышами? Сам вот приехал с двадцатью рублями на шило-мыло, а ей там какво с грудным? Призвался офицер корреспонденту, что, мол, за официальной чертой бедности оказался, что сердце болит за семью. Краски сумрачные в газете чуток сгустили и тем картину усугубили. Многомиллионному читателю, и командованию в том числе, явился боевой офицер этаким канючащим жалобщиком. Газета требует ответа «о принятых мерах», начальство гневается: «Двухкомнатную квартиру имеет ведь, чего еще надо!»

— Да ничего мне не надо, — Олег Коржииков поводит крутыми плечами. — Я вот на всю жизнь запомню женщин-азербайджанок, которых вырвали из рук бешеной толпы на Каршелке. Они нам готовы были ботинки пыльные целовать...

Карабахский шелковый комбинат был гордостью Степанакерта. Теперь тоже стал местом столкновений. Всех азербайджанцев оттуда погнали. Трое из поселка Киркиджан решили приехать за расчетом. Без сопровождения военных тут никуда. Но толпа безаума — остановили УАЗ, хотели его опрокинуть, разбили зеркало, изрезали резину на колесах. Солдаты, естественно, не могли оставить на растерзание трех человек, из которых две — женщины. Толпа страшна непредсказуемостью своих действий, тупой силой, способной сокрушить горы. Солдаты и их подзащитные пробились в подвал одного из цехов. Здесь их блокировали и объявили заложниками.

Собравшаяся толпа, уже под полторы тысячи, требовала освобождения трех армян, арестованных более двух месяцев на

зад Агдамским (читай — азербайджанским) РОВД за совершение преступления. Другие требования: предоставить одному из подследственных свидание с матерью, для чего обеспечить ей выезд в Кировабад, где находится СИЗО; передать дело в производство Прокуратуре СССР, о чем сообщить т. Сухареву немедленно.

Для освобождения заложников были задействованы несколько подразделений, но впереди, как и всегда, пошли «краповые береты». Командир роты капитан Олег Коржииков и его комиссар и тезка старший лейтенант Перетяко лично вели своих бойцов. Толпа была плотной. Способ «стенка на стенку» тут явно не годился. Замполит с группой солдат обнаружили шахту лифта, по которой и пробрались в подвал, вытеснили из него наиболее агрессивную часть толпы. Под прикрытием солдат заложников вывели с территории комбината лишь под вечер...

Капитанское звание Коржииков получил досрочно. В спецназ он пришел из розыска. И тут, и там — ребята рискованные. Спрашиваю Олега, когда нос ему сломали. «Давно было, в школе еще. Размазали по стенке... И произошел перелом... костей носа и всей жизни. Сначала себя решил не давать в обиду, а потом, когда поумнел, понял, что этого мало, что в защите нуждаются очень много слабых».

Случалось — влетал в истории. К девушке приставали поддатые мужики — вломил им. Сердце свое вовремя прикрыл рукой — нож полоснул по предплечью. Ему знакомые иногда говорят: «Ты, Олежа, прямой и тяжелый, как утюг». Он смеется в ответ: «Нынче утюги — тоже в дефиците, куда без них. Кто мятое разгладит?»

А если серьезно, капитан Коржииков настоящему озабочен проблемами спецназа. Чувствуя, как не хватает специальных знаний, поступил в институт физкультуры, заканчивает второй курс. Мечтает о том дне, когда утихнут страсти в горячих точках, когда «краповые береты» соберутся на свой деловой форум. Есть им о чем поговорить. Единодушно признают авторитет майора С. Лысюка, награжденного недавно орденом Красной Звезды. Поднабрел и капитан В. Чернышев, решая заковыристые вводные в Фергане, Карабахе надо обмозговать программу обучения, вопросы материально-технического обеспечения, решить проблему комплектования подразделений прапорщиками-инструкторами, которых не заманишь скромным жалованьем и туманными обещаниями бытовых благ. Надо провести, наконец, первенство по рукопашному бою, которое стало традиционным в Вооруженных Силах. Уже нет нужды доказывать, что наши спецназовцы не лыком шиты — практическими делами своими они заслужили народное спасибо.

Николай Дмитриев помог гостям донести вещи до гостиницы и на чистейшем английском (с элегантно-оттенком военно-

карабахского диалекта) попрощался с Лео Хольмквистом и Сюзанной Хардальян. Шведские телевизионщики, которых мы возили в Гадрутский район, были очарованы здешними красотами и покорены скромной самоотверженностью и добродушием парней из спецназа. Краповый берет лейтенанта Дмитриева на фоне «как будто швейцарского» пейзажа, где белоснежные вершины и изумрудные склоны, развалины старинной церкви и змейками бегущие ручьи, увидят, вероятно, в Швеции и, может статься, в иных странах. Там узнают о «русских командос» (или рейнджерах — как их там окрестят). Шведы решили, что «голубые каски» ООН в Карабахе вряд ли нужны, раз есть «краповые береты» внутренних войск. Приятно было слышать.

Приятно было видеть и получасовой сюжет «Стена», показанный по ЦТ. С той съемочной группой по Карабаху мы ездили вместе. Небольшая заварушка случилась на стыке Физулинского (азербайджанского) и Гадрутского (армянского) районов. Спецназовцы вовремя «встряли». Тогда-то и взяли небольшое интервью у лейтенанта Семина. Записали, ну и ладно. Как-то позабылось. А потом поехал он в отпуск по семейным. Обстоятельство архиважное — свадьба. Гости, как положено, угощались, а Игорь с дедом своей Елены про фронтовое житье-бытье беседовали. Дед в спецназовские дела дотошно вникал, как-никак воевал-то сам в разведке. Сидят беседуют солдаты...

И вдруг Лена вбегает в комнату: «Там вас показывают!» Вот такой получился свадебный подарок из Карабаха. Стоит молодая жена, смотрит по телевизору своего муженька, сама гладит его буйну голову.

* * *

Когда сдавался этот номер, в редакцию заглянул капитан О. Коржииков, приехавший на долгожданные сборы мастеров рукопашного боя.

Командир «краповых беретов» рассказал о последних событиях в районе чрезвычайного положения, о сложной операции по разоружению группы боевиков в горах Карабаха. Этот рейд спецназовцы провели блестяще, отличившиеся представлены к наградам.

В роте есть приятные новости: получили повышение по службе лейтенанты И. Семин и А. Андрищенко, старший сержант Н. Литовченко стал старшиной. Капитан О. Коржииков закончил второй курс института.

Есть и огорчения у лейтенанта И. Семина — еще одна офицерская семья распалась...

Подполковник Б. КАРПОВ,
наш спец. корр.

На снимке: Гадрутский район НКАО — лейтенант И. Семин, завтрак на обочине.

Фото А. Александрова.

ДЛЯ СПАСЕНИЯ ДУШИ...

Долгое время среди основных завоеваний социализма мы называли свою уверенность в завтрашнем дне. Но вот некогда твердая почва заколебалась под ногами. Судя по многочисленным письмам, это связано с крутым поворотом, который берет наш отечественный корабль в сторону регулируемой рыночной экономики. Трудно не согласиться с доводами Н. И. Рыжкова на третьей сессии Верховного Совета СССР, заявляют читатели, но не покидает мысль, а ну как и на этот раз ведущие экономисты впадают в ошибку, как некогда, пообещав народу коммунизм к началу 80-х? Неужели возможности планового социалистического хозяйствования исчерпаны!

Сегодня мы познакомим вас с мнением Р. И. КОСОЛАПОВА — в свое время главного редактора журнала «Коммунист», ныне профессора МГУ.

ПУБЛИКУЕМЫЕ ниже два документа написаны у истоков и в разгар процесса, известного всем под названием «перестройка». Они имеют для меня глубоко личное и, думаю, серьезное общественное значение.

Мое «взрослое» знакомство с политической экономией относится к периоду 1952—1955 годов, когда автор этих строк провел небольшое, в основе своей и поныне верное исследование противоречий товара и его стоимости при социализме. Уже тогда была очевидна их двойственная природа, наличие в ней возможностей как дальнейшего социалистического обобществления производства, так и возврата к старым социально-экономическим формам, включая частную собственность на средства и предметы труда, восстановление товара «рабочая сила». Первая возможность могла быть реализована только при динамичной научно-технической политике, ликвидирующей огромный сектор тяжелого физического и неквалифицированного ручного труда, технологическую многоукладность производства, при учете комплекса достижений современной научно-технической революции и выведении всего народного хозяйства на уровень высоких технологий. Вторая возможность естествен-

но вытекала из рутинной экономической политики, сводившейся в общем и целом к выполнению годовых и пятилетних планов и, естественно, не гарантировавшей ничего большего, чем сохранение становившегося все более непрочным «статус-кво». Именно вторая возможность была претворена в действительность в годы застоя, что и подвело наше общество к опасной черте.

Еще летом 1968 года я привлекался к подготовке пленума ЦК КПСС по научно-техническому прогрессу. Но пленум так и не состоялся. Только спустя 17 лет, летом 1985-го, было созвано представительное совещание по этому вопросу. То была одна из блестящих акций М. С. Горбачева. Внушали самые лучшие надежды последовавшие затем меры по развитию отечественного машиностроения. Однако спустя полтора—два года выяснилось, что это не настойчивая линия, а всего лишь очередная кампания. Ее заглушил новый вал, на этот раз связанный с внедрением так называемого полного хозрасчета, идеи, несомненно, полезной, но в тех моделях, которые были предложены, неэффективной. Не случайно, сделав крен в сторону исключительно коммерческих регуляторов, правительство в начале 1990 года пришло к решению о фактическом демонтаже го-

сударственного сектора экономики, сулящем во многом непредсказуемые последствия.

Периодическая печать упорно твердит о неработоспособности общественной собственности и плановой системы хозяйства, старательно внушая населению мысль о преимуществах частного предпринимательства. Изощренно-циничный стиль, когда не гнушаются подтасовкой фактов и прямой дезинформацией, и по сути монополия на страницах газет и журналов одних только сторонников рыночной экономики, конечно же, делают свое дело. Но народ должен знать правду.

Любая форма собственности жизнеспособна только при соблюдении совершенно определенных условий, при содержании ее в совершенно определенном режиме. Не составляет исключения и социализм. Общественная собственность на средства производства предполагает соединение в одном лице непосредственного производителя и собственника, включенного в товарищескую ассоциацию себе подобных (что и позволило Марксу называть социализм товарищеским способом производства), и может успешно функционировать только тогда, когда в нее органично встраиваются по меньшей мере четыре взаимосвязанных механизма.

Во-первых, это механизм, стимулирующий у каждого трудящегося чувство хозяина, равно- и полноправного собственника всеобщего достояния. Неверно, как утверждают ныне, что полноценным собственником может быть только частник. Общественная собственность тоже воспринимается человеком как кровная, но для этого он должен быть активно включен в систему управления народным хозяйством и общественного самоуправления как непосредственный пользователь, владелец и распорядитель средствами и продуктами производства, повседневно решать вместе с другими членами ассоциации вопросы распределения материальных и духовных благ. Иными словами, общественная собственность должна быть персонализирована в системе организационных и экономических отношений (к примеру, в разнообразных формах кооперации), а без этого она так или иначе отрывается и отдаляется от индивида, что в конечном счете обрекает ее на гибель.

Во-вторых, это механизм распределения в строгом соответствии с реальным трудовым вкладом каждого, распределения не по капиталу, коммерческой или социальной ловкости, а именно по труду, в соответствии с его полезными обществу результатами. Отсутствующий у нас общественный, массовый контроль над мерой труда и мерой потребления, который Ленин мыслил как непременную составляющую научной модели социализма, — убедительный признак того, что в застойных и кризисных явлениях повинна не проклинаемая ныне марксистская доктрина, а те, кто ее авторитетом прикрывал совершенно другую прак-

тику. «Выводилка», приписки и т. п. — это злобная карикатура на социализм, и нечестно пачкать ими его достойное имя.

В-третьих, социалистическое ассоциирование производителей совершенно бессмысленно, если оно всецело не подчиняется цели удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей человека труда, не направлено на его всестороннее свободное развитие. Потребностная ориентация общественного производства есть сущность социалистического планирования. Последнее призвано закладывать в плановые задания производству информацию о научно отслеженных потребностях общества и личности, сопрягать эту информацию с данными о производственных мощностях и ресурсах народного хозяйства и добиваться неуклонного подъема народного благосостояния. Отсутствие соответствующих научных разработок и организационно-экономических рычагов неминуемо ставит под вопрос само существование социализма.

В-четвертых, общественная собственность — ничто без задействованных в ней механизмов социальной защиты трудящихся. Когда у нас под предлогом интенсификации производства рекомендуют допустить безработицу, а под предлогом повышения качества образования и здравоохранения высказываются за их платность, встает минимум два вопроса: «кто это выдержит?» и «кому это выгодно?» Помимо права на труд, бесплатных школ и медицинской помощи, социализм практиковал и такой способ социальной защиты, особенно малоимущих, как систематическое снижение цен на товары массового спроса. Именно оно как свидетельство повышения производительности труда, а не увеличение прибыли должно всемерно поощряться.

Минуло пятилетие курса на «перестройку». Пора бы подводить итоги. Но делать это весьма непростое. Народ ощутил блага гласности и вместе с тем видит, что зачастую она оказывается тенденциозно односторонней. Народ приветствует демократизацию общественной жизни, но начинает понимать, что на ее фоне рвутся к власти силы, которым безразличны интересы трудящихся. Экономика идет на спад, бушует инфляция, снижается жизненный уровень людей труда при одновременном стремительном росте доходов теневых капиталистов и кооператоров-спекулянтов. Обострились межнациональные отношения, усиливаются сепаратистские тенденции. Дело дошло до кровопролитий, которых страна не знала несколько десятилетий. Наблюдается частичный распад Советского государства и нечто вроде паралича государственной власти.

Можно ли было все это предотвратить? Несомненно.

Так считают не мнимые «противники» перестройки, а убежденные ее сторонники. Перестройке не было альтернативы. Реальная возможность приступить к преобразованиям открылась с конца 1982 года, когда

Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Ю. В. Андропов. В то время начал формироваться один из вариантов перестроечной программы, который впоследствии механически заменили другим. Альтернативы перестройке не было, но альтернативы в перестройке были. Поэтому мы теперь вправе ставить вопрос об ответственности не только в ретроспекции 20—70-х годов, но и в отношении недавнего прошлого.

Почему лозунг «Больше демократии» не дал ожидаемого подъема масс? Почему лозунг «Больше социализма» теперь все больше заглашается антисоциалистическими призывами? На эти вопросы пока нет ответа. Но на них так или иначе придется отвечать.

Пишу об этом потому, что в 1990 году появился призрак нового «ускорения». На этот раз речь пошла не об ускорении социально-экономического развития страны, которое было обещано пять лет назад. Ускоряется переход к «планово-рыночной» экономике, основанный на слепой вере в магию товарно-денежной стихии. В числе мер рекомендовано:

принятие парламентом законов, которые в совокупности создадут правовую основу для перехода к рыночным отношениям;

предоставление фактически полной самостоятельности предприятиям в формировании производственной программы, снабжении, сбыте, ценообразовании (а где же государственный план?);

ограничение госзаказов совокупностью социально значимых товаров для малообеспеченных слоев населения, продукцией стратегического назначения, выполнением обязательств по экспорту и образованием государственных резервов; перевод госзаказов на преимущественно договорную основу;

создание условий для активного разгосударствления собственности с продажей трудовым коллективам и кооперативам большинства мелких, а также ряда средних предприятий, широкого перехода на аренду, формирования акционерной собственности, рынка ценных бумаг, предоставления свободы мелкому предпринимательству;

реформа ценообразования, при которой гибкое государственное регулирование оптовых цен сохраняется только на ресурсы, определяющие весь масштаб цен в экономике (уголь, газ, электроэнергия, нефть и продукты ее переработки, черные и цветные металлы, тарифы на грузовые перевозки), цены же на продукцию перерабатывающих отраслей и закупочные в сельском хозяйстве (то есть на то, что непосредственно потребляется людьми) регулируются спросом и предложением;

систематическая индексация (периодические фиксирование уровня) доходов населения с учетом изменения цен на товары первой необходимости;

позапная девальвация рубля.

Резкий переход к рыночным отношениям, признаются сами авторы этого проек-

та, сопряжен с рядом экономических и социальных неурядиц. Даже если будут включены в действие все мыслимые антиинфляционные регуляторы, цены на продукцию перерабатывающих отраслей промышленности, сельскохозяйственную продукцию, продовольствие и непроизводительные потребительские товары могут возрасти в несколько раз. При этом может быть возмещено не более половины удорожания предметов потребления. Произойдет дальнейшее расслоение населения по уровню жизни. Неизбежна временная безработица...

Кажется, хватит. Скорее всего перед нами путь в никуда. Он не выдерживает требований научности уже хотя бы по той простой причине, что не выверен системой обратных связей — мнением различных категорий населения, прежде всего десятков миллионов людей, живущих от зарплаты до зарплаты. Отсутствует мало-мальски обоснованный отчет того, что же будет с нашей экономикой через два-три-пять-десять лет, в какой «сравнительно короткий срок» (с чем «сравнительно»?); удастся активизировать развитие производства, дать ему мощный импульс, достигнуть равновесия между спросом и предложением, товарной и денежной массами, наполнить и стабилизировать потребительский рынок, добиться реального повышения уровня жизни всех слоев населения.

Увы, всего этого никто не знает и даже не делает вида, что располагает сколько-нибудь добротными сведениями на сей счет. Вот почему я не меняю в принципе свою точку зрения. Как говорил Лютер, «на том стою и не могу иначе», хотя и готов «исправиться», если меня сумеют переубедить.

Итак, два письма наверх, переданные в 1986 и 1989 годах без надежды на ответ...

1986 год. 27 января. Из письма
Генеральному секретарю ЦК КПСС
ГОРБАЧЕВУ М. С.

В связи с проводимой в стране перестройкой управления экономикой среди общественников возрос интерес к ленинскому учению о нэпе. Важной составной частью экономической политики партии, осуществления Продовольственной программы СССР стали меры по оказанию поддержки личным подсобным хозяйствам колхозников, рабочих и служащих. Все эти необходимые и здравые вещи кое-кто... пытается поворачивать в целях противопоставления мелкого производства как якобы всегда более эффективного — крупному, фактически дискредитации общенародной формы собственности на средства производства. Смее утверждать, что при общем идейном и здоровом подъеме в стране среди интеллигенции появилась и некая вариация «сменовеховских» взглядов, которую нельзя не замечать при анализе современной идеологической обстановки...

1989 год. 10 июля. Письмо
Председателю Совета Министров СССР
РЫЖКОВУ Н. И.

Вызывает по меньшей мере недоумение, что многие экономисты ищут пути повышения эффективности социалистической экономики помимо возможностей, заключенных в плановом начале, не пытаются даже как следует раскрыть их. В деятельности объединений, предприятий, вообще звеньев социалистического производства пока что органически не задействована его цель — удовлетворение материальных и духовных потребностей общества. А ведь, казалось бы, прежде всего от степени участия любого конкретного коллектива в достижении этой цели должны зависеть основные показатели его хозяйствования, заработная плата, премии, отчисления на социально-культурные нужды.

До сих пор базой плана не стало всестороннее изучение и прогнозирование общественных потребностей, реалистически сопрягаемое с наличными производственными мощностями и ресурсами. Существующая система изучения спроса носит ведомственный характер, слаба и не выполняет указанной роли.

И еще одно: практикуемый ныне затратный метод определения результатов производства, хотя он по форме и базируется на стоимостных единицах, является на деле прямым нарушением закона стоимости. Закон стоимости в новых условиях должен ориентировать хозяйственника на минимизацию затрат при максимизации конечного продукта; затратный же метод толкает на максимизацию затрат при относительном безразличии к качественному и количественному характеристикам выпускаемой продукции. Этот метод принадлежит к числу причин существования у нас пресловутого дефицита, к тем факторам, которые, прямо скажем, разорительно воздействуют на народное хозяйство. Выход, на мой взгляд, может быть только один (и он соответствует тому, о чем беспокоился Ленин, а не тому, что ему иногда приписывают): это выведение всех предприятий на показатели производства по номенклатуре, ассортименту, качеству продукции при наличии строгой ответственности за его рентабельность (безубыточность или прибыльность). Это положение, кстати, отражено в проекте новой редакции Программы КПСС.

Что же касается «рецептов» выхода из нынешних трудностей в возможностях мелкотоварного производства и рыночного механизма, то они, конечно, могут дать полезный результат, но результат локальный, временный, да и то лишь при одновременном усилении правильного планового руководства. Всякая иная стратегия отбросила бы нас назад, на те ступени экономического развития, которые уже пройдены нашим основным и грозным противником — государственно-монополистическим капитализмом. Это, без преувеличения, вопрос нашей жизни, вопрос состоятельности нашей системы.

У меня и многих моих коллег вызывает все большую тревогу как ухудшение общего состояния народного хозяйства и рост напряженности в обществе, так и некомпетентность рекомендаций тех ученых, которые превращены в МОНОПОЛЬНУЮ группу советников высшего руководства партии и государства.

По сути модель, предлагаемая представителями академической школы экономистов, сводится к формированию у нас наряду с необходимым рынком товаров также свободного рынка капиталов и рабочей силы. В социальном плане это означало бы восстановление товарного характера рабочей силы и ее буржуазной эксплуатации, подрыв права на труд. Формирование рынка как всеобъемлющей системы с присущими ей подсистемами, атрибутами и институтами — дело долгое и трудное. На Западе оно заняло ряд столетий. Поэтому надежду на то, что, приняв рыночную модель, мы быстро войдем в число передовых стран, нельзя характеризовать иначе, как утопический капитализм. На первых порах могущий западный конкурент «сломит нашу туземную промышленность наверняка» (Ленин). Процветающая Швеция или Австрия, ФРГ или Канада из нас не получатся в силу объективных обстоятельств. В лучшем случае СССР будет на десятилетия низведен в мирохозяйственных связях до положения Бразилии или же Индии при нарастающих социальных контрастах и коллизиях (включая развертывание классово-борьбы) внутри страны.

Вызывают удивление и возмущение непрекращающиеся нападки на общенародную собственность и плановое ведение хозяйства, на демократический централизм и социалистическое государство, возможности и преимущества которых пользовались нами лишь частично. Пользуясь нашей исторической забывчивостью, отдельные авторы восхваляют частную собственность и наживу, утверждают якобы правомерность распределения не по труду, а по социальной ловкости. С горечью приходится констатировать, что многие предлагаемые ими рецепты игнорируют нужды и заботы основной массы трудового, в целом малообеспеченного населения и рассчитаны на интересы хотя и небольшого, но влиятельного слоя «богатеньких». Не случайно кое-кому хотелось бы исключить из числа участников перестроенного процесса рабочий класс, который в своей массе может поддержать только его социалистическую направленность.

Меня очень беспокоит то, что высшее руководство в переломный период перестройки удовлетворяется поверхностно-компильтивными разработками спешших

68

ся между собой экспертов по тактическим вопросам, не требуя от них обоснования глубоко эшелонированных, перспективных решений. Откровенно говоря, к подобным разработкам я отношусь и обдумывающий Совмином доклад Института экономики АН СССР о продолжении экономической реформы, составленный при участии Вашего нового заместителя Абалкина Л. И., и широко разрекламированные, но легковесные предложения так называемой «москowsкой группы» депутатов. Основанием для такого утверждения является то, что в науке давно известен иной, более трезвый альтернативный подход. Не приняв его в расчет, не удасться сохранить ни социалистический тип советской экономики, ни государственную целостность и независимость страны. Ваши консультанты отлично знают о наличии другой, не академической, реальной школы экономистов, но вопреки декларациям о гласности не пускают ее ни в печать, ни на телевидение. Они упорно уклоняются от прямого диалога с этой школой, очевидно, сознавая свою несостоятельность.

Изялая Ваш ряд соображений, я опираюсь не только на результаты собственных размышлений, но и на выводы ряда серьезных специалистов, один из которых, профессор Сергеев А. А. (Высшая школа профсоюзного движения), охотно поделился со мной своими заметками.

1. Все мои товарищи согласны в том, что выход из углубляющегося кризиса невозможен без кровной и действительной заинтересованности в этом рабочего класса. Расчеты лишь на такие «движущие силы» перестройки, как высшее руководство страны, «прогрессионо» мыслящие ученые и деятели культуры, центральная пресса, не могут привести к успеху. Движущие силы должны быть массовыми. Теперешний, уже не застойный, а перестроечный экономический кризис, — это кризис ориентации на интересы так называемой «социально активной части общества»: арендаторов; тех кооператоров, которые устремились в «сливочные» сферы экономики и эксплуатируют как потребителей, так и работающих «по договорам»; новых «совбутов» — миллионеров, как уже вложивших свой капитал в «теневую» экономику (100—150 миллиардов рублей), так и выжидающих возможности легальных капиталовложений в теперешнюю крупную государственную промышленность после перевода ее на кооперативные и акционерные начала; поклонников западной модели среди интеллигенции.

Экономическую политику следует решительно переориентировать на непосредственное отражение интересов основных отрядов трудящихся — индустриальных и аграрных рабочих, крестьян-колхозников, научно-технической (прежде всего заводской) интеллигенции.

В этой связи требует смелого, прямо-

таки революционного преобразования вся система планирования. Никогда еще так низко не падал его авторитет, с которым теснейшим образом связано отношение народа к социализму. Должны быть окончательно изжиты приведшие к этому недостатки: пресловутое планирование «от достигнутого»; дутое выполнение плана лишь в денежной форме; порочная традиция постоянной корректировки планов, порождающая безответственное, неуважительное отношение к ним; слабость плановой теории. Планы следует окончательно «посадить» на реальные потребности общества, а для этого наладить их систематическое изучение и прогнозирование повсеместно в стране с учетом природно-географических, культурно-национальных особенностей различных регионов, социальной, профессиональной, национальной и половозрастной структуры населения. Существует иллюзия, что достоверную информацию о его потребностях может дать только рынок. Однако не надо быть крупным специалистом, чтобы уяснить, что рынок дает информацию не о потребностях как таковых, а о платежеспособном спросе. Картину же потребностей в состоянии дать только наука. Решать эту задачу по заказу Госплана может разветвленная сеть специализированных социологических служб по единой методике, которая позволяет утилизировать получаемые данные при разработке плановых документов. Превращение научных сведений об общественных потребностях в основную базу народнохозяйственных планов избавило бы их от налета бюрократизма и сделало формой демократического волеизъявления масс.

Начать перестройку плановой работы в этом направлении можно было бы с составления, популяризации и последовательного осуществления краткосрочной (на 2—3 года) общесоюзной программы по борьбе с дефицитом основных предметов массового спроса. Это сильно способствовало бы трудовой активизации масс. Экономисты-«рыночники» очень любят рассуждать об «индивидуализации» потребностей, имея в виду возможности и стандарты потребления среднего западного буржуа. Но надо знать, от чего в первую очередь страдает советские люди, — не от отсутствия в продаже видеосистем и платяев Кардена, а от паразитирования спекулянтов и торговой мафии на нехватке (теперь, как правило, вызываемой искусственно) того, что требуется человеку каждый день.

2. Наиболее раздражающими население в последнее время стали инфляционные процессы. Товарное покрытие рубля, по расчетам некоторых специалистов, составляет в сравнении с 1961 годом 20—22 копейки. Способ лечения от этого заболевания, предложенный Н. П. Шмелевым: государство должно распродавать все, что может, — отдаст коздревской бесша-

башностью и ничего общего ни с научным подходом, ни с гражданской ответственностью не имеет.

Если уж говорить о «пожарной» мере, то ею должна стать безотлагательная денежная реформа. Опыт на этот счет у страны имеется. Каждому члену общества по паспорту может обмениваться один к одному определенная сумма (скажем, 10, 15, 20 тысяч рублей). Обмен же большей суммы предполагает представление доказательств ее трудового происхождения.

Основной массе трудящегося населения в высшей степени неясно, почему те самые деятели, которые так ратовали за повышение розничных цен (а сейчас, получив преобладающее настроение, соглашаются лишь отнестись эту меру на 2—3 года) и за конвертируемый рубль, вдруг оказываются категорическими противниками денежной реформы. Ведь она не затронет интересы подавляющего большинства советских семей, трудовые сбережения которых, если и имеются, редко превышают названные суммы. Конечно, реформа не решит острые экономические проблемы кардинально и навсегда, но на некоторое время будет существенно снижено давление денежной массы на потребительский рынок: из оборота уйдет (при всех возможных ухищрениях «субуров») не менее 150 миллиардов рублей. Главный же смысл денежной реформы — социальный: трудящиеся хорошо чувствуют стремительный рост нетрудовых доходов и хотя «посчитать деньги в чужом кармане», но не из зависти, а потому, что это их, а не чужие деньги. Вопрос о реформе и ее условиях следовало бы вынести на всенародный референдум, что резко повысило бы популярность перестройки.

Трудящиеся ждут немедленного наведения порядка в кооперативном движении, которое развертывается в формах, зачастую весьма далеких от цивилизованных, а то и просто буржуазных. Для этого пригодился бы опыт 20-х годов, когда по инициативе Ф. Э. Дзержинского была создана авторитетная комиссия для выявления и пресечения деятельности лжекооперативов.

В ближайшие годы надо «дать рабочему заработать», это можно сделать, пойдя на отказ в течение первых двух лет 13-й пятилетки от всякого повышения норм выработки, снижения расценок и массового понижения тарифных разрядов. Понистине удивляет то, что мы позволяем людям зарабатывать везде, кроме государственных предприятий. Вообще надо перестать унижать и злить рабочего человека, который очень чувствителен к нестабильности своего положения. Должна быть решительно пресечена в средствах массовой информации инспирируемая западными источниками травля рабочих, занятых малоквалифицированным трудом (это — численно преобладающая

часть всего рабочего класса), как якобы одной из основных антиперестроечных сил (см., например: Литературная газета. — 1988. — 2 ноября. С. 10).

3. Из всего предыдущего вытекает необходимость усиления социальной ориентации плановой деятельности. Центральным звеном новой системы планирования должен стать развернутый «социально-экономический (всенародный) заказ» развитию производительных сил, а узко понимаемая теперь социальная программа (как программа роста жизненного уровня народа, развития социальной сферы) — превратиться в прогнозирование и планирование всей системы социально-экономических отношений, включая плановый заслон волюнтаристским манипуляциям с формами собственности и рискованным экспериментам с наемным трудом. К шагам подобного рода относятся также постепенное переключение деятельности новых кооперативов со «сливочных» на «более» точки экономики (например, кормопроизводство, производство ряда видов сырья и т. п.); меры по поддержанию эффективной полной занятости; регулирование имущественной и социальной дифференциации общества в соответствии с целями социалистического строительства и др.

В ходе реорганизации неизбежно потребуются выделение в народнохозяйственной структуре стратегического звелона. Оно вытекает из современных научных представлений о сверхсложных (органических) системах, к которым, несомненно, относится и высокообобществленное производство. Функции этого звелона — осуществлять прорыв в качественно новые рубежи науки и техники, социального развития, стабильное бесперебойное снабжение населения всем необходимым. Стратегический звелон функционирует в особом, планово-хозрасчетном режиме, обеспечивая социально-экономическое единство, непосредственно общественный характер и безыскусность всей системы хозяйства, «встраивая» в эту систему и прямые, централизованные, и косвенные, товарно-денежные, связи. В следующих звелонах режиме хозяйственной деятельности должны быть дифференцированы в зависимости от типа предприятия, его общественной функции, места в системе разделения труда, объективных возможностей роста, причём где-то могут преобладать непосредственно общественные, где-то — товарно-денежные отношения.

4. Сохранение гегерешних антицентралистских тенденций в хозяйственном механизме, фетишизация обособления предприятий как универсальной панацеи — это курс на инфляцию, основанный на затратном подходе, который, как хвост, тянется за нами из капиталистического производства. Противоположный, собственно социалистический, путь основан на использовании преимуществ общенарод-

ного хозяйствования. Он предполагает планирование и поощрение снижения всей стоимости, а не одной лишь себестоимости продукции, снижение затрат всего живого труда безотносительно к его делению на необходимый и прибавочный. Основным показателем оценки работы предприятия, от которого зависит и рост фонда оплаты труда, при этом становится снижение цены на его продукцию (при условии решения коллективом за счет собственных средств всех других хозяйственных воспроизводственных задач). Снижение цен является в этих условиях основной формой работы трудящихся на себя, важнейшим фактором подъема их благосостояния.

5. Учеными разработана и уже опробована новая модель экономического соревнования. Оценка работы предприятий при этой модели переносится с фактора выполнения плана на фактор победы в соревновании. Сужая денежные средства, предназначенная для оплаты труда в данном плановом периоде, сбалансированная с товарным покрытием, распределяется на две части: фонд гарантированной оплаты труда и фонд социалистического соревнования. Величина первого фонда на предприятии зависит от численности работающих, условий труда и значения выпускаемой продукции. Величина второго зависит от места, занятого коллективом в соревновании. В итоге, с одной стороны, возникает заинтересованность в результатах труда, с другой — исключается инфляция в случае роста оплаты труда в отраслях первого подразделения без соответствующего роста продукции второго.

6. В свете выявившихся негативных тенденций приходится говорить и о необходимости политических гарантий социалистической направленности экономической перестройки.

Продолжая начатую XIX Всесоюзной конференцией КПСС линию на демократизацию, целесообразно вернуться к полузабытой ленинской концепции Советской власти. Ядром этой концепции является положение о производственной единице — предприятии («производительно-потребительной коммуне») как первичной ячейке государственного строительства и потому первичном звене избирательной системы. Этому соответствуют выборы депутатов в Советы всех уровней не по территориальному, а по производственному принципу. Такая организация Советов, по Ленину, 1) обеспечивает наиболее тесную связь всего государственного и хозяйственного аппарата с трудовыми коллективами, массовыми общественными организациями, прежде всего профсоюзами; 2) создает основу реального успеха в борьбе с бюрократизмом; 3) делает Советы едиными и единственными субъектами социалистической собственности и социалистического хозяйствования; 4) позволяет органически соединить

государственное управление, представительную и непосредственную демократию. Эти ленинские положения, в течение десятилетия фактически не обсуждавшиеся, следовало бы немедленно сделать предметом всенародного внимания в качестве отправных для принятия принципиальных решений по дальнейшему совершенствованию советской системы.

То, что здесь изложено, не исчерпывает всего набора накопленных конструктивных идей. Тем не менее очевидно, что имеются немалые возможности стимулировать позитивное отношение основной массы рабочего класса, научно-технической интеллигенции, всех трудящихся к развитию экономической перестройки, значительно улучшить социально-правовую обстановку для последующих масштабных действий. В этом отношении плодотворен анализ, проделанный коллективом (профессора Гличев А. В., Ельжев В. Я., Кац А. Н., Корняков В. И., Перовщиков Ю. С., Сергеев А. А., Сисюков В. И., доценты Мелентьев А. Ю., Хубиев К. Я., Якушев В. М., экономист Губанов С. С. и др.), результаты которого могут быть вынесены на обсуждение квалифицированной аудитории.

На мой взгляд, назрела потребность в двух вещах:

1. Начать наконец открытую дискуссию на равных двух школ экономистов — привилегированной, академической, и демократической, реальной.

2. Заслушать представителей реальной школы экономистов в ответственных государственных органах, например, на заседаниях Совмина и комиссий Верховного Совета СССР.

Уверен, дело от этого только выиграет.

ПОСТСКРИПТУМ. Все, что здесь изложено, озаглавлено «Для спасения души...» Я и не скрываю того, что, не имея другой возможности повлиять на принимаемые ошибочные решения, стремлюсь показать, что могут быть решения качественно иного толка, и связываю себя только с ними. Если бы я знал об их существовании и по-малкивал из соображений субординации, понимая, что нравится и что не нравится начальству, моя участь была бы по-лакейски связана с его судьбой. Если же ты остерегал заблуждающегося от пути его, чтобы он обратился от него, но он от пути своего не обратился, сказано у пророка Иезекииля, то он страдает за грех свой, а ты спас душу свою.

Дело, однако, не в одном лишь личном самоощущении, хотя оно для меня и дороже жизни. Дело в спасении народа, Отечества и социализма, что выше любого из нас и всех нас, вместе взятых. Именно в этом смысл данной публикации, и если она заставит кого-либо несколько глубже задуматься о происходящем, я буду считать свой долг выполненным.

Елена ПРЯНИКОВА

Недавние тайны

Рассказ об авторе этих стихов будет короток, как коротка пока и сама биография Лены Пряниковой. Ей четырнадцать лет, она школьница, дочь офицера внутренних войск. Свои поэтические строки на суд читателя выносит впервые. Так что Лена в начале пути: и жизненного, и творческого. Но продолжение, как говорится, следует...

СВЕТ

Обгорелая спичка
 лежит у подножья свечи,
 И над белой колонной
 рождается чудо огня,
 И прижавшись к окошку,
 сиреневый вечер молчит,
 И недавние тайны
 просты и ясны для меня.
 Ночь и страхи ушли,
 и горит лепесток золотой,
 На опаловом стебле —
 цветок неземного тепла.
 Он немножечко вечный,
 как память о спичке простой,
 Что согрела мне сердце свечой
 и сгорела дотла.

* * *

В. Новикову, В. Акопову
 Вечер этого дня
 твоим будущим не был.
 Ты упал —
 и, вселенной простор осветив,
 Вдруг рванулась звезда
 вниз по трауру неба,
 Застонала струна,
 обрывая мотив.
 И абхазскую землю
 ты обнял руками,

И наверное,
 даже понять не успел,
 Как недавние братья
 вдруг стали врагами
 И какая цена
 у неправедных дел.
 Я не знала тебя,
 мой далекий товарищ,
 Но теперь мне уже
 не забыть никогда
 Твое небо,
 умытое кровью пожарами,
 Твое солнце,
 покрытое корочкой льда.

АКТЕРУ

Не спорю,
 ты прекрасен в этом гриме...
 Но ведь опасность есть
 в конце концов
 Заговорить словами
 не своими
 И не заметить театральность слов.
 И ты непониманью
 поразись,
 Когда в один из непрекрасных дней
 Словами
 не своими объяснишься
 В чужой любви невесте
 не своей.

«Ответьте нам через журнал...»

Здравствуй, уважаемая редакция! Пишет вам группа военнослужащих из Хабаровского края. Мы скоро уйдём в запас, но не дадут нам покоя судьба нашего «комсомола».

Спросите, почему о нём пишем в кавычках? Потому, что у нас в батальоне его нет. Это мы заявляем со всей ответственностью, к тому же один из нас целый год был секретарем бюро ВЛКСМ роты и секретарем бюро ВЛКСМ батальона. Да-да, не удивляйтесь: сидел на двух стульях одновременно. И это тоже характеризует отношение к комсомолу, ведь прежде комсомольский секретарь был освобожден от службы, а нынешний ходил в караулы вместе с другими и делал все, что полагается другим. О комсомольской работе на должном уровне и речи быть не могло. Да и велась она в угоду командованию батальона. Все комсомольские собрания проходили (да и сейчас идут) ради галочки. Например, выборы нового состава комсомольского актива роты, батальона. Уже задолго до

собрания командование решило, кто войдет в этот состав. Нам оставалось поднять руки «за». И не дай бог, кто-то будет против...

Мы надеялись, что с приходом нового политработника батальона что-то изменится. Но наш молодой, энергичный и принципиальный старший лейтенант Гуменюк оказался не многим лучше предшественника — майора Александрова.

Комсомольское собрание — это единственное место, где, казалось бы, можно говорить все и обо всем. Но не тут-то было. Командованию нужно, чтобы комсомольцы решали так же, как решает руководство. Но ведь у нас есть свое мнение! Тем, кто в чем-то не согласен, ^{затык} кают рот прямо на собрании. Правда, в вежливой форме, но что это меняет по существу?

Вот пример. Комсомолец-сержант допустил грубый дисциплинарный проступок. Потребовалась комсомольская характеристика, приятном непременно отрицательная. Но мы ведь знаем человека лучше, сами принимали его в комсомол. О нем

отзываются как о хорошем товарище, требовательном командире. Караулы, в которые он заступал начальником, всегда были отличными. Опять же он имеет множество поощрений от командиров, комсомольской организации. Но оступился, и что же — давайте исключайте из ВЛКСМ?!

Мы его не оправдываем. Строгий выговор с занесением в учетную карточку будет ему хорошим уроком и даром не пройдет. А вот командование батальона упорно настаивало на исключении.

Вот мы и спрашиваем: нужен ли вообще такой комсомол, который не может высказать своего мнения? Убедительно просим ответить на наше письмо через журнал.

Рядовой Жлудов, сержант Мокляк, рядовой Федосеев, сержант Абдуллаев и др. (всего 14 комсомольцев), а также младший сержант Ключок, ефрейтор Козулин, рядовой Головин — желавшие вступить в ВЛКСМ, но по причинам вышеизложенным их желание резко пропало.

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы попросили ответить на это письмо члена рабочей группы XXI съезда ВЛКСМ майора М. КЕШИШЬЯНА.

— Противоречивые чувства вызвали во мне эти строки.

Нет в батальоне комсомола! Но если есть в нем болевые за дело комсомольцы, стало быть, комсомол есть и разговор надо переводить в другую плоскость: что предпринять для активизации ротной, батальонной организаций ВЛКСМ, повышения их боевности. И не надо все сводить к должности освобожденного комсомольского работника. В свое время были и должности, но разве в каждом батальоне бурлила комсомольская жизнь? И потом, если взялись мы сегодня по-государственному считать каждую копейку, то давайте ответим и на такой вопрос: по средствам ли батальонной организации содержать на комсомольские взносы прапорщика?

Еще один вопрос возник по ходу чтения письма: надо ли связывать улучшение дел в первичке с приходом того или иного политработника? Или только он должен генерировать молодежные идеи?

Затем. Пишете, что вам навязываются решения, начиная от подбора комсомольского актива и кончая вынесением комсомольского «приговора» по конкретному персональному делу. А почему бы тому же «сидевшему на двух стульях» комсомольскому секретарю не поставить вопрос ребром на открытом партсобрании? Не поискать поддержки у партийного секретаря, рядовых коммунистов? Нет! Вы ропщете, но между собой, негодуете, но шепотом. А комсомолу сегодня, как никогда, нужны бойцы, люди, чье желание бороться за авангардную роль в молодежной среде не может «резко пропадать», как у тронх товарищей, подписавших письмо.

И последнее. Хотелось бы нам услышать на этот счет мнение коммунистов батальона, в котором «комсомола нет».

ВЗВОДНЫЙ ИЛИ КУРСОВОЙ ?

«Понедельник. Моя работа в том, чтобы представить взвод на занятия. Но это по силам сержанту! То же самое можно сказать и о самоподготовке: и замком взвода может проверить, все ли люди на месте, получена ли нужная литература, требуется ли консультация преподавателя. Так что я мог бы освободиться после развода...»

Из письма в редакцию старшего лейтенанта Н. Послухаева, командира взвода СВВКУ МВД СССР.

ПО ИСТИНЕ это чудовищная несправедливость, способная сломать жизнь, когда человек, делающий первые самостоятельные шаги на избранном поприще, не может шагнуть в полную силу, стреноженный обстоятельствами, связанный условиями и условностями по рукам и ногам. Сначала ему время от времени подают уставную команду: «Ре-же!». Чтобы не забывался. А там, глядишь, втянувшись, и сам командует себе. Мирится с тем, что его профессиональные качества надолго, если не навсегда, переходят в разряд потенциальных, нереализованных, — своеобразный НЗ.

Так или примерно так происходит это с командирами курсантских взводов в военных училищах. Я не сгущаю краски: подающие надежды, они подают их до тех пор, пока постепенно не оказываются в незавидной, а для молодого офицера губительной, категории бесперспективных. Почему? Сказывается зыбкая, расслабляющая среда, в которой верхняя планка предельной загруженности офицера — где-то по пояс взводному в войсках. Это настолько очевидно, что не требует доказательств. И все же, во избежание обвинений в голословности и демагогии, я их приведу.

Командир курсантского взвода с легкостью решает стоящие перед ним задачи. И хотя пользы приносит мало, не вина это его, а беда. Взять то же обучение. На его плечах — строевая подготовка и общевойсковые уставы. Плюс к тому участие (в роли то ли наблюдателя, то ли посредника) в проведении занятий по тактической, огневой, физической подготовке и тактике

внутренних войск. Перетрудиться сложно, так как годовая учебная нагрузка — то, что он действительно проводит сам, а не оказывает содействие — едва превышает месячную нагрузку командира мотострелкового взвода. Да и то только на первом курсе. На остальных же занятия по строевой и уставам вместе составляют около сорока часов в год. Переведите-ка на нагрузку его коллеги в линейных частях, сколько получится? Две недели? Три? Во всяком случае, не густо. Честно сказать, плохо представляю себе, на что бы я был способен после нескольких лет подобного служебного рациона.

Результаты воспитательной деятельности командира курсантского взвода не намного превосходят эффект обучения: целых четыре года перед ним два с половиной десятка одних и тех же людей, в то время как в войсках коллектив каждые полгода обновляется на четверть. Время от времени гложет мысль, что он их всех знает «от и до», к чему еще стремиться? Не случайно на взводных в училище «вешают» столько внутренних и гарнизонных нарядов. Скажите, станут ли человека, действительно занятого, чем-либо еще обременять? То-то.

Вот уже где урок для курсантов — нарочно не придумоешь. Если на командиров рот и батальонов они смотрят, как на людей, занимающих пока недостижимые должности, то на взводного — особенно старшекурсники — глядят почти как на ровню, от силы как на вчерашнего-позавчерашнего курсанта. И что они видят? Каким предстает перед ними тот человек, с которого они вольно или невольно делают жизнь? Догадываетесь?

Нет, внешне он, командир взвода, как правило, исключительно безупречен: военная форма сидит как влитая, сапоги и фуражка — от местного Кардена. Прав классик: «...быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». При одном-единственном условии, что есть дело. Если же его нет, только и остается, что «думать о красе ногтей». Не знаю, как офицер курсанта, а уж курсант-то офицера за четыре года изучает, что называется, вдоль и поперек. Это непосредственно в его интересах, от стиля командира во многом зависит поведение курсанта. Изучает и постигает, что работа для комзавода при ее явно незначительном объеме дело третьестепенное. Главное — форма (тут он идеал!). «Вот как надо устроиться», — делает курсант вывод, а заводно и зарубку на память, на будущее.

Стоит ли говорить, что по той же причине и сержанта своего курсант ни в грош не ставит, видя, как взводный, создавая иллюзию кипучей деятельности, подменяет его с утра и до вечера, возглавляя даже уборку территории. А потом мы, не щадя времени и усилий, удивляясь непонятливости и неповоротливости подопечных, учим лейтенантов видеть в сержанте помощника и трудягу.

ПУСТЬ не обижаятся на меня взводные (многих из них я искренне уважаю, но истина дороже), однако требуемое их количество заставляет отодвигать на задний план проблему качественного отбора кадров в училище. Впрочем, отбор — это, пожалуй, громко сказано. Безусловно, место командира курсантского взвода — относительно спокойное и тихое, но — не открою, надеюсь, секрета — малоперспективное: кандидатов на должность командира курсантской роты в среднем вдвое больше, чем в войсках, следовательно, шансов стать им вдвое меньше. Омут да и только, затянёт — не выберешься. Потому-то здравомыслящая офицерская молодежь, всерьез подумывающая о карьере в хорошем понимании этого слова, редко соглашается на перевод в училище. Кстати, а кто из командиров частей запросто расстанется с отличным офицером, пусть даже для такого благородного дела, как воспитание будущей смены? Нынешних лейтенантов не прельстишь манящей близостью капитанского звания, ибо за ним — пустыня, бескрайняя и неизвестная, с редкими оазисами для счастливых и «позвоночных». И если в войсках можно опереться на собственные силы, знания, способности, то командиру взвода в училище — пусть даже и капитану — зачастую остается уповать только на удачу. А это, согласитесь, слабая надежда.

Изрядное количество офицеров в курсантской роте естественным образом наталкивает командира взвода на мысль: суетиться бесполезно, стать над всеми — дело не простое. Борьба за новую должность, он уверен, бессмысленна. Он ее примитивно высиживает.

А возьмите такой аспект, как профессиональное совершенствование командира взвода, а вернее, его отсутствие. Нет, поначалу офицер худо-бедно растёт, что вполне объяснимо: новые люди, новое, незнакомое дело, естественное желание «глянуть», зарекомендовать себя с хорошей стороны... К сожалению, это кратковременный этап. И вскоре, смекнув, что его работа, не в пример ломовой лошадке — войсковому взводному, особых усилий не требует, он постепенно меняет тактику. Да к тому же у него перед глазами — коллеги со стажем, от старания или равнодушия которых мало что зависит: итог один. Круг вопросов, решаемых командиром взвода, весьма узок, основная тяжесть выпадает на долю ротного, комбата, преподавателей. Словом, идеальные, тепличные условия для профессиональной деградации. Шесть лет на взводе капитан А. Перепечев. Казалось бы, не одну собаку съел в своем деле. И хотя его коллектив далеко не худший в батальоне, но при опыте Андрея Витальевича мог быть лучшим. Было бы желание у командира взвода. А он, по-моему, «перегорел». И самое парадоксальное в этой ситуации, что роту бы я ему не доверил. Сила привычки — страшная сила. А Перепечев привык и к небольшой служебной нагрузке, и к малому коллективу подчиненных. Куда ж ему теперь? В войска? Кем?

Выход? Он прост и неоригинален: увеличение служебной нагрузки и базы роста одновременно. Другими словами, нужен один командир на два взвода — курсовой офицер (ничего не поделаешь, новое — нередко хорошо забытое старое) и возможность поступать с этой должности в академию. Много? Не думаю. Привилегия, несомненно, компенсирует вдвое возросший объем работы, зато сколько преимуществ. Появятся «свободные», столь необходимые войскам кадры. С пробуждением практического интереса повысится престиж и отдача должности курсового в училище.

Ратуя за систему курсовых в командных училищах, я тем не менее противник механического сокращения «лишних» офицеров с назначением оставшихся на два взвода. Росчерком пера эту проблему, далеко не сугубо кадровую, решить, нужен целый комплекс мер. И прежде всего следует, на мой взгляд, ввести в роте должность офицера-воспитателя (или офицера-наставника, не в титуле суть), который замкнул бы на себя цепь воспитательных функций, несколько облегчив ноши курсовых. Не мешало бы, наконец, обеспечить его, воспитателя (и тут наша войсковая наука в большом долгу перед практикой), четкими, конкретными, всесторонне обоснованными методиками изучения курсантской аудитории, ибо у этой категории военнослужащих голые лозунги и призывы и раньше-то приносили должный эффект довольно редко, а теперь и по-прежнему. Офицер-воспитатель нужен еще и потому, что в наше смутное, беспокойное время у курсантов порой такая идеологическая каша в голове, что самим не рас-

хлеба, помощь требуется. К замполиту же батальона лишний раз не обратишься.

А почему бы нам — и это, мне кажется, второе обязательное условие введения института курсовых в командных училищах — не опереться всерьез на курсантов? Уверен, они куда надежнее, чем мы думаем, просто подчас лишены возможности доказать свою надежность. Дадим им шанс, улучшив подготовку сержантов из их числа. Это — фраза, но есть конкретное предложение. Кто он, нынешний младший командир с буквой «К» на погоне? Выбор невелик — вчерашний солдат-сержант, и лишь один на сотню — толковый парень с «гражданки». В чем заключается их подготовка? Элементарное натаскивание в дни сержанта один раз в месяц. Этого явно недостаточно.

Предлагаю другой, более эффективный путь, не требующий особых дополнительных затрат. Кандидатов для поступления в училище из войск нужно экзаменовать отдельно двумя месяцами ранее. Всем прошедшим по конкурсу обеспечить двухмесячную доподготовку по специальной программе, которую тоже целесообразно завершить контрольными занятиями. Суть испытаний — тщательный отбор кандидатов на вакантные, выше оплачиваемые, чем сейчас, и потому более престижные должности командиров отделений и заместителей курсового офицера (командиров групп). Плюс резерв, чтобы победители в дальнейшем не чувствовали себя незаменимыми.

Есть преимущества подобной системы и в бытовой сфере. Многие офицеры — командиры взводов — немало озабочены проблемами жилья, детских садов и яслей для детей и прочими, как правило, труднорешаемыми житейскими вопросами. У командира группы, напротив, руки развязаны. Он двадцать четыре часа в сутки со своими подчиненными: их трудности и успехи — это и его трудности и успехи, он знает курсантов, что называется, изнутри. Панибратство? Незыскательность? Слабый контроль? Так это уже не от воинского звания зависит — от человека. То, что я увидел в карауле, возглавляемом молодым лейтенантом, — безобразие. Его погоны со звездами абсолютно не смущали курсантов-караульных. Каково же было мое удивление, когда, заглянув в это караульное помещение через пару часов, я буквально с порога окупился в атмосферу уставного порядка и высокой дисциплинированности. Оказалось, что командир взвода... отдыхает и помощник взял власть в свои, гораздо более твердые руки. Вот вам и весь авторитет звезд.

Уверен, если мы сравним количество «брака», которое давало училище при прежней системе курсовых, с тем, что мы имеем сегодня, то увидим: его стало меньше. Зато поубавилось личностей среди офицеров, ибо на спокойном, беспроblemном месте они не взращиваются.

Подполковник Ю. ВЫГОВСКИЙ
командир батальона НВВКУ МВД СССР.

**ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ**

«СЛУЖБА НА ГРАНИ ФОЛА» (1989, № 12)

В ответе начальника внутренних войск МВД СССР по Украинской ССР и Молдавской ССР сообщается, что факты, изложенные в корреспонденции, подтвердились. Совместно с УВД облисполкома проведены организационные мероприятия.

«ИЗ КАРАУЛА НЕ ВЕРНУЛИСЬ» (1990, № 2)

Как сообщил врио начальника политотдела внутренних войск по Средней Азии и Казахстану полковник А. Коротин, критическая статья обсуждена в воинских коллективах, на совещании с офицерами управления войск. Уроки и выводы из преступления в спецвагоне, о котором шла речь в материале, рассмотрены также в партийных и комсомольских организациях подразделений части.

ПРОВЕРЕНО С ВЫЕЗДОМ НА МЕСТО

Группа прапорщиков одного из лесных подразделений войск обратилась в редакцию с жалобой на плохую работу магазина.

В ответе, подписанном начальником политотдела части и директором военторга, сообщается, что при проверке на месте факты подтвердились. Жалоба рассмотрена на собрании членов семей военнослужащих, политотдел взял на контроль разрешенные накопившиеся вопросы.

Офицерам Т. Юзбекову, А. Парфенцову, Ю. Спицыну указано на слабую заботу о подчиненных. Приказом начальника военторга за нарушения правил торговли заведующая магазином Т. Папенова наказана в дисциплинарном порядке и лишена премии.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ФРЕЙЕРВЕРК

В РЕДАКЦИЮ все чаще приходят письма, авторы которых взялись за перо накануне увольнения в запас или в ходе сокращения штатов. Расчет у иных: просигнализируем напоследок, а вы разбирайтесь. Например, прапорщик А. Панов написал, что командир отдельного взвода контролеров «товарищ Рубан» регулярно собирает деньги на самовар или чайник, на бензин для машины—ехать за зарплатой взвода, на автобус для выезда на стрельбище, себе на чай не меньше пяти рублей... Легче перечислить, на что не собирает. А перед итоговой проверкой каждый должен был сдать командиру... пачку стирального порошка (о временах — В. Г.), иначе рисковал получить двойку...

А вот другое письмо. Его автор — санинструктор роты сержант А. Пахомов обрушил лавину упреков на заместителя командира роты по политчасти старшего лейтенанта Г. Приступу. Мол, офицер «сделал новую ленинскую комнату с цветным телевизором» и стал ее закрывать на ночь. Навел в роту свои, противозаконные порядки. Не накрыл тентом грузовую машину—возит больных в районный центр за медпомощью... А в заключение попросил «разобраться с замполитом как следует, чтобы правда восторжествовала».

Редакция отправила письма прямым начальникам «товарища Рубана» и старшего лейтенанта Г. Приступы. Но вскоре от Пахомова пришло еще одно—с подробностями расправы за то, что осмелился вынести сор из избы. Командир части, оказывается, снизил его в звании на одну ступень, приказал по акту отобрать невесте где купленные 14 банок растворимого кофе и по пять упаковок желе и мази гораздо более дефицитного, чем кофе, импортного лекарства — «Солкосерила». Мотив — кофе нельзя высылать из республики, рефрен — «мы тебе покажем, писатель!»...

Защитить борца за справедливость — дело чести любого печатного органа. Но в беседах с сослуживцами Пахомова выяснилось, что поводом для первого письма сержанта оказался его конфликт с зампо-

литом. Пахомов был дежурным по роте и собрался слушать магнитофон, а на требование старшего лейтенанта Приступы заняться делом «не отреагировал должным образом».

Что же скрыл санинструктор за столь невинной формулировкой?

Когда офицер отобрал магнитофон — в наряде не до развлечений! — Пахомов сказал рядовому Перевязко: «Давай вместе посмеемся над этим лейтенантом». Приступа понял, что его провоцируют на ответную грубость, сдержался, отправил Пахомова в казарму. Вошел следом—дежурный лежит на кровати. Сделал замечание. Пахомов возмутился: устал, хочу отдохнуть. Пришлось поручить исполнение обязанностей дежурного более сознательному—рядовому Шаншербаеву, а на Пахомова возложить обязанности дневального. Другого выхода у офицера не было—все люди на службе.

Пахомову захотелось использовать авторитет журнала, чтобы отомстить Приступе за требовательность и принципиальность. Для этого он постарался возложить на замполита ответственность за перевозку больных, грязные полотенца, необорудованный автотранспорт, хотя прекрасно знал, что за эти и другие недостатки были сняты с должности заместитель командира роты старший лейтенант В. Стаценко, старшина роты старший прапорщик В. Зозуля. Уже после увольнения санинструктора в запас назначен с понижением командир роты капитан В. Старухин.

Общее мнение офицеров управления части—только замполит сохранил авторитет в коллективе, так как действовал по уставу и не от случая к случаю, напоказ, а постоянно. И тем не менее Пахомов добился своего: в ходе служебного расследования старший лейтенант Приступа вынужден был написать девять (!) объяснительных записок — отдельно о грязных полотенцах, отдельно — о том, почему запретил солдатам после отбоя смотреть «Спрут-3». А потом начальник политотдела части объявил ему выговор «за нетактичное поведение с подчиненными и бездушное отношение к их нуждам».

Это окончательно убедило Пахомова, что средство борьбы с обидчиками он выбрал правильно. И когда командир части лично взялся воспитывать санинструктора, в Москву полетело еще одно письмо... 30 декабря вместе с проходным свидетельством Александру вручили кофе и лекарство. И оказалось, что полковника Б. Цая, раскритикованного во втором письме, упрекнуть больше не в чем, а «неукротимый правдоискатель» Пахомов писал неправду.

Прапорщик А. Панов тоже пытался насолить своему командиру и тоже в погоне за масштабностью разоблачений кое-что присочинил, а потому попал в неловкое положение. Выяснилось, что деньги на автобус все сдавали добровольно, более того — с радостью: электричкой до стрельбища добираться далеко — через областной центр, с пересадкой. Начальник ЛТП выделяет автобус, но при условии — заправляйтесь где хотите.

Сдать два рубля на бензин выгоднее, считает секретарь парторганизации подразделения прапорщик Д. Шевляков: пока доберешься через город — три проешь! Кроме того, ночной смене просто не успеть возвратиться ко времени заступления на службу. А вот стиральный порошок сдавать никто не требовал — это Панов вписал «изюминку». Надеялся уйти по сокращению штатов скорее, чем начнется разбирательство по его жалобе, думал, не придется краснеть за клевету. Пришлось... На общем собрании взвода Рубану высказали всеобщее доверие, а Панову указали на серьезные недостатки в службе и личном поведении, вспомнили, что он и раньше болезненно реагировал на критические замечания.

На фоне «стирального порошка» почти потерялся уникальный факт — не было, наверное, в истории внутренних войск случая, чтобы командир взвода собирал с подчиненных деньги на организацию занятий по боевой подготовке. Как же отреагировали на этот «взводный хозрасчет» должностные лица части?

Они стыдливо не заметили собственной вины, словно не их бездействие и равнодушие заставили Рубана самостоятельно искать не лучший выход из практически безвыходного положения. Зато спрос учили профессионально.

Отвечая редакции «по существу затронутых в письме прапорщика Панова А. В. вопросов», начальник внутренних войск МВД СССР по Украинской ССР и Молдавской ССР генерал-лейтенант Н. Алекса сообщил, что «за беспринципность и личное участие в незаконном сборе денег с военнослужащих командиру взвода старшему прапорщику Рубану В. Н. командиром части объявлен строгий выговор. К нему будут приняты меры партийного реагирования. Строго предупреждены командир батальона, его заместитель по политической части и начальник штаба батальона. Положительно решен вопрос о выделении бензина и транспорта ЛТП для выезда прапорщиков на учебные стрельбы».

Упрекать генерала в существенных неточностях? Нет, это исполнители, которые представили на подпись начальнику официальную «бумагу», обязаны знать, что воинское звание Рубана — прапорщик, что во взводе контролером действительно есть А. В. Панов, но придумывал факты и недостойно себя вел не он, а его однофамилец А. И. Панов. Журнал едва не назвал клеветником безвинного человека!

Совершенно напрасно доверился подчиненным и начальник политотдела внутренних войск МВД СССР по Средней Азии и Казахстану полковник Н. Гончаров. Отвечая на письмо сержанта Пахомова, он с подачи политотдела части сообщил, что ленинская комната в настоящее время функционирует постоянно. Это неправда. Поскольку там находятся цветной телевизор и другие технические средства пропаганды, а замполита никто не освобождал от материальной ответственности, он по-прежнему с отбоя до подъема запирает ее на замок и будет запирает, пока теплый коридор не соединит ее с казармой. И что в этом плохого? Солдату ночью спать полагается, а не «Спрут» смотреть по телевидению...

Но самое удивительное во всей этой истории вот что.

Панову бывшие сослуживцы должны в ножки кланяться. Не командиры, не политработники, не партийные и комсомольские активисты, а человек по всем статьям малоприятный — обманщик, нарушитель воинской дисциплины сумел добиться конечного результата. Неужели больше некому?

Задуматься бы исполнителям из УВВ по Украинской ССР и Молдавской ССР, почему офицеры управления части берутся за свои функциональные обязанности только после письма в редакцию, почему тот же Рубан для боевой подготовки подчиненных делает больше, чем штаб батальона и части вместе взятые? Но они лишь слегка отредактировали заключение служебного расследования, автор которого не заметил или сознательно оставил в тени, что два прапорщика сдавали по рублю на бензин для личного автомобиля, чтобы командир взвода съездил в часть за деньгами. Кто даст гарантию, что через месяц другой прапорщик Рубан не попытается снова решить «незамеченную» проблему привычным способом — в складчину? И снова не окажется виноватым?

Тот же вариант — в случае с Пахомовым. В роте не раз работали компетентные комиссии, не скупилась на зыскания, а результата добился санинструктор — по сугубо личному мотиву громко хлопнул дверью. Неужели снять с должности двух офицеров и старшего прапорщика легче, чем оборудовать машину для перевозки личного состава?

Пора бы научиться решать проблемы коллективов «в рабочем порядке», не дожидаясь прощального фейерверка. И выснять, почему о них осмеливается говорить только тот, кому терять уже нечего.

Капитан В. ГЕРАЩЕНКО,
наш корр.

СОРЕВНОВАНИЕ -

СЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ ИЛИ ДАНЬ ФОРМАЛИЗМУ?

С детства помню напротив нашего дома, у заводской проходной, огромный стенд с фотографиями передовиков социалистического соревнования. Мы, мальчишки, очень гордились, если среди них были знакомые или родственники.

Потом было соревнование в школе — между учениками и классами. Затем в военном училище — между курсантами и учебными батальонами. Теперь вот в части — между подразделениями.

Все, наверное, так и продолжалось бы, если бы не привнесенные перестройкой в нашу сегодняшнюю жизнь гласность и демократизация, новый взгляд на историю, социальную политику и справедливость. И поскольку ко многому сейчас меняется наше отношение, изменилось оно и к социалистическому соревнованию. Исчезли с улиц, площадей, фасадов привычные плакаты и лозунги, а из газет и телепередач рубрика «У передовиков социалистического соревнования». И только в наших подразделениях остались стенды с сообразительностями да вымпелы для победителей.

Да, сегодня мы поняли, что соревнование раньше во многом было красивой идеологической витриной. Но значит ли это, что не было и настоящей состязательности, не было трудовых успехов, производственных рекордов? Над этим часто задумываемся, наверное, не только мы с сослуживцами, но и многие командиры — организаторы соревнования в подразделениях и частях.

*Лейтенант В. НИКОЛАЕВ,
командир взвода.*

В СТАРОДАВНИЕ времена мифотворчества, когда богов и героев было еще больше, чем сейчас, каждый день Солнце точно так же восходило на востоке и падало за горизонт на западе. Простые смертные в часы, свободные от повседневного труда, внимательно наблюдали это движение. Здравый смысл подсказывал: огненный диск ежедневно путешествует над неподвижной земной твердью.

Много позже один ученый стал доказывать другое. Земля, дескать, вращается вокруг Солнца, а не наоборот. В ходе возникшей дискуссии беднягу сожгли на костре.

Еще праже вопрос все же был окончательно решен. Не в пользу здравого смысла и религиозной веры. В пользу науки.

Прошли века. Но что это? Светила науки и герои публицистики снова апеллируют к здравому смыслу. Трудно найти газетный номер без такой ссылки. А как же наука?

Все недостатки хозяйствования в государстве проистекают из-за отсутствия у нас системы доказательств. Так считает ленинградский ученый Г. Муравьев и предлагает инструмент для получения знания. Созданную им материалистическую логику Геннадий Александрович предлагает рассмотреть на примере социалистического соревнования.

...В рукописном словаре, который показывает нам Геннадий Александрович, толкуется всего лишь один термин — «социалистическое соревнование». Но что за пестрота определений! «Совокупность отношений производителей», «экономическая категория, а вместе с тем метод», «форма производственного сотрудничества»... Есть и такое откровение: соревнование — это...

ОТ РЕДАКЦИИ: Вот такое письмо. Отвечая на него, можно было бы обратиться к энциклопедиям и толковым словарям, сослаться на директивные документы и цитаты. Но мы понимаем, что сегодня лозунгами никого не убедишь. Поэтому решили, что лучшим ответом на этот непростой вопрос будет рассказ об интересном человеке, оригинальном ученом, попытавшемся с точностью естествоиспытателя вывести формулы многих «гуманитарных» понятий, в том числе и социалистического соревнования.

соревнование. На десятки страниц — сотни определений, по форме больше напоминающих первомайские лозунги. А ведь их авторам не откажешь в авторитете — это академики, профессора, целые научные коллективы.

— Конечно, я составил словарь не ради забавы. А с целью доказать: обилие суждений — далеко не всегда научное богатство. Часто же просто бедствие для народного хозяйства.

— Бедствие! Не слишком ли сильно сказано!

— Судите сами, — по многолетней привычке человека, разговор с которым начинают с непонимания, Муравьев старается отвечать спокойно, размеренно. — Эффективность социалистического соревнования, по оценке экспертов, ныне измеряется сотыми долями процента. Бытует даже мнение, будто его вообще и в природе нет. Другая же крайность — множество починов вплоть до анекдотических.

Формализм — вовсе не обязательно присущее соревнованию качество. Конкретность подсчетов и ясность критериев — вот главная особенность организации настоящего соперничества.

Раз существует масса трактовок самого понятия «соревнование», не очень-то ясно, кого считать передовиком. Здесь сотни критериев. Следовательно, существует масса видов премий. Нет сомнения: их сполна получили и строители рухнувшего моста, и создатели сломавшегося на полном ходу тепловоза... Разве это не бедствие? Подобных историй ваши коллеги уже немало рассказали за последнее время. Но большинство не задумалось о главном. О том, что не ту работу поощряем. Не тех работников.

— Как же так, Геннадий Александрович, мы с полной уверенностью ставили рубрику «Лучшие люди». И чуть ниже помещали портреты орденосцев...

— Нет, так просто вопроса не решить. Вот что писал еще Ф. М. Достоевский: «И если б только возможно было, чтобы мы все согласились и сошлись с народом в понимании: когда отселе считать человека «лучшим», то нынешнего лета, может быть, зачался бы новый период истории русской».

— Ну, Федор Михайлович был человеком далеким от экономики.

— Зато в философском взгляде на вещи ему не откажешь, — парирует Муравьев. — В том-то все и дело: чтобы решать насущные проблемы, надо разобратся с основами. И мы, разворачивая работу обновления, должны заново осмыслить привычные понятия. Перестройку надо начинать с фундамента, с философии.

Так считает Муравьев. Он всегда удивляет, не стараясь удивить. Знаем его как экономиста и вдруг — философия...

Кто же в конце концов этот человек!

...Несмотря на белоснежную седину, шестидесяти пяти лет нашему энергичному собеседнику не дашь. А ведь судьба его была трудной. Прошел всю войну. В шкафу у него — китель с погонами подполковника. Черный, с голубыми петлицами. Штурман корабельный и летный. Моряк и летчик-торпедоносец. Заметьте: двадцать лет занимался такими точными предметами, которые не прощали не просто разноточий, но и даже незначительных неточностей. Ясно, к чему могут привести огрехи в прокладке курса. А минер, всем известно, ошибается лишь раз...

Успел Геннадий Александрович много. Как будто прожил несколько жизней. И действительно, он заслужил пенсию уже к 37 годам (ведь на войне год считается за три, а в авиации — за два). Молодой пенсионер увлекся не разведением цветов, а наукой. Жизнь ученого-экономиста для него как бы вторая.

— Еще командуя минно-торпедными подразделениями, я весьма озадачился экономическими вопросами. Стал читать, специальную литературу. Тут-то, привыкший к сверхточности, и удивился расплывчатости формулировок, многообразию мнений ученых-гуманитариев.

— Логика науки такова: какой же ты профессор, если не сказал своего, непсужожего слова...

— Но ведь многозначность понятия хсроша в каламбурах. А мне, как руководителю, она никак не помогала эффективно организовать работу. И вот я попытался найти свое решение.

Давайте вместе попробуем повторить ход моих тогдашних рассуждений. У вас есть основное на нормах выработки плановое задание. Как превзойти его?

— Очевидно, снижая затраты труда на единицу продукции. За счет рационализации техники, освоения нового оборудования, повышения квалификации...

— Верно, но учтите: все это должно вести к пересмотру норм выработки. Но, оказывается, в этом-то рабочий-сдельщик и не заинтересован. Ведь, действуя по устаревшим нормам, он рапортует об их перевыполнении. И зарплату получает большую, и в соревновании побеждает. Не потому ли умышленные поломки оборудования на заводах так непопулярны движение «луддитов»? Или вот еще приме. Один ленинградский рабочий выполнил задание на 66 700 процентов! Но как! Применив неучтенное в технологии изобретение, сдельщики заинтересованы скрывать от общества свои придумки.

— Как же увязать интересы личности, коллектива и общества в целом!

— Стимулировать не перевыполнение, а первенство норм. Что возможно только при отмене сдельщины на механизированных и автоматизированных операциях. На эту тему я написал ряд работ. Но несмотря на всю аргументированность, опубликоваться какому-то там офицеру-отставнику никто не позволил.

Пришлось Муравьеву получать еще один диплом. После увольнения он за три года оканчивает экonomicкий факультет Ленгосуниверситета. В качестве диплома защищает рукопись, которая стала гервой главой монографии «Производственное соревнование» и его кандидатской диссертацией.

Работа эта, опубликованная в 1970 году, вызвала ряд критических публикаций. В ответ Геннадий Александрович (он работал уже в Институте социально-экономических проблем АН СССР) подготовил статью. Построил ее на сравнении утверждений своих оппонентов с высказываниями классиков марксизма-ленинизма и других общепринятых авторитетов. Но понял: цитированием не убедишь не только оппонентов, но и себя самого. Нужна единая технология доказательства.

— Доказывать же, — подчеркивает Муравьев, — можно только тогда, когда есть ограничения. Такие, что не могут быть обойдены в логических построениях. Это постулаты. Они играют в рамках теории роль аксиом, которым подчинены все прочие суждения. Изменение хотя бы одного постулата меняет и саму науку. Вспомним, например, ряд взаимосвязанных открытий Галилея, Ньютона, Эйнштейна..

— Но ведь это точные дисциплины! А та же экономика — гуманитарная.

— Минуточку. Не слишком ли это большая роскошь, чтобы наука, определяющая наше благосостояние, была неточной?

— Смело сказано. Спорно. Зато теперь ваш переход от экономики к философии становится понятнее.

— Я считаю, что за диалектикой нет логических законов. Именно поэтому свою логику я называю не диалектической, а материалистической.

— А почему вы все время употребляете понятие «вещь»!

— Понятие «материя» считаю расплывчатым. Вещь — это всякая реальность, существующая вне сознания и независимо от него. У вещи есть формальные и содержательные признаки. Сознание превращает их в явления и сущность. За формальными признаками грома и молнии — явление грозы. Не сразу человечество определило его сущность — электрический разряд. Такой же путь познания надо пройти и обществоведкам.

Итак, с помощью чувств мы обнаруживаем формальные признаки всего сущего. То есть, к примеру, соревнование является нам в форме соперничества при производстве материальных благ. Это подметили еще античные. Но за явлением надо найти сущность. Этот поиск и является научной деятельностью.

— Геннадий Александрович, попробуем рассуждать вместе. В отличие от античных времен, когда ставка делалась на интенсивность ручного труда, нашу промышленность может двигать вперед только освоение новой техники, рационализация, повышение квалификации...

— Значит, если выполнение норм выработки дает нам скорость движения вперед, то этот, в значительной мере творческий труд, стоящий за пределами норм, —

ускорение. Так я разделил труд на нормированный и дополнительный. Первый — строго регламентирован. Никакого соперничества здесь быть не может. А второй, ведущий к пересмотру норм, и является содержанием соревнования. Его-то и надо стимулировать.

— Может быть, перед нами всего лишь очередное мнение!

— Это проверяется практикой, — говорит наш собеседник.

Действительно, внедрение разработок в практику, которым Муравьев занялся, уйдя уж и на «гражданскую» пенсию, подтвердило верность теории. В личных счетах рабочих объединения «Ленполиграфмаш» теперь учитывается именно экономический эффект от пересмотра норм. Во многом благодаря внедрению здесь новой формы соревнования производительность труда повысилась на семь процентов.

Ставший модным отказ от организации трудового соревнования означает отказ от использования общечеловеческого стремления к первенству, самолюбивых амбиций. На Западе их успешно используют ныне в рамках кружков качества в целях повышения конкурентоспособности продукции фирм.

Стимул — крупные премии и путевки в зарубежные поездки — активизирует здесь рационализацию, ускоряет плановое внедрение новой техники, делает отнюдь не формальным наставничество. Ведь, например, экономический эффект, полученный за счет повышения квалификации ученика, идет в зачет и его учителю. Конкретность подсчетов и ясность критериев — вот особенность такого подхода. Он доказывает: формализм — вовсе не обязательно присутствующее соревнованию качество.

— Все это, между прочим, стоит в русле развития мирового прогресса, — считает Г. Муравьев. — И напротив, ставший модным отказ от организации трудового соперничества означает отказ от использования общечеловеческого стремления к первенству, самолюбивых амбиций. На Западе их успешно используют ныне в рамках кружков качеств. Они являются ничем иным, как соревнованием фирм за повышение конкурентоспособности своей продукции.

И, судя по тому, что кружки качества пошли по многим странам, дело отнюдь не в национальном характере японцев. Энтузиазм стал составной частью высокой индустриальной культуры, где не все меряется деньгами. Действительно, ведь в большинстве случаев в кружках работают бесплатно. Зарубежные менеджеры объясняют: получив зарплату, обеспечивающую достойный уровень жизни, многие рабочие главным стимулом считают не деньги, а

возможность самовыражения, самоутверждения. Им льстит, например, внимание руководства фирмы к их усовершенствованиям.

Стимул означает по-латыни палку погонщика. Но, оказывается, ею можно не только бить. Можно и приятно щекотать самолюбие...

Ученый возглавил плановый отдел на заводе «Спортсудостроитель». И его идеи помогли поднять производительность на четверть! Теперь на пьестике ддя — подобная перестройка на всех предприятиях Глазспортпрома.

— Итак, наличие и сущность вещи в единстве, — считает Муравьев, — есть ее отражение в сознании. Это соединение и позволяет нам сказать, что вещь познана, сформулировать определение. Соревнование — дополнительный труд, направленный на повышение производительности.

— Выходит, Геннадий Александрович, вы теперь быстро получаете любые определения. Ну, скажем, что такое религия?

— Это деятельность по извлечению нетрудовых доходов за счет людского невежества, — вроде бы шутя отвечает Геннадий Александрович. Потом продолжает серьезно: — Хорошо, что вы задали именно этот вопрос. Слишком уж часто, не опираясь на доказательства, нас призывают взять что-либо на веру. Но ведь это атрибут религии. Так рождаются ее родные сестры — различные лженауки. Верить, — уже с вызовом говорит Муравьев, — можно с равным успехом и в Иисуса Христа, и в Карла Маркса. Надеяться — и на хорошую погоду, и на мировую революцию... Надо — знать!

Сфер для применения написанного Муравьевым философского труда немало. Разве не полезно было бы, например, юристам определить в конце концов, что же такое «нетрудовые доходы»...

— Да, это ведь только в поговорке говорится: хоть горшком назови, только в печку не ставь. В жизни все иначе. Раз назвался, то поставят. Обязательно поставят.

— А как реагируют на вашу рукопись «Материализм: мировоззрение и логика отражения» ученые?

— Есть положительные рецензии. Вот, например, что пишет в своем отзыве директор Института социально-экономических проблем АН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор И. Сигов:

«Предлагается то, что в свое время сделал Евклид для геометрии. Отсутствие таких постулатов до настоящего времени делает невозможным взаимопонимание ученых. Без постулатов научные разработки малоубедительны, бездоказательны, для практики бесполезны. Если даже среди трудов ученых и есть крупницы действительного знания, то выделить их просто невозможно — нет инструмента. Автор предлагает такой инструмент».

— Геннадий Александрович, созвучно нашим мыслям то, что писал в «Комсомольской правде» автор публикаций по актуальным вопросам философии академик А. Александров:

«Нам сейчас необходимо говорить не о пошатнувшейся вере, а о марксистском мировоззрении, которое за последние годы было заметно искажено. Трудно предоставить, чтобы Маркс говорил «Я верю». Он исследовал и в результате исследований приходил к определенным убеждениям. Но ведь их основание лежит не в вере, а в доказательствах, в критическом поиске более прочных оснований. Скажу больше: проповедь всякой веры, из каких бы благих побуждений она ни велась, по существу, безнравственна, потому что она, возбуждая в людях веру, лишает их способности критического мышления и позволяет вести их без рассуждений туда, куда указывают проповедники».

Уже ряд лет Муравьев пытается сделать свой труд достоянием многих. В энергии ему не откажешь. Но куда там!

— Похоже, что для некоторых столпов философии всякое нарушение догм — пугающее ново. И воспринимается как опасная ересь. Те люди, от которых зависит, печатать или не печатать, и не отрицают работы, но и принять решение о публикации не спешат. Больно уж глобальные задачи ставит перед собой какой-то там к. э. н. Муравьев.

Гласность ли это, когда лишь определенный круг ученых прочно держит микрофон в своих руках? О том, что никто не имеет монополии на истину, о том, что не может быть и монополии на гласность, было сказано в Резолюциях XIX Всесоюзной конференции КПСС.

К чему ведет отсутствие живой дискуссии? К плачевным результатам. Нередко тексты научных работ — царство теней и неопределенностей. Каша бездоказательных мнений, приправленных словами «думается», «кажется», «представляется», «видимо». Что это, как не проявления субъективного идеализма? Но вот изречение довольно видного философа: «Наука любит скромных!» А сказал это человек, которому следовало бы в разных видах скромности разбираться. Ибо две однородные по конструкции формулировки — «в быту скромен» и «в науке скромн» — оценочно противоположны.

— Буквально религиозное чувство вызывает у иных авторов — и в науке, и в журналистике — словосочетание «здоровый смысл», — говорит Муравьев. — Забывают: в середине века именно здоровый смысл подсказывал человеку, что Солнце вращается вокруг земной тверди. Истинная наука всегда посрамляла его.

— Но, может быть, вы претендуете на достижение абсолютной истины!

— Конечно, нет. Я жду оппонентов.

В заключении своей рукописи Геннадий Александрович пишет: «Ваша критика этой работы может дать не только указания на логические недоработки, но и альтернативу, что действительно представляет огромный познавательный интерес». Пока он обращается, увы, в пустоту.

Ю. ВОРОБЬЕВСКИЙ, В. ЧЕТКАРЕВ
обозреватели ТАСС, специально
для журнала «На боевом посту».

КОГДА ЛЮДИ МЕШАЮТ РАБОТАТЬ ЗАМПОЛИТУ,

НУЖЕН ЛИ ТАКОЙ ЗАМПОЛИТ?

«Пишу из госпиталя. А уложил меня на больничную койку старший лейтенант Ю. Куренков, заместитель командира роты по политчасти. Нет, он не покалечил меня буквально, однако сделал все возможное для того, чтобы бытовая травма — разрыв связок правой руки — ни в коем случае не залечилась. Зная о моем освобождении от физической подготовки, он, оставаясь за командира, тем не менее заставил в спарринге выполнять приемы рукопашного боя. Результат — обострение, рука опухла. Но я не выбыл из строя.

И тогда политработник решил устроить мне другое испытание. По расписанию занятий было метание боевых гранат. Перед самым выездом я напомнил Куренкову, который и на этот раз выполнял обязанности командира, о том, что рука плохо слушается. Он отмахнулся от меня. Опасаясь ЧП [шутка ли — боевая граната, а рядом — люди], я, как и предписывает устав, попросил у старшего лейтенанта Куренкова разрешения обратиться к комбату. Но получил отказ.

Мне повезло [только ли мне!]: на исходном рубеже «разобраться» с гранатой помог подполковник Ю. Лещенко, и она, едва не задев бруствер, перелетела-таки через него...

Хочу передать через журнал большое спасибо своему «заботливому» замполиту. Думаю, что теперь, когда я со своей травмированной рукой нахожусь в госпитале, у него хлопот поубавилось. Судя по всему, он работает по правилу: есть человек — есть проблемы, ну а на нет... Идеальный вариант для таких политработников — полное отсутствие людей. Чтобы не мешали работать.

Прапорщик В. ДИНО.
УВВ по Уралу.

Это выдержки из письма, послужившего поводом к поездке корреспондента журнала в далекий уральский город. И не только ради торжества справедливости в конкретной ситуации, что, согласитесь, тоже немаловажно, но и во избежание возможных новых нежелательных последствий. Руководитель, которому безразличны не только здоровье, но и сама жизнь подчиненных, — это, мягко говоря, кадровое недоразумение, грозящее обернуться крупной неприятностью в любую минуту.

Правда, по совести сказать, мы полагаем, что прапорщик В. Дино под влиянием эмоционального всплеска несколько грустил краски. Не верилось, что человек, у которого за плечами военное училище и почти шесть лет офицерской службы, не усвоил простой истины: заставлять подчиненного с разорванными связками руки метать боевую гранату — это уже нечто большее, чем явное нарушение мер безопасности при обращении с боеприпасами, это — предвестник большой беды. Не верилось также, что человек, главная обязанность которого — забота о подчиненных, сознательно делает больному больно.

Увы, действительность оказалась хуже. Замполит роты старший лейтенант Юрий Куренков не только позволил себе то, о чем говорилось в письме прапорщика, но и поныне не усматривает в своих действиях ничего предосудительного. «Не считал, что это серьезно», «Думал, может, обойдется» (это о метании боевых гранат), «Не обратил внимания» (а это — о травме Дино) — вот лишь некоторые из его «аргументов» в свое оправдание.

То ли осознав их смехотворность, то ли попытавшись запутать корреспондента, Куренков начал откровенно лгать. А после с особой страстью взялся обвинять прапорщика Дино во всех смертных грехах. Бездоказательно. Руководствуясь пресловутым принципом: «Сам дурак!». К слову, за время службы у Дино — ни одного взыскания, чего не скажешь о замполите.

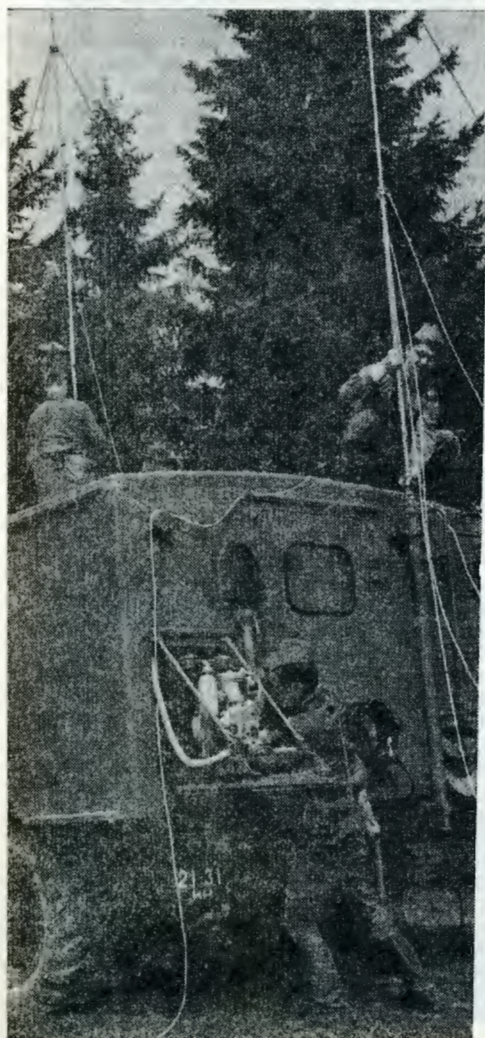
Стыдно.

И тревожно. По меньшей мере, по двум причинам. Откуда это стремление любой ценой уйти от ответственности после диких попыток «самоутверждения» любой ценой, откуда это воинствующее безразличие в молодых офицерах — ведь о куренковых нам, случается, пишут из разных концов страны! Не оттого ли бытуют еще эти совсем не офицерские качества, что чувство ответственности в военных училищах, увы, не преподают, а позднее, в войсках, не прививают? Это во-первых. И во-вторых: то, что военнослужащие обращаются за помощью и поддержкой в редакцию, не может не радовать нас — значит, верят в силу печатного слова, в объективность журналистов. Огорчает другое — почему те командиры и начальники, поверг голов которых идут письма, так мало заботятся о нуждах и чаяниях подчиненных, лишая себя главного — доверия людей.

Отдел войскосвой жизни.

ОБРЕТАЯ МАСТЕРСТВО

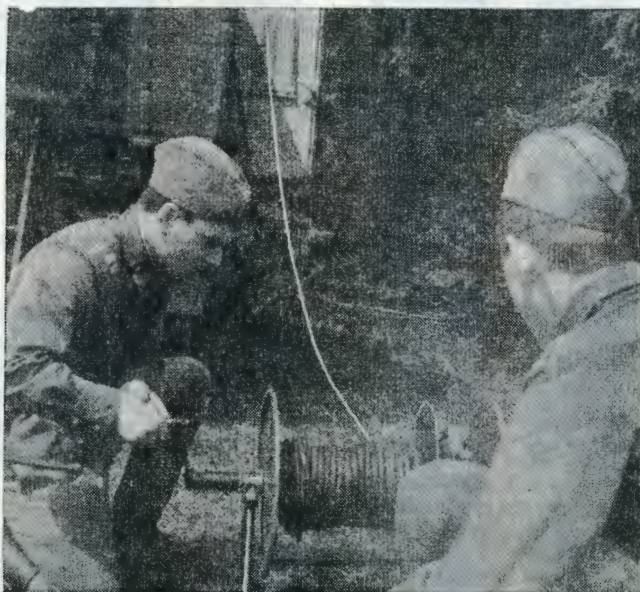

ПОЛЕ — академия солдата. Здесь практика проверяет, насколько прочны его знания и навыки, полученные в учебных классах.

Связисты во главе с заместителем командира по технической части старшим лейтенантом Владимиром Сучковым полевого выезда ждали с нетерпением. Оно и понятно: ведь многим из солдат впервые предстояло работать в реальной обстановке. Конечно, не все у них сразу получилось как надо. Однако эти занятия стали хорошей школой: к их окончанию новички в профессиональном отношении чувствовали себя значительно увереннее. Да и бывалые солдаты потрудились в поле с немалой пользой, подняв боевую выучку. Экипаж младшего сержанта Василия Матвеева, например, преуспел в отработке норматива по развертыванию радиостанции, получив за него высокую оценку.

Отмечены были командиром и действия радиотелеграфистов третьего класса рядовых Олега Кочерженко, Геннадия Басова и младшего сержанта Андрея Конюкова.

Все старались, понимая, что связь — нерв армии. Как говорится, без связи бы увязли бы. Поэтому повышению квалификации специалистов уделяется большое внимание.

ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В ЛИТВЕ

Верховный Совет Литвы провозгласил выход республики из состава СССР, сформировал новое правительство. С вновь назначенным министром внутренних дел М. П. МИСЮКОНИСОМ встретился наш корреспондент и попросил ответить на некоторые вопросы.

— Марьенас Повилович, каково ваше отношение к положению внутренних войск МВД СССР на территории Литвы сегодня?

— Эти войска, во-первых, мне не подчинены, как министру внутренних дел республики. Во-вторых, действия внутренних войск в последнее время (имеется в виду конфликтная ситуация у Дома печати) были встречены резко, возбудили население... Эта акция неудачная, так сказать, подорвала авторитет внутренних войск. Уже на последней секунде мы приняли решение с внутренними войсками, вернее, их руководство приняло решение, что надо отвести подразделения. Так и было сделано. Несколько тысяч населения и войска могли

В Литве побывал начальник Главного управления охраны общественного порядка МВД СССР В. В. МАКСИМОВ. Корреспондент журнала попросил его поделиться своими впечатлениями.

— Владимир Викторович, сегодня в Литве на митингах и от официальных лиц приходится слышать в адрес внутренних войск немало оскорбительных слов. Они, дескать, и оккупанты, и захватчики. А как бы вы оценили действия войск в республике?

— Оскорбительные ярлыки навешиваются сегодня в Литве не только на внутренние войска, но и на военнослужащих Советской Армии. Это все следствие той оголтелой антиармейской кампании, которая развернута определенными кругами в Литве. Причем эту кампанию прямо инспирируют отдельные руководители нынешнего правительства республики.

Что касается действий внутренних войск в Литве. Задачи, поставленные перед ними и руководством МВД СССР, и Советским правительством, они выполняют с достоинством и честью, проявляя высокую сознательность и выдержку, не допуская нарушений советских законов. К примеру, под-

бы столкнуться, мог бы получиться мини-Гбилиси. Поэтому я попросил дать команду на отвод солдат. В этой ситуации нет вины солдат. Уже не в первый раз происходит — в тех случаях, когда не договариваются политики, когда они не дорабатывают, пытаются применять силу внутренних войск или армии. По-моему, не так надо решать все вопросы.

— **Говорят, в МВД республики есть мнение, что внутренние войска и армейские подразделения не должны находиться на территории Литвы!**

— Нам много помогают в патрульно-постовой службе милицейские подразделения внутренних войск. В прошлом, позапрошлом году солдаты задержали несколько тысяч правонарушителей. Внутренние войска, особенно в милицейской форме, нужны для того, чтобы обеспечить охрану общественного порядка. Но когда в той же милицейской форме солдат с резиновой палкой нападает на женщину или на толпу, понимаете, это не то...

— **Но таких случаев, насколько я знаю, не было.**

— Не было, но... уже на грани было. Могла бы быть драка, большая беда.

— **Как вы объясните, что курсанты Вильнюсского факультета Высшей школы МВД вместе с так называемыми «отрядами обороны края» взяли под охрану телецентр!**

— Отряды обороны края? О таких я официально не слышал. Никто по ним не принимал на высоком уровне документов, то есть в Верховном Совете или Совете Министров республики. Есть только списки 200 дружинников. Они помогают милиции нести охрану. Почему там курсанты? Время беспокойное. Любая из конфликтующих сторон может спровоцировать нарушение правопорядка. А то, что дружинники там, это, по-моему, в порядке вещей. Сегодня мы не сможем своими силами обеспечить все объекты.

— **Как вы относитесь к деполитизации органов МВД!**

— Положительно.

— **А к наличию партийных организаций в органах!**

— У нас многопартийность. В республике уже есть семь или восемь политических партий, много движений с политической направленностью, как крайне правых, так и крайне левых. Компартия раскололась на две. Есть и еще масса движений. В этой

разделениям войск было поручено взять под охрану имущество КПСС в республике. Несмотря на провокационные действия отдельных лиц, пытавшихся спровоцировать столкновение с солдатами, эта задача была выполнена успешно. Что и вызвало у части местного населения резко негативное отношение к войскам. Случилось это не само по себе, а в результате целенаправленно развернутой провокационной кампании. И провокации продолжаются. На отдельных объектах Дома печати так называемые дружинники пытаются то и дело установить параллельную охрану там, где несут службу внутренние войска. Характерно и то, что происходит это в Вильнюсе, а дружинники вдруг появились из Каунаса. Отдельные же местные руководители неоднократно заявляли, что в числе этих дружинников только рабочие данных предприятий. Таким образом, можно сделать вывод, что это были не просто дружинники. И в этих условиях солдаты проявляют высокую дисциплину, а офицеры — умение руководить подчиненными. Все их действия в рамках тех полномочий, которые предоставляет закон об обязанностях и правах внутренних войск при охране общественного порядка.

— **В Литве официально не сообщалось о формировании национальных военизированных подразделений. В то же время были листовки, призывающие записываться в них, поступала информация о создании специальных центров по подготовке доброволь-**

цев. Что вы могли бы сказать по этому поводу?

— Действительно, официальных сообщений о создании военизированных подразделений не было. В то же время в составе Верховного Совета республики существует комиссия по охране края и внутренней безопасности. Есть соответствующее решение о зачислении в специальную дружину двухсот человек. За время моего пребывания в Литве я не видел этих дружинников на улицах, чтобы они оказывали помощь милиции в охране общественного порядка. Зато в конфликтных ситуациях, в конфликтных точках эти дружинники были. Как можно понять из происходящего, задача у данных формирований отнюдь не охрана общественного порядка, а проведение специальных мероприятий. Судя по количеству дружинников, которые и охраняют объекты, и участвуют в обеспечении безопасности мероприятий «Саюдиса», — их число значительно превышает объявленную численность. И активный призыв в эти формирования продолжается. В Литве созданы пункты по подготовке добровольцев. В общем же статус этих дружинников не совсем понятен, коль скоро они несут службу наряду с работниками милиции, предпринимают попытки перехватить охрану объектов у внутренних войск.

— **Насколько, по-вашему, Владимир Викторович, успешно МВД республики сегодня**

ситуации мы не можем допустить такого же раскола или расслоения, как в обществе. Учитывая, что милиция еще и полувенная организация.

Мы в партийной организации обсудили этот вопрос. Партийной организацией министерства было принято решение приостановить партийную деятельность, организационную и структурную. А на сессии Верховного Совета было принято соответствующее решение. Это значит, что сейчас в органах нет никаких партийных организаций. Во время службы надо воздержаться от партийной и политической деятельности. Ведь милиционер действует от имени закона, имеет большие полномочия. Поэтому в целом работники органов положительно отнеслись к этому решению. Мы сохранили единство, у нас многонациональный коллектив и в МВД, и на местах. Милиция-то и сейчас работает, не допустила пока промахов, не ввязывалась в конфликты. Мы изучили опыт Тбилиси, Баку, Армении, Карабаха. И знаем, что такие резкие действия со стороны правоохранительных органов во время негативной ситуации приводят к вспышке насилия. Мы избрали свою тактику. Вот характерный пример. Милици-

онер, старший лейтенант из Нововильнянского райотдела приехал к больнице, где лечились лица, которые сбежали из армии. Он увидел, что там ломают двери и окна. Поинтересовался, кто старший, спросил, что вы тут делаете, зачем самовольничаете? В ответ милиционер был избит. А если бы он применил оружие, его бы применила и другая сторона, и конфликт пошел бы. Нас в этой позиции поддерживают и большинство людей, и правительство. Хотя, конечно, есть и другие мнения. Вчера, например, получил письмо от врача — фамилию называть не стану. Суть его сводится к тому, чтобы мы, милиция, противостояли армии. По существу, пусть прольется кровь, пусть создастся ситуация, которая покажет что-то политикам. И это человек, который должен лечить других.

Вот почему здесь деполитизация весьма кстати.

— Но ведь нельзя же людям запретить убеждения. В органах кто-то остался в КПСС, кто-то примкнул к другой партии. Что с такими вы будете делать! Будут ли они продолжать службу!

— Никто не собирается силой запретить думать.

справляется с возложенными на него задачами поддержания законности, охраны общественного порядка!

— МВД Литвы в последнее время провело деполитизацию органов внутренних дел. Делалось это, исходя из утверждения, что органы, их личный состав должны находиться вне влияния политических партий, чтобы честно и эффективно, не подвергаясь чьему-либо давлению, исполнять свой долг по борьбе с преступностью. Намерения вроде бы благие, направленные на защиту интересов граждан. Но практика показывает, что при этом органы внутренних дел исполняют свои обязанности не очень эффективно. Я мог бы назвать и конкретные цифры, но если вести речь о тенденциях, могу сказать, что уровень преступности растет в республике и что особенно настораживает — резко ухудшается раскрываемость преступлений. Сегодня уже можно сказать: деполитизация не дала того эффекта, на который рассчитывали руководители МВД Литвы, говоря, что, уйдя от политических влияний, все силы сотрудники органов внутренних дел сосредоточат на выполнении своих непосредственных обязанностей.

К тому же складывается впечатление, что и при проведенной деполитизации органы внутренних дел Литвы все равно втянуты в политическую игру. Во всяком случае со стороны отдельных руководителей республики для этого предпринимаются максимальные усилия. Мне кажется, что ло-

зунг чистой деполитизации не соответствует действительности.

— Следующий вопрос — в продолжение предыдущего. Как, по-вашему, контролирует ли сегодня МВД Литвы ситуацию, сложившуюся в межнациональных отношениях, предотвратит ли конфликты на этой почве, если они возникнут?

— На этот вопрос можно прежде всего ответить вопросом. Если такие конфликты возникнут, на чьей стороне будут сотрудники милиции?

— Соотношения, наверное, определить очень сложно. Многие видимо, на распутье, не определились.

— Во время моего пребывания в Литве широко был поставлен вопрос о присяге сотрудников МВД на верность республике, ее идеалам и законам. В то же время многие законы, которые приняты нынешним Верховным Советом Литвы, признаны антиконституционными (по отношению к Конституциям СССР и Литовской ССР). Так правильно ли сотруднику милиции выполнять антиконституционный закон? А он будет поставлен перед такой проблемой в том или ином случае.

Насчет контроля над ситуацией. Хотя в республике и говорится, что органы уведены от решения политических проблем, это не так. Возьмите митинг. Это ведь политическое мероприятие. А если власти сочтут этот митинг противозаконным с точки

78

— Много разговоров о возможности серьезного конфликта в республике. Что вы предпримете, если что-то подобное случится?

— Мы все сделаем, чтобы прежде всего узнать об этом заранее. И повлиять законным путем, и путем бесед, и путем профилактических мер. Но есть и правительственное решение по поддержанию правопорядка, есть просто человеческая логика. Ведь мы достигли договоренности у Дома печати, и не произошло конфликта между внутренними войсками и населением. А ситуация была напряженная. Ведь были в толпе люди, которые хотели подражаться с внутренними войсками. Наши действия должны быть законными и понятными населению. Мы должны иметь определенные полномочия для выполнения того или иного задания. Вот я выступал по телевидению, когда, например, изымалось охотничье оружие. Оно должно было сдаваться армии. Но у людей штучные изделия, именные охотничьи ружья, есть коллекционеры. Все знают, что армия это имущество полностью не сохранит в таком товарном виде, поэтому были и недовольные. Мы собрали оружие в горрайотделы.

— А если сложится в республике такая ситуация, когда будет введено президентское правление, сейчас об этом здесь много говорят.

— Я не знаю, что такое президентское правление. И в Союзе его никогда не вводили. Я не видел закона о президентском правлении.

— Вы назначены новым правительством, правительством Литовской Республики. Значит ли это, что законы СССР утратили для вас силу?

— Я руководствуюсь законами, которые были приняты до 11 марта. И, естественно, как член правительства Литовской Республики я должен выполнять все законы, которые приняты в настоящее время. Сегодня две конституции: СССР и Литовской Республики находятся в противоречии. Посредине находится милиция, правоохранительные органы, руководители других министерств. Что это значит? Это значит, что мы очутились между двух огней. И я еще раз возвращаюсь к уже высказанной мысли, что в ситуации, которая сегодня сложилась, главное действующее лицо не милиция, не внутренние войска, а политика.

— Спасибо за беседу.

зрения законодательства республики? Как поступит милиция? Так что сотрудники милиции в каких-то ситуациях могут толкнуть на те или иные действия, продиктованные политическими интересами. Очень сомневаюсь, что сотрудники органов смогут быть полностью вне политики. Это же органы исполнительной власти, инструмент проведения той или иной политики.

— Владимир Викторович, вы длительное время находились в республике, знаете глубоко ситуацию. Какие, на ваш взгляд, из сегодняшних тенденций получат в будущем развитие в правоохранительных органах?

— В Литве очень сложная ситуация сложилась в системе правоохранительных органов. Существует две прокуратуры, а это очень многое предопределяет, ведь прокуратура обязана следить за соблюдением законов. За соблюдением каких законов будут следить две прокуратуры?

Органы внутренних дел заявили о солидарности с прокурором, назначенным Верховным Советом Литвы, тем самым исключается соблюдение законов Советского государства на территории республики. Положение очень сложное.

— Так в чем же выход?

— Я думаю, что правоохранительные органы республики должны действовать сообразно той общеполитической ситуации, которая должна складываться на основании

разумного и законного подхода к решению вопроса о самостоятельности Литовской Республики. Идя в данный момент по пути, избранному Верховным Советом, возглавляемым В. Ландсбергисом, правоохранительные органы могут попасть в тупиковую ситуацию.

— То есть некому будет выполнять законы, стоять на их страже?

— Смотря чьи законы? Литовской ССР или Литовской Республики? А главное, на мой взгляд, будут ли соблюдаться законы, отвечающие чаяниям всего населения республики. Видите, сколько вопросов? Допустим, и прокуратура, и МВД будут выполнять все законы Литовской Республики. Но удовлетворит ли это всех, кто проживает на ее территории? Причем не потому, что кому-то нравятся или не нравятся законы, а потому, что кому-то может нравиться или не нравиться вся ситуация, складывающаяся в республике. Еще вчера члены националистических бандформирований были преступниками. Сегодня — они национальные герои, которые боролись за независимость Литвы. И никто не вспоминает об актах терроризма против мирного населения, и все вроде забыли о групповых убийствах, совершенных «лесными братьями». Вот только один из аспектов правоохранительной ситуации, вот оценочная позиция закона. Так куда же может забрести правоохранительная система с такими подходами?

— Благодарю вас за беседу.

ВОЕННАЯ КОНТР- РАЗВЕДКА

Генерал-майор
Г. КАЗИМИР,
начальник Управления
особых отделов КГБ СССР
по внутренним войскам
МВД СССР, отвечает
на вопросы нашего
корреспондента

— Григорий Максимович, у наших читателей весьма скудна информация о роли, месте, задачах военной контрразведки, которые представлены в войсках особыми отделами КГБ СССР. Но прежде чем начать разговор о дне сегодняшнем, видимо, целесообразно напомнить хотя бы вкратце историю создания особых отделов во внутренних войсках.

— Советская военная контрразведка существует с 19 декабря 1918 года, когда был образован особый отдел ВЧК — орган военной контрразведки по борьбе со шпионажем, контрреволюцией, изменой Родине и другими опасными преступлениями в частях и учреждениях Красной Армии. В настоящее время она является составной частью Комитета государственной безопасности СССР и представлена особыми отделами, которые функционируют во всех видах и родах Вооруженных Сил.

Непосредственно во внутренних войсках МВД СССР особые отделы работали до завершения Великой Отечественной войны, а в некоторых частях — в послевоенные годы при выполнении войсками боевых задач по уничтожению банд буржуазных националистов в Прибалтике, западных областях Украины и Белоруссии.

— Меняются ли задачи особых отделов в условиях перестройки и демократизации общества и каковы основные направления кардинальных изменений в работе органов военной контрразведки?

— Сегодня в органах военной контрразведки идет процесс переосмысления их места и роли в политической системе и механизме социалистического правового государства. Можно смело утверждать, что этот процесс отражает обновление советского общества, корректирует функции особых отделов.

В определении линии перемен положено два критерия — закон и правда, а главное направление всех наших перестроечных усилий сосредоточено на реализации принципов демократии и гласности, творческо-

го обновления всех форм оперативной деятельности. Но следует учитывать, что есть определенные ограничения, диктуемые конспиративностью, ибо в противном случае нам не обеспечить эффективность работы. Нельзя же раскрывать всю ее методику, имеющиеся в нашем распоряжении средства. Тем самым мы будем вооружать тех, кто встал на преступный путь. С другой стороны, нам нужна гласность как опора на общественность, именно такой подход может стать действенным стимулом повышения общественной активности в обеспечении госбезопасности страны.

Ныне мы имеем проекты Законов о государственной безопасности и о КГБ СССР. Указанные юридические акты четко обозначают функции чекистских органов и их полномочия по своевременному пресечению противоправной деятельности, систему контроля и гарантию соблюдения законности, ответственности органов КГБ за надежное обеспечение безопасности социалистического государства.

Считаю важным подчеркнуть, что впервые в истории нашего государства предложены проекты данных законов как не секретные нормативные акты, открытые и доступные каждому гражданину. Принятие их будет означать собой качественно новый этап демократизации и расширения гласности в работе КГБ, не на словах, а на деле обеспечивать эффективный контроль за деятельностью КГБ СССР со стороны высших органов государственной власти.

— И все-таки, Григорий Максимович, в отдельных публикациях КГБ преподносится как некое закрытое формирование в обществе, находящееся на антиперестроечных позициях. Ваше отношение к этому?

— Действительно, тенденциозные публикации в средствах массовой информации представляют наше ведомство как орган, которому перестройка невыгодна, противопоставляют его деятельность интересам рабочего класса, трудового крестьянства,

интеллигенции. Конечно же, это не так. Советские чекисты не отделяют себя от общества. Они сознают ответственность за судьбу страны, всеми силами и средствами содействуют успеху перестройки, добиваясь ее необратимости. Мы за дальнейшее развитие демократии и гласности, проведение прогрессивных экономических и политических реформ, за правовую защищенность личности, верховенство закона.

Что касается распространения прогнозов возможного возврата к временам «железной руки», то это просто инсинуации. Комитет госбезопасности, как любой другой орган государственного управления, функционирует в соответствии с Конституцией СССР и ряда подзаконных актов. Сегодня, в процессе формирования социалистического правового государства, образуется новый механизм контроля за деятельностью КГБ со стороны высших органов законодательной власти страны. Практически это выражается в деятельности созданного в Верховном Совете СССР Комитета по вопросам обороны и государственной безопасности, ряда других комитетов и комиссий.

— У многих военнослужащих, в том числе офицеров, сложилось негативное представление о деятельности сотрудников особых отделов. Дескать, они осуществляют всеохватный контроль над воинскими коллективами, над каждым в отдельности, собирают информацию о взглядах и поступках военнослужащих, чтобы в зависимости от политической обстановки использовать ее в своих интересах. Есть ли в этом доля правды?

— Подобное отношение военнослужащих к органам КГБ, и военной контрразведке в частности, формируется отдельными публикациями в печати, а также лицами, которые в прошлом, в связи с совершением действий, затрагивающих интересы обеспечения госбезопасности, сталкивались с чекистами. Некоторые офицеры личные неудачи (задержки в продвижении по службе, получении очередных воинских званий и т. д.) увязывают якобы с вмешательством в эти вопросы особых отделов КГБ, что не соответствует действительности.

В нормативных актах, регламентирующих нашу деятельность, четко определены вопросы, по которым информируется командование и политорганы. Все они касаются непосредственно безопасности внутренних войск и ни в коей мере не предусматривают сбор и доведение компрометирующих материалов на военнослужащих. Со всей ответственностью могу заявить, что военные контрразведчики действуют в пределах установленной компетенции, стоят на позициях неукоснительного соблюдения закона и уважения к человеческой личности. Справедливости ради необходимо отметить, что одной из причин, возбуждающей негативные оценки в адрес

КГБ СССР, является отрицательное восприятие некоторыми военнослужащими бывшей функции Комитета по борьбе с идеологически вредными проявлениями внутри страны. Пресловутая ст. 70 УК РСФСР «антисоветская агитация и пропаганда» трактовалась весьма широко. Кстати сказать, ни один военнослужащий внутренних войск по этой статье к уголовной ответственности не привлекался, применялись лишь меры профилактического характера. Таким образом, нет смысла говорить о сборе чекистами информации о взглядах военнослужащих.

— Как вы оцениваете сложившуюся сейчас обстановку в стране, а также роль и место военных контрразведчиков с учетом этого? И вторая часть вопроса. Где находятся чекисты, когда внутренние войска действуют в экстремальных условиях?

— Процесс перестройки, идеи которой не оспаривает ни один здравомыслящий советский гражданин, это объективная закономерность.

Тревожит другое. Трудностями перестройки стремятся воспользоваться силы, деятельность которых направлена на дискредитацию Советской власти, социалистического строя, на развал нашего федеративного государства. Используя оружие политической демагогии, запугивания и клеветы, шантажа и морального террора, они создают обстановку социальной напряженности, произвола и анархии, дезорганизуют деятельность органов власти и управления, посягают на законные права и интересы советских людей.

В этой обстановке набирают обороты организованная преступность, теневая экономика, дельцы которой обладают крупными материальными средствами и открыто рвутся к политической власти. Продолжается сращивание преступных организаций и групп с коррумпированными лицами на различных этапах управленческих структур.

Спекулируя на плюрализме мнений и гласности, громкоголосые «радетели» об общественных интересах порочат святое имя Ленина, такие дорогие для каждого советского человека понятия, как Родина, Октябрь, патриотизм. В сознание людей настойчиво внедряются озлобленность, агрессивность, неуважение к законам, готовность к насилию.

Антиобщественные элементы до крайности обостряют межнациональные отношения. По их вине льется кровь невинных людей. Нагнетанием страха, постоянными угрозами им удалось в ряде регионов фактически парализовать советскую власть, а ее представителей заставить действовать заодно с экстремистскими и националистическими силами.

В данной политической обстановке возрастает роль и значимость внутренних войск в системе правоохранительных орга-

нов на современном этапе, которые являются, по существу, единственной вооруженной силой, стабилизирующей положение и обеспечивающей общественный порядок в Абхазии, Азербайджане, Армении, Грузии, Узбекистане и Таджикистане, Киргизии и Молдавии и в других регионах.

В свете этого исключительно важным является установление четкого взаимодействия между нашими подразделениями, органами внутренних дел и внутренними войсками для совместного решения вопросов обеспечения государственной безопасности и охраны общественного порядка. Указанные органы решают свои задачи, ясно очерченные рамками предоставленных им прав, каждый на своем участке и в пределах установленной компетенции. Но эти задачи сливаются в одну, главную — всеми возможными силами и средствами обеспечить безопасность нашего государства, надежно защитить государственный и общественный строй от враждебных посягательств.

Оперативные работники особых отделов постоянно находятся в частях, действующих в экстремальных условиях, а нормальные деловые контакты и четкое взаимодействие с командованием и политорганами обеспечивают эффективное использование взаимных возможностей в решении представляющих обоюдный интерес задач.

— Товарищ генерал-майор, как тому мы свидетели, нападки на армию, внутренние войска, КГБ не прекращаются. Аккумулируют выпады против них журнал «Огонек», прибалтийские средства массовой информации и некоторые другие. Каковы ваши оценки такого положения?

— Мы уже касались этих вопросов, но давайте суммируем их. В последнее время, особенно на Западе, наращиваются удары по Вооруженным Силам, органам и войскам МВД, КГБ, работникам суда и прокуратуры, т. е. по институтам исполнительной и судебной власти, являющимся одним из важнейших и необходимых гарантов безопасности государства и общества.

Не последнюю роль в этом играют и те советские средства массовой информации, которые либо запутались в сложностях текущего момента, либо сознательно заняли позицию служения эгоистичным интересам отдельных группировок, пытающихся узурпировать право говорить от имени всего народа. Прошло достаточно времени, чтобы убедиться — их руками и устами ведется целенаправленная и скоординированная кампания развала Советского государства, чтобы потом можно было достичь поставленной цели.

В отношении органов государственной безопасности предпринимаются попытки прямо или косвенно увязать сегодняшнюю деятельность чекистов с работой в 30—40-е и начале 50-х годов, представить наших

сотрудников как правопреемников органов НКВД, когда имелись нарушения законности. В этой связи мы решительно заявляем, что нынешнее поколение сотрудников госбезопасности служит интересам своего народа и не имеет ничего общего с преступлениями времен сталинизма, безоговорочно, как все честные люди, их осуждает.

— И наконец, последний вопрос. Каков кадровый потенциал сотрудников особых отделов, есть ли в их числе выходцы из внутренних войск; основные требования к офицерам-контрразведчикам?

— Кадры — самое главное, самое ценное наше достояние. На сегодня особые отделы укомплектованы на 100 процентов руководящим и оперативным составом, имеющим высшее образование и необходимую чекистскую подготовку. Две трети офицеров окончили военные училища МВД и имеют опыт службы во внутренних войсках. Более 50 процентов сотрудников испытаны при выполнении войсками задач в экстремальных условиях.

Из этого следует, что чекисту должны быть свойственны: коммунистическая убежденность и воинский профессионализм, нравственная чистота и верность долгу, постоянная бдительность и отзывчивость, чуткость и вера в людей, общая культура и чувство гражданской ответственности. Именно такими качествами обладает сотрудник одного из особых отделов майор Анатолий Рудченко, выходец из внутренних войск. В апреле 1986 года весь мир узнал о чернобыльской трагедии. Анатолий Рудченко в это время оперативно обслуживал подразделение, которое через несколько дней выдвинулось в опасный район. Через год он попросился в Афганистан. Более двух лет дрался с душманами, делил с солдатами радость побед и горечь потерь. В апреле 1989 года, принимая участие в операции по освобождению заложников, майор Рудченко, рискуя жизнью, ликвидировал двух вооруженных преступников.

Родина по достоинству оценила мужество офицера-контрразведчика. За Афганистан он награжден орденом Красной Звезды и двумя афганскими медалями, за Чернобыль — медалью «За отличную службу по охране общественного порядка», а за спасение заложников — орденом «За личное мужество».

Хотелось бы сказать читателям журнала «На боевом посту», возможно, вынашивающим мечту стать военными контрразведчиками: настоящими чекистами не рождаются. Ими становятся в результате упорного труда, подчинения всех своих духовных и физических сил большому и благородному делу борьбы с противником социализма, за безопасность Родины. Это такой труд, такое дело, которому стоит отдать весь свой ум и сердце.

Юрий ЛОЩИЦ, заместитель главного редактора «Литературной России»

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

У газеты российских писателей «Литературная Россия» читательская аудитория за последние год-полтора весьма обновилась. Прежде всего потому, что обновилась и сама газета. Человеку, который ее раньше никогда не читал, достаточно просмотреть внимательно два-три номера подряд, чтобы убедиться: перед ним издание, может быть, единственное в своем роде. Многие из таких наших читателей-новичков признаются почти слово в слово: «Стоит хоть раз прочитать «Литературную Россию», и происходит прямо-таки переворот в сознании, резкая переоценка ценностей». Другие говорят сдержанней: «У газеты есть свое мировоззрение, пусть оно и не во всем совпадает

ДОСТАТОЧНАЯ ОБОРОНА

Александр ПРОХАНОВ

Несколько лет назад читающая публика воспринимала прозаика Александра Проханова в качестве романтического певца цивилизации и техносферы, эмоционального приверженца государственной и армейской идеям. Теперь и друзья, и противники — с равным, пожалуй, интересом — узнают его как политического мыслителя, причем весьма рационального, не поддающегося модным увлечениям и веяниям. Как политолог А. Проханов, разумеется, вызывает самые разные чувства — от возмущения до желания продолжать разговор.

С некоторыми положениями новой его статьи мы тоже не можем полностью согласиться — в частности, с его оценкой нынешнего положения КПСС в системе власти, роли армии в преобразовании общества. Но мы все-таки решили предложить эту статью вниманию наших читателей, надеясь на то, что широкое общественное обсуждение затронутых А. Прохановым проблем поможет всем нам в поисках истины.

ЯВЛЕНИЯ, захватившие наше внимание — всеобщая мука, конвульсии, митинги, стачки, разрушение общественного порядка, социальный страх, — суть внешнего проявления фундаментального процесса передачи власти. Страна меняет кожу. Утомленные, полуразрушенные, утратившие волю к власти, централистские структуры сдают ее без боя другим, новым, дееспособным, сформировавшимся за последние двадцать лет нашего иллюзорного благополучия.

Мы вдруг обнаруживаем, как в экономике, социологии, общественном сознании проявляет себя мощный, упитанный пласт, условно именуемый «криминальной буржуазией», или «буржуазным социумом», накопивший в себе громадные витальные силы, финансовые ресурсы, опыт управления этими ресурсами, сформировавший свою структуру, идеологию, методы выхода «на поверхность». Именно этот динамичный, агрессивный, знающий свои цели пласт принимает сейчас власть у одряхлевшего аппарата, еще недавно претендовавшего на выражение общенародных, общегосударственных интересов.

Экономических централистских структур практически не существует. Социальная справедливость погребена. Экономика интродуцирована. Государственный сектор тает на

с нашим, но его полезно знать и иметь в виду». Но есть и такая группа читателей, которых газета раздражает, они тут же переходят на крик, пускают в ход бранные слова: «шовинисты», «охранители», «консерваторы», «националисты», «русофилы», «правые», «черносотенцы» и т. д. Такого рода политическую ругань в адрес «Литературной России» можно без труда увидеть едва ли не в любом номере «Огонька», «Московских новостей», «АиФ», «Книжного обозрения», «Литгазеты». А если вы — любитель слушать «Свободу», то и она, как правило, дня не проживет, чтобы не излить желчь при упоминании этого имени: «Литературная Россия».

Почему же такая «слава»? Потому что газета сегодня берет на себя смелость называть вещи своими именами. Прежде всего это касается судьбы России за последние семьдесят с лишним лет. Русь, Россия, которая в течение тысячи лет собирала себя в прочный государственный монолит, со-

бирала вокруг себя народы и племена, помогая обустраиваться им в рамках нена- сильственного державного единства, — эта Россия сразу после революции попала в униженные условия всеобщей политической и экономической задолжности, безответной дойной коровы нашего экспериментального социализма. Именно ее, Россию, винили и продолжают винить во всех смертных грехах: в «великодержавном шовинизме», в «империализме», «колониаторстве», в том, что она, по родословной своей, «темное царство», «тюрьма народов». К этим оскорбительным и несправедливым обвинениям в последние времена, и это у всех на слуху, прибавились новые шельмующие прозвища, летящие в лицо русским людям вместе с плевками, камнями, пулями.

За что? За то, что Россия сегодня — самая обескровленная из республик, чьи богатства десятилетиями вывозились и раздавались чуть ли не задарма? За то, что она положила в фундамент жестокого со-

глазах, как весенняя льдина. Действует и развивается только буржуазный сектор. Он зажигает рекламы на площадях больших городов, закупает телеканалы, издает законы и уложения. Нарастает благополучие и преуспеяние буржуазии, нищает народ.

Советские органы, и прежде выморочные и эфемерные, заявляют о себе только на Съездах народных депутатов, которые после всех ожиданий обернулись огромной говорильней, вязким болотом плохо переваренных концепций, лепкой непродуманных, часто бесполезных законов.

Поразительна, трагична судьба партии. За годы своего существования партия, утратив интеллект и теорию, теряя из вида грядущее, многократно перерождалась, меняла смысл и сущность и сегодня по воле своих собственных лидеров приходит к драматическому финалу. Ныне партия напоминает хорошо проложенные по всей территории страны линии электропередачи, укрепленные на прекрасно сконструированных стальных опорах, однако вся эта грандиозная, многомерно разветвленная сеть отключена от источников тока, от электрических станций и не подключена к двигателям, моторам, источникам света. По этой опустевшей сети уже не идет стратегическая инициатива центра. В этих проводах нет тока, энергии идей, приказов и замыслов. Эта сеть мертва, на нее безобразно садятся черные птицы, каркая, расклеивают ее арматуры до провисших к земле проводов.

Коммунистическая партия — как я вижу — распадается на три разнородных фрагмента. Из ее рядов выплывает и уходит мощная социал-демократическая фаланга. Вышедшие на поверхность буржуазные круги предпочитают не создавать свои политические структуры, а воспользоваться частью уже существующих, с их собственностью, кадрами, организационным опытом. Этой партии жить и цвести, владеть заводами, землей и культурой.

Второй, обреченный, фрагмент партии — коррумпированный, ущербный, мыслящий эгоистично и кастово — не нужен уже никому. Он будет выдвигаться, как легкая костная пыль исчезнувшего скелета.

Последний, третий фрагмент — та часть партии, которая мыслит себя централистски, все еще ждет инициатив из центра, готова стать партией единомышленников, взять на себя бремя власти в рассыпающейся, гибнущей стране. Она готова жертвовать, чутко ищет созвучных ей лидеров, трагически ощущает свой удел. Она, еще крепкая, верящая в социализм, будет отдана на растерзание общественному сознанию, взвинченным народным фронтам, обездоленной публике, когда от коммунистов потребуют ответа не только за ленинский эксперимент в начале века, не только за кровь сталинизма, не только за стагнацию Брежнева, не только за дилетантизм и катастрофику первых лет перестройки, но и за то, что она, партия, завезла страну в тягчайший кризис, покидает штурвал управления, самораспускается, уходит с арены, предав поверивший ей когда-то народ. Этот страшный и справедливый упрек будет предъявлен последним партиейцам, необратимо устранив их от власти, обречет их самих на роль изгоев, заставит испытать чашу попитических гонений.

Единственной, последней из всех централистских структур, сохранившей общенациональный идеал, действующей во имя всей страны, всего народа, остается армия. Она, армия, в силу своих свойств тоже подвержена сегодня интенсивному давлению и нападкам. Ее разрушают как последний оплот централизма, последнее вместилище народности.

Сегодня, в дни паралича и деградации власти, армия, как и десять лет назад, остается единственной силой, способной выполнить грозные, предельные функции, вмененные ей трагическим веком. В «за-

циального эксперимента миллионы жизней своих лучших сынов и дочерей?

Во что превращены ее многолюдные песенные села? Откройте любой номер «Литературной России» — там об этом сказано устами талантливых российских прозаиков, поэтов, публицистов. Чем грозят русским просторам, Европе наши преступно-несуразные атомные станции, отравляющие воздух и землю промышленные новострои? И об этом «ЛР» предупреждает постоянно. Чем опасны авантюры экономических новых светил, жадно толпой стоящих у троаи? И об этом громко, доказательно говорит газета. Что представляет из себя духовная пагуба под именем «руссофобия»? Наш еженедельник рассказывает и об этом — о ненависти ко всему русскому, к нашей истории, нашим святыням, к Пушкину и Есенину, о семенах злобы, которую хотят посеять в душах наших вчерашних друзей и соседей. Кто и почему стремится опорочить нашу армию? И об этом говорит

«Литературная Россия», не боясь называть имена сильных мира сего.

И когда в Москве появились русские беженцы из Баку, наша газета сказала о них первой. И первой же напечатала скорбный список наших воинов, павших в Азербайджане и НКАО. И тогда же напечатала «Спецназ» Игоря Ляпина — стихотворение, которое сегодня тысячи воинов внутренних войск знают наизусть.

На страницах «Литературной России» печатаются Василий Белов и Владимир Солоухин, Борис Екимов и Юрий Кузнецов, Валентин Распутин и Игорь Шафаревич, Олег Волков и Анатолий Генатулин, Ирина Стрелкова и Вадим Кожинов.

И еще имена — великих сынов России, умерших в разлуке с нею: Борис Зайцев, Иван Шмелев, Иван Ильин...

Все, что проникнуто болью за судьбу России, надеждой на ее лучшее будущее, находит и найдет свое достойное место на страницах «Литературной России».

стойные годы», когда буржуазия наворывала свой капитал, а бесконтрольный аппарат проедал национальный доход, когда интеллигенция тихо ныла, а рабочие и крестьяне молча саботировали, лишь армия выполняла предназначенный ей исторический долг. К середине семидесятых годов был наконец установлен военно-стратегический паритет с противником, достигнут тот баланс оборонительных сил, о котором мечтали вожди, создавая государство и армию. Армия, установив паритет, завершила им период конфронтации, открыла путь к осмысленному в недрах паритета разоружению.

Позднее армия воевала в Афганистане, в течение десяти лет приносила кровавые жертвы, затыкая телами «афганцев» дыры в нашей неуклюжей восточной политике, беря на себя ответственность за фальшивые разработки наших востоковедов и американистов — нынешних витий перестройки.

Она же, армия, компенсируя безответственность энергетиков и технологов, беспомощность аварийных и спасательных служб, кинулась на взорвавшийся черномыльский реактор, голыми руками выхватывала из зоны взрыва обугленный графит и уран.

Она же, единственная, подменяя собой гражданские силы и средства, бросилась в армянский эпицентр, вытаскивала из-под дымящихся развалин Спитака раздавленные трупы армян.

В последнее время, покрывая издержки национальной политики, ставя латки на дырявый кафтан демократических преобразований, армия появляется во всех зонах межнациональных конфликтов, оказывается в состоянии гасить, хотя бы ненадолго, блуждающие очаги гражданской войны.

И эту последнюю опору государства уничтожают у нас на глазах, делают нас свидетелями избития армии.

Кто, почему заинтересован в истреблении оборон страны?

С одной стороны, существование в мире военной сверхдержавы Советов, оснащенной грозным оружием века, постоянная, непредсказуемая угроза со стороны СССР были дисконформом для бурно развивающихся цивилизаций Запада. С другой стороны, скопившийся внутри страны буржуазный потенциал развития стремится к слиянию с мировыми деньгами, с мировой метрополией, а единственной преградой оставалась военная мембрана, стена конфронтации.

Мы — свидетели того, как второе по величине военное образование планеты разрушается и исчезает как дым, словно выпаривается в каком-то чудовищном котле, повторяя судьбу своей предшественницы — армии русской империи.

Вот направления ударов и иссечений Советской Армии.

НАПРАВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

На армию взвалили ответственность за атомный апокалипсис: утверждают — ее страшнейшее оружие грозит миру последним часом, ее угрюмый милитаризм ведет к концу света. Под этим лозунгом началось стремительное разоружение, которое привело к уничтожению почти в одностороннем порядке целых классов новейшего оружия, доставшегося народу ценой огромных вложений, жертв, отказа от бытовых благ, сконцентрировавших в себе интеллектуальную мощь инженерии.

Считанные месяцы понадобились для изгнания наших соединений из стран Восточной Европы. Целые группировки наших войск — танки, самолеты, пехота — выдворяются из Европы ударами сухих кулачков новоявленных восточноевропейских политиков. Разрушены буферные зоны, сломан паритет, прогнулись границы, мы в нашем противостоянии отброшены к предвоенным временам, когда мощь Запада сконцентрировалась против наших теперь уже оголенных рубежей.

НАПРАВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Армии предъявляется счет за опустошение национальной экономики. Утверждают на все лады: оборонная промышленность высосала, как вурдалак, живые соки индустрии, опустошила прилавки, обескровила народное хозяйство. Пацифистски настроенные экономисты начали невиданное по своим масштабам иссечение из военного комплекса целых производств, научно-технических разработок. Бестолковая, безответственная конверсия приведет не просто к деградации вооружений, но к исчезновению перспектив научно-технического развития. Закрываются не просто заводы — распускаются коллективы рабочих, ученых, разработчиков, на сотворение которых нация затратила десятилетия своих организационных усилий. Воссоздать такие коллективы будет невозможно. Разрушая эти единственные имеющиеся у нас очаги развития, мы раз и навсегда обрекаем себя на третьестепенную роль, на полное выпадение из технотронных вариантов развития.

НАПРАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мифом о деградации личности в армии, о царящих в ней повсеместно насилии и садизме, проблемой «неустановленных отношений», и впрямь серьезной, общественному сознанию внушается ужас перед перспективой военной службы. Пропагандой посеян массовый антиармейский психоз. Уже сегодня солдаты в частях плохо управляемы, готовы дезертировать, уклоняться от выполнения приказа. Матери, семьи видят в армии источник несчастий для своих сыновей и мужей. Армия отрывается от народа. Отсекается ее генетический корень. Она одиноко повисает в атмосфере не любви и подозрительности.

НАПРАВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Особым объектом психологической обработки стало младшее и среднее офицерство. Когда молодые лейтенанты, заброшенные на хребты и перевалы Севера, на локационные и ракетные точки, оказываются в нечеловеческих условиях, в домах-бараках со свисающими с потолка ледяными люстрами, под которыми стыннут их юные жены и млечные дети, они уже не способны ни выполнять боевую задачу, ни просто оставаться в нормальном морально-психическом состоянии. Недовольство офицеров, помещенных в скверные, а подчас и ужасные социально-бытовые условия, нарастающая напряженность в офицерской среде используются лукавыми политиками для отсечения офицерского слоя от остальной армейской структуры, младших офицеров сталкивают с высшими военачальниками, ловят их в тенета неформальных антиармейских организаций.

НАПРАВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Генералитет, генеральный штаб подвергаются воистину ураганному обстрелу. Генералов изображают как скопище чванливых некомпетентных людей, не способных

управлять военной машиной, не умеющих установить контакт с армией и народом. Образ генерала-шута стал излюбленным мотивом молодежных изданий и телепередач.

НАПРАВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Особенно драматично складывается судьба афганского контингента. Этот бесценный фермент армии, обладающий реальным боевым опытом, проявивший свою способность воевать и проливать кровь за государство, последний контингент «государственников», погибавший во имя государственной идеи в ущельях и пустынях Азии, — этот контингент, вернувшись на Родину, был государством отвергнут. Государство не защитило его, испугалось его, отдало на откуп общественным и национальным стихиям. Государство предало этих людей, откупившись пустопорожними льготами, отрекшись от идеалов, которые само проповедовало. В Закавказье афганский ветеран из Баку руководит подготовкой азербайджанских боевиков, а в то же время бывший «афганец» из Еревана, может быть, его сослуживец и сотоварищ, инструктирует армянские отряды ополчения.

НАПРАВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Постоянное вторжение армии в национальные конфликты с последующим предъявлением моральных и юридических счетов — один из самых изощренных и безнравственных способов угнетения армии. Получившие ярлыки «палачей» и «мародеров» войска уже практически парализованы, отказываются выполнять приказы генералов и офицеров. Немудрено, что командованию становится все труднее заталкивать армию в хлюпающие межнациональные раны. Армия отказывается верить своему комсоставу, политическому руководству страны.

Все эти методы и приемы, применяемые последовательно и одновременно, являются хорошо организованной службой по разложению армии противника, используют рекомендарий военно-пропагандистских средств зарубежной военной разведки, и невидимые нам аналитики могут поздравить себя с успехом их подрывных операций.

Необходимо немедленно, осознав эти грозные процессы, сформулировать программу защиты оборонных представлений народа, программу защиты армии от распада, сохранить эту структуру, все еще, несмотря ни на что, способную претендовать на выражение общенародных идеалов и целей.

Пора прозреть армейскому командованию, стратегам и «оборонщикам». Утопические мифологемы о вечном мире в XXI веке, об эре грядущего всеземного процветания обернутся угрюмой конфронтацией. XXI век грядет как век нарастающих кризисов и общемировой нестабильности. Распад СССР, выпадение его из мирового развития и мрачное сползание в

«третий мир», уход СССР с арены военного противостояния приведут к мировому дисбалансу, способному пошатнуть хрупкие структуры всей цивилизации, о чем уже сегодня толкуют западные политики. Разрушение сложившихся финансовых, экономических, геополитических связей приведет к нестабильности, на которую страны будут реагировать всеми возможными средствами, в том числе и военными. Перед лицом возможной военной активности, перед лицом нарождающихся экзотических видов оружия мы окажемся без оружия, без идей, без оборонного сознания, без геополитических военных посягов.

Армия, как ничто другое, нуждается сегодня в защите. Она скована своей субординацией, своим внутренним централизмом, своей присягой и верностью государственной власти. Она не в силах сама заявить о своей проблематике, защитить себя не военными, гуманитарными средствами. Наивно верить в государство и власть. Поэтому в нашем общественном движении необходимы отдельные направления, гражданская инициатива, быть может, военная партия, которая взяла бы на себя защиту оборонного могущества страны. Как любой сословный слой, как любая корпорация, армия должна иметь гражданский канал для выражения сугубо армейских интересов. А ведь армия не клан, не сословие. Наша армия — форма народной жизни, народной идеологии и сознания.

Военно-патриотическая инициатива должна решить ряд неотложных задач. Необходимо довести до народа правду о разрушаемой армии, об истинных политических целях ее разрушения. Армия, чувствующая себя сейчас изолированной, должна знать, что народ видит ее проблемы, ее муку и страдания, что народ не разобщен с ней, готов ее защищать. Лишенной идеологии, включенной как марионетка во всеобщую распря, утратившей целостные ряды и представления, армии необходимо вернуть ее идеологическое содержание — идеологию национального спасения и национального возрождения.

Надвигающийся, быть может, неизбежный хаос вменяет армии особую не свойственную ей функцию — не карательную, как пытаются нас напугать тоталитаристы, не жандармскую, как пытаются нас обмануть либералы, но сберегающую, направленную на сохранение тех очагов развития, которые, возможно, еще не будут затронуты хаосом. По существу армии надлежит выполнить ту миссию, которую когда-то выполняли монастыри в годы нашествий и экспансий. В казармах будут укрываться от смерти и побоищ, от разорения и голода. Туда придут, как турки-месхетинцы, как беженцы Баку и Степанакерта, — придут люди культуры, инженеры, ученые. Только армия в условиях гражданского хаоса будет в силах сберечь их, сохранить зерна будущего развития, оборонить ценности и святыни, чтобы потом, когда мигнет беда, они могли быть возвращены в жизнь. Армия должна готовиться к этой роли, осознать ее, перестать заниматься одними сугубо военными делами, резко

включиться в общественно-политический процесс, заявить народу о том, что она готова исполнить сберегающую, общенациональную миссию. Армия не является слепой функцией власти, она — инструмент волеизъявления народа...

СЕГОДНЯ борьба за сбережение армии является последней борьбой за государственность и народность. Разложение и истребление армии сделает нас беззащитными перед хищниками, стремящимися расчленив СССР на лакомые, быстро перевариваемые ломты, сломить сопротивление России, не желающей — из последних сил — стать подножием в экономической и культурной иерархии жестоких, псевдогуманных цивилизаций мира.

История станет судить о жизнеспособности и сопротивляемости народа по его нынешнему отношению к армии. Она станет судить о сегодняшних генералах по их способности вывести армию из жесточайшего окружения, из второго за двадцатое столетие котла, где перемалывается военная мощь России. Она, история, произнесет свой суд красному офицерству, трагически заступающему сегодня на место белого офицерства. Она назовет имена предающих армию, ведущих ее на заклание.

Опасность столь велика, ее очертания столь тщательно маскируются, что долг интеллектуалов и аналитиков — пойти на предельный риск, вскрыть перед обществом конечные цели беспощадной антинациональной программы по истреблению армии.

Идеология национального спасения глубоко близка любому нашему гражданину, любому воину, будь то седовласый генерал или безусый новобранец. Взамен унылой, догматической, изжившей себя внутриармейской пропаганды, где красные уголки пестрят дешевой бумагой, плохо выкрашенной фанерой, возникнет идеология национального возрождения. Нам, в наших горьких условиях, не нужна армия, покоряющая мир, готовая врываться на танках в горящие европейские столицы. Нам нужна армия для самосохранения и самозащиты. Нам нужна та достаточная оборона, без которой общегосударственная идея готова сегодня погибнуть, исчезнуть с земли навсегда.

Нет, не большую «казарму» готовит армия обществу, ратуя за поддержание в народе доблести, суверенности, мужества, уповая на достойную жизнь в грядущем, не отрекаясь от величия в прошлом. Идеал кооператора, диск-жокея, политического лукавца не сможет вытеснить из народного сознания идеал ратоборца, заступника, мученика за народ и Отечество.

Армия поделится с индустрией своим опытом грандиозных свершений. Поделится с культурой опытом жертвенности и стоицизма.

Будущее России — не казарма, не концлагерь, не концессия, не придаток олигархических империй мира, а целостное, стабильное общество с общенародным идеалом истины, справедливости и добра.

«МЫ ещ_е увидимся, детка...»

В тот вечер Патриция показалась не в лучшей форме. Нельзя сказать, что она пела плохо, скорее, посредственно, и посетители «Гавайской пальмы» выразили свое разочарование вежливым молчанием. Не будь Джек Дункан занят более серьезным делом, он мог бы не на шутку рассердиться. Но в тот момент все мысли хозяина кабаре были заняты операцией, которую поручил ему патрон. Зато Дэвит не преминул заметить:

— Наша звезда сегодня не очень-то блистает... Явно этот шотландец...

Джек нервничал и потому резко оборвал его:

— Я буду вам премного обязан, Питер, если вы прекратите вмешиваться в личную жизнь мисс Поттер. Это касается только меня.

— И ее, конечно?

— Даже ее — нет. Но можете не беспокоиться. Если причина болезни — шотландец, то послезавтра она совершенно выздоровеет, и я рассчитываю, что лекарство поднесете вы.

— С удовольствием.

Едва Малькольм вошел в кабинет Дункана, тот немедленно спросил:

— Могу я узнать, мистер Мак-Намара, почему вы сочли необходимым позвонить мне после ареста Сэма Блума?

Шотландец недоуменно воззрился на него.

— Это же дядя Патриции, разве нет?

Джек закурил губу, а Малькольм продолжал:

— И ведь это вы поторопились помочь ему скорее выбраться оттуда, правда?

— Поговорим об этом потом. А сейчас, мистер Мак-Намара, посмотрите на этот план. Это маршрут, которого вы должны придерживаться, как по пути туда, так и обратно. Доберетесь до Дроу-дока, а там на борту «Звезды Индии» вас будет ждать матрос.

— Может, мне на всякий случай лучше знать, как его зовут?

— Не нужно. Он будет ждать вашего

прихода... и... не в обиду будь сказано, вас, кажется, довольно сложно с кем-нибудь спутать. Этот человек подойдет к вам и спросит: «Вы не знаете мою кузину Элспет из Стирлинга?», а вы ответите: «Нет, но очень об этом жалею, потому что слышал, какая она красотка». После этого вам останется только выполнить то, что скажет моряк. Договорились?

— По рукам.

— Как я уже говорил, первый поход будет пустым. Надо выяснить, следят за вами или нет. Если все пройдет гладко, послезавтра отправитесь за настоящим грузом. Возражений нет?

— Нет, все в порядке. А с вашей стороны?

— С моей?

— Вы отпустите Патрицию?

— Я никогда не отказываюсь от своего слова, мистер Мак-Намара... Мистер Дэвит не спустит с вас глаз и, в случае чего, поможет.

— Стало быть, как ангел-хранитель?

— Вот-вот, только он скорее способен отправить в ад, чем в рай.

Шотландец расхохотался, видимо, очень довольный шуткой, и так дружески хлопнул Питера по плечу, что тот едва не шлепнулся на пол.

— А что, ангел, не спуститься ли нам вниз и не опрокинуть по стаканчику или по паре? — предложил он.

За Питера ответил Дункан.

— Не сейчас... Мистера Дэвита ждет срочная работа. Идите в бар, мистер Мак-Намара, и можете записывать расходы на мой счет.

— Вот спасибо! Ну и дорого же вам это обойдется!

Выйдя на маленькую сцену «Гавайской пальмы» после перерыва, Патриция заметила Малькольма и тут же обрела прежний блеск. Зал устроил настоящую овацию. Патриция раскланялась, одним кивнула, другим улыбнулась и направилась в бар, где шотландец, подхватив ее за талию, подбросил, как перышко, и усадил на табурет,

— Пат, вы чудо! Что будете пить?
 — Джин с лимоном.
 — Может, хотите шампанского? Платит Дункан!
 — Я предпочитаю джин с лимоном от вас, Малькольм.
 — Ай! Вы совсем забыли, что я шотландец! Делать нечего, придется раскошелиться, чтобы не выглядеть невежей. А между прочим, сегодня я весь вечер пью за счет Дункана!
 Тут они заметили Дэвита. Он спустился из кабинета Дункана в зал и вышел из бара через служебный вход.
 — Похоже, мистер Питер разыгрывает заговорщика!
 — Не обращайтесь внимания на Питера, Малькольм. Пусть он занимает вас не больше, чем необходимо для вашей собственной безопасности.
 — Почему же я должен его опасаться?
 — Этот человек способен на все, кроме хорошего поступка!
 — Не очень-то вы его любите, как я полагаю, а?
 — А вы?
 — Должен признаться, и мне он не шибко по душе.
 Певица вздохнула.
 — Вот среди кого мне приходится жить!
 — Осталось потерпеть совсем немного.
 Патриция с жалостью посмотрела на шотландца.
 — Вы все еще собираетесь увезти меня в Томинтул?
 — Теперь это зависит только от вас.
 — Но ведь я же вам уже говорила и не раз, что...
 — Дункан согласен!
 — Что???

Тогда шотландец рассказал, какой договор он заключил с Джеком. Хорошо зная Дункана, Патриция отказывалась поверить своему счастью.

— Послушайте, Малькольм... может, на сей раз, для разнообразия, Джек и говорил правду... дайте мне еще немного подумать... завтра я дам ответ. Хотите, встретимся в Блумсбери, в саду музея?
 — Еще бы!
 Патриция ушла, а Малькольм всерьез приналег на выпивку. «В Томинтуле, — пояснил он бармену, — всегда так делают, если очень счастливы». Что касается Гарри, воображавшего, будто он давным-давно знает о пределах поглощения алкоголя человеческим организмом решительно все, то он в эту ночь присутствовал при зрелище, которое счел откровением. Часа в два уже сильно захмелевший шотландец, заметив вернувшегося Дэвита, предложил ему выпить. Питер, не видя причин отказываться, уселся рядом. Малькольм сразу обратил внимание на испачканную кровью манжету.
 — Несчастный случай, старина?
 — Да, наткнулся на урну и порезал руку. Не понимаю, как санитарная служба города терпит эти стеклянные бачки! В темноте о них можно споткнуться и порезаться насмерть!
 — В Томинтуле нет урн...— шотландец, казалось, глубоко задумался, прежде чем добавить: — Правда, санитарной службы тоже нет...
 И тут на глазах у совершенно обалдевших бармена и Дэвита Мак-Намара разрыдался. Питер хлопнул его по плечу.
 — В чем дело? Что-нибудь стряслось?
 — Почему же это в Томинтуле нет санитарной службы, а?

— Готов парень, накачался по ноздри! — сказал бармен.

— Похоже на то... Пойдемте-ка, Мак-Намара, свежий воздух живо приведет вас в себя.

Взяв Малькольма за руку, Питер довел его до самой двери и, легонько подтолкнув его вперед, напутствовал:

— Отправляйтесь домой, Мак-Намара, и отдохните как следует... Вы не забыли, что мы вас ждем завтра или, вернее, уже сегодня в четыре вечера?

— Угу... но тогда вы мне скажете, почему в Томинтуле нет санслужбы?

— Обещаю!

Прежде чем вернуться в «Гавайскую пальму», Дэвит долго следил глазами за пошатывавшимся шотландцем.

Чтобы проникнуть в «Нью Фэшэнэбл», Малькольму пришлось разбудить Эдмунда, который, помимо всего прочего, был еще и ночным сторожем — хозяин гостиницы слишком хорошо знал своих постояльцев и не мог доверить им ключи. Свежий воздух, по-видимому, совершенно протрезвил шотландца.

— Привет, старина, как жизнь? — весело осведомился он.

Эдмунд посмотрел на Мак-Намару довольно недружелюбно.

— А как, вы думаете, должен себя чувствовать мирный обыватель, когда его будят в такое время?

— Вам надо было бы поехать в Томинтул!

— Не премину... А пока, может, войдете? Если, конечно, не решили просто заглянуть и справиться о моем здоровье?

— Эдмунд, старина, вы мне нравитесь! — И, не дав слуге опомниться, Малькольм от души расцеловал его в обе щеки.

Эдмунд изумленно воззрился на него.

— Экий вы чувствительный парень, как я погляжу!

Малькольм остановился у конторки Сэма. Там еще горела лампа.

— Что, хозяин еще не ложился?

— Понятия не имею... он явился сюда какой-то чудной, ну, я пошел по всяким делам, а заодно — пропустить стаканчик и выяснить, чем кончились скачки. Вернулся — его уже не было. Так и не видал с тех пор. Но, между нами говоря, не шибко переживаю, потому что, если хотите знать мое мнение, Сэм Блум — стопроцентная сволочь!

— А ведь странно, что он не погасил лампу, да?

— Что, ваш шотландский инстинкт экономии возмущен?

— Еще бы!

Мак-Намара перегнулся через стол, потянулся к выключателю и тут же отскочил — под столом, скорчившись, лежал Блум.

— Послушайте, старина, я не очень-то люблю такие шутки!

— Вы о чем?

— Вы ведь знали, что хозяин там?

— Где?

Мак-Намара большим пальцем указал за конторку. Эдмунд, в свою очередь, наклонился и, сильно побледнев, проговорил:

— Боже мой!.. Вы... думаете, он мертвый?

— По всей видимости... разве что мистер Блум — великий колдун! — С этими словами шотландец обошел стол, взял лампу и приблизился к Сэму. — Ему разможили голову бутылкой... убийца унес горлышко... наверное, из-за отпечатков пальцев...

— Но кто же... кто мог это сделать?

— Вот этого, старина, я совсем не... — слова замерли у него на губах. Мак-Намара вдруг отчетливо представил себе Дэвита, кровь на манжете рубашки и руку, порезанную осколком стекла.

— Нам остается только вызвать полицию, старина.

— Не очень-то мне это по душе.

— Мне — тоже, если это вас утешит.

Констебль Майкл Торнби и его молодой коллега Стюарт Дом меланхолично прогуливались по кварталу, когда к ним подбежал запыхавшийся Эдмунд.

— Пойдемте скорее!

— Куда?

— В «Нью Фэшэнэбл»!

— Там что — пожар? — спросил Дом.

— Ну, если пожар, — проворчал его коллега, — то чем позже мы придем, тем лучше. Не стоит упускать прекрасную возможность избавиться от этого гнусного притона.

— Да нет, дело совсем не в том. Сэм Блум умер.

— Правда? Что ж, вот, должно быть, дьявол радуется! Он сделал первоклассное приобретение. Ну, пошли за врачом.

— Но...

— Что?

— Мне кажется, его убили...

— Ах, кажется?

— То есть... я хочу сказать... я в этом уверен...

— Ага, так-то лучше. Пойдем, Стюарт.

Увидев шотландца, Торнби подскочил и, внимательно изучив голову Сэма, укоризненно произнес:

— Слушайте, сэр, не могли бы вы использовать свою силу как-нибудь иначе? Сегодня утром чуть не отправили на тот свет двух полицейских, а теперь вот прикончили этого старого негодяя...

— Но я не дотрагивался до мистера Блума, — возмутился Мак-Намара. — И вообще, уж если я рассержусь, так не стану переводить бутылку виски, да еще полную! Это при нынешних-то ценах!

Констебль не смог удержаться от смеха.

— Ах вы, чертов шотландец! Кое в чем я с вами согласен: Сэм не стоил бутылки виски... Только вот дело в том, что его убили и мы должны выполнять свои обязанности... Стюарт, позвоните в Ярд и, если вдруг инспекторы Блисс и Мартин окажутся на месте, скажите, что мистер... мистер...

— Мак-Намара.

— ...что мистер Мак-Намара замешан в этом деле!

— Но послушайте!

— Пока — как свидетели!

Случилось так, что Мартин дежурил и, конечно, с радостью примчался в «Нью Фэшэнэбл». Оказавшись лицом к лицу с шотландцем, он не стал скрывать торжества.

— Ага, на сей раз, мистер Томинтул, вы стукнули слишком сильно?

— Да не трогал я его!

— Я не думаю, что в Шотландии, в отличие от Англии, убийцы сразу же во всем признаются!

— Вы имеете что-нибудь против меня, старина?

— С чего вы взяли?

— Да-да... я это чувствую... Вы пытаетесь впутать меня в темное дело. Но почему, старина? Что я вам сделал дурного? Надеюсь, это не связано с овцами?

— Нет, о шотландец моего сердца, к овцам это не имеет никакого отношения. Я принадлежу к клану отверженных, лишенных великого счастья знать Томинтул! Я всего-навсего несчастный англичанин, имеющий дерзость полагать, будто быть ежедневно битым каким-то бог знает откуда взявшимся горцем — не его призвание!

— Так то ж по ошибке!

— Ах, вот как? А в первый раз попав в Лондон, вы остановились в самом скверном притоне тоже по ошибке? И в первый же вечер поспешили в «Гавайскую пальму», которой управляют два гнуснейших мерзавца из всех, кому дает приют наш несчастный город — тоже ненароком?

— В гостиницу меня привез таксист... потому что я не хотел платить слишком дорого... а «Гавайская пальма» — из-за Патриции Поттер... Я ее люблю, инспектор, и хочу увезти с собой в Томинтул. Вы приедете к нам в гости?

Инспектор чуть не задохнулся.

— Да, я навещу вас, но не в Томинтуле, а в тюрьме Ее Величества, куда вас отправят поразмыслить над опасностями большого города. Хоп, ребята! В машину неудавшегося Тарзана!

Суперинтендант Бойланд, прочитав бумаги, которыми был завален его рабочий стол, вызвал в кабинет инспектора Блисса.

— Ну что, Блисс, вы опять задержали этого шотландского богатыря?

— На сей раз, супер, он у меня в руках.

— Нет, Блисс, ошибаетесь.

— Простите... не понял.

— Блисс... я испытываю к вам большое уважение... почитаю дружбу, соединявшую вас с инспектором Поллардом... Но это все же не повод преследовать несчастного, который в момент убийства вашего товарища находился в графстве Банф!

— Но он же...

— Нет, Блисс. Я прочитал рапорты и первые допросы по убийству Блума. Шотландец здесь ни при чем. По показаниям слуги Эдмунда, его не было с десяти вечера. Следствие в «Гавайской пальме», при всей его поверхностности, все же ясно показывает, что Мак-Намара не выходил из лавочки Дункана до двух ночи.

— Все сговорились!

— Даже если это так, Блисс, прежде чем держать шотландца под замком, надо его алиби опровергнуть, а вы отлично знаете, что из этого ничего не выйдет. К тому же, с чего бы этому парню убивать Блума?

— Сведение счетов!

— Несомненно. Только я что-то плохо представляю Мак-Намару в роли кредитора. Я знаю, кто убил Сэма, Блисс.

Инспектор выпучил глаза.

— Вы знаете, кто...

— Да. Это вы, Блисс.

Инспектор вскочил.

— Вы понимаете, что говорите, сэр?

— Спокойно, Блисс, сядьте на место, прошу вас. Вам следовало бы лучше владеть собой.

Прстыженный полицейский снова опустился на стул.

— Вы убили Блума, Блисс, тем, что арестовали его и привезли в Ярд. Сообщники, зная трусость Сэма, побоялись, что он не выдержит очередного допроса и выдаст имя убийцы Полларда и мисс Банхилл. Вот почему его убили этой ночью. Быстро отпустите шотландца, Блисс, у меня предчувствие, что именно он выведет нас на добычу, за которой мы так долго охотимся.

— Но почему?

— Потому что он влюблен в Патрицию Поттер.

Сколько бы Малькольм Мак-Намара ни гордился своей исключительной выносливостью, все же по возвращении в «Нью Фэшэнэбл» он имел довольно-таки неважный вид. Эдмунд встретил его без особых эмоций.

— Они вас отпустили?

— Как видите, старина!

— Повезло вам... обычно стоит только попасть к ним в лапы — пиши пропало.

— Но если я не виновен?

— Неужели вы думаете, их это может смутить? К тому же, поставьте себя на их место. Вы все время толчетесь среди самого жуткого сброда.

— Вы так считаете?

— Черт возьми! Я здесь потому, что больше ни на что не годен. Мне ничего не нужно — только бы не подохнуть с голоду и не ночевать на набережной Темзы... поэтому все их мерзости мне безразличны... Но поверьте, иногда даже я горько сожалею, что стал таким, как есть, ведь...

— Но я не понимаю, почему...

— О господи! Да потому, что когда я вижу всех этих несчастных, которых медленно травят... иногда совсем детишек... у меня сердце переворачивается... Сэм был подонком... теперь он помер... я не стану его оплакивать, наоборот!

— Но за что убили Сэма?

— Из-за наркоты.

— Не может быть! Да неужто все эти истории насчет наркотиков — не враки?

— Послушайте, вы там, в Томинтуле, похоже, здорово отстали от жизни!

— И это правда такая страшная штука, как говорят?

— Хотите составить представление—сходите выпить стаканчик в «Экю Святого Георга» на Ромилли-стрит, увидите, какие у них лица! И еще. Вы, кажется, славный мальчик, потому мой вам совет — оставьте «Гавайскую пальму» и мисс Поттер. Эта компания — не для вас!

— Я люблю мисс Поттер.

— Любовь — не лучше наркотиков...

Эдмунд разбудил Малькольма около одиннадцати. Прослав два часа, шотландец встал если и не совсем свежим и бодрым, то, по крайней мере, достаточно отдохнувшим, чтобы выполнить все намеченное на день. А денек обещал быть довольно напряженным. Незадолго до полудня, при всем своем отвращении к лишним тратам, Малькольм вынужден был сесть в такси — он чувствовал, что сейчас просто не дотащится до Блумсбери пешком. Когда Мак-Намара приехал в сад, Патриция уже ждала.

— Я опять провел ночь в полиции, — извинился он.

— Не может быть!

— Да. И на сей раз — в самом Скотленд-Ярде!

— Но за что?

— Убили Сэма Блума!

— Нет!

— Да...

Они молчали. Но каждый знал, о чем думает другой. Наконец Патриция чуть слышно проговорила:

— Это они... правда?

— Питер Дэвит.

— Откуда вы знаете?

Мак-Намара объяснил и в заключение добавил:

— Вы понимаете теперь, Патриция, что вам нельзя больше оставаться с этими людьми?

— Они убьют меня, как убили Сэма Блума.

— Этого я не допущу!

— Бедный Малькольм! Вы так наивны, так безоружны перед ними! Они нанесут удар прежде, чем вы успеете опомниться...

— Ну да?

— Я в этом не сомневаюсь.

— Во-первых, меня так просто не возьмешь, а во-вторых, Дункан обещал, что если я схожу в док за пакетом и принесу им, то вас со мной отпустят.

— Врет он!

— Не думаю...

— Послушайте, Малькольм, вы же не знаете, что они замышляют... Это чудовища! Как только вы принесете пакет в «Гавайскую пальму», вас убьют.

— Но почему?

— В первую очередь — чтобы вы никому не смогли об этом рассказать, а потом Джек никогда не согласится, чтобы я уехала с вами.

— Он вас любит?

— Он? Джек никогда никого не любил... он не способен любить кого бы то ни было... и любит только деньги.

— Но в таком случае...

— Дункан считает, что я ему принадлежу, и не потерпит посягательств на свою собственность,

Шотландец на мгновение смешался, потом покачал головой.

— Простите, Патриция, но я не могу в это поверить... Дункан мне обещал... Я уверен — он сдержит слово... В Томинтуле все всегда держат слово...

Патриция готова была поколотить его. Понимая, что не в состоянии растолковать упрямцу, насколько Лондон все-таки отличается от Томинтула, девушка не выдержала и разрыдалась. Мак-Намара же был так удручен, что мог только повторять:

— Ну... что с вами? Что случилось?

Пожилой джентльмен, уже некоторое время наблюдавший за ними, подошел и обратился к Малькольму:

— Прошу прощения, что вмешиваюсь не в свое дело, сэр... но... лучше не заставлять их так плакать... потому что... когда они уходят из жизни... вас начинают мучить угрызения совести... все эти слезы, на которые когда-то не обращал внимания, приобретают огромное значение... На вашем месте, сэр, я бы обнял ее и, если поблизости нет полисмена, крепко поцеловал бы, чтобы показать, как сильно я ее люблю, а все остальное — пустяки.

— Вы вправду так думаете?

— Убежден, сэр! — и старый джентльмен удалился.

Немного помявшись, Малькольм спросил:

— Вы слышали, Пат?

— Разумеется, слышала! И не понимаю, что вам мешает последовать его совету!

Так Малькольм и Пат обменялись первым поцелуем. Когда они отпустили друг друга, шотландец сказал:

— Мне очень жаль...

Патриция подскочила.

— Жаль?

— Да, что не захватил с собой волюнку. Я бы сыграл вам «Танец с мечами».

Девушка не смогла удержаться от смеха.

— Будем считать — за вами долг. А теперь, Малькольм, мне надо бежать. Дункан и так, должно быть, ломает голову, куда я исчезла.

Мак-Намара проводил ее до такси. Уже садясь в машину, Патриция обернулась к шотландцу.

— Может, вы все-таки передумаете и откажетесь, Малькольм? Я так боюсь, что с вами случится беда!

Он улыбнулся.

— Не беспокойтесь за меня! Мы еще увидимся, детка!

ГЛАВА V

ИНСПЕКТОР Блисс вихрем ворвался в кабинет суперинтенданта Бойланда.

— Дело в шляпе, супер!

Бойланд, человек очень уравновешенный, ненавидел такого рода вторжения. Они не только беспокоили его, но и глубоко шокировали. Суперинтендант уже почти достиг пенсионного возраста и испытывал пристрастие к старым добрым традициям — корректному обращению, строгим костюмам и шляпам-котелкам. Бойланд едва терпел новые манеры, казавшиеся ему слишком фа-

мильярными: так, обращение «супер» раздражало недостатком почтения. Он клеймил современные нравы, усматривая в них глетворное влияние американцев, которых не любил, продолжая считать мятежниками, взбунтовавшимися против Короны. Однако все это не мешало Бойланду быть прекрасным полицейским и в случае необходимости сотрудничать с коллегами из ФБР и ЦРУ.

— В чем дело, мистер Блосс?

— У меня есть доказательство, что шотландец ведет с нами нечестную игру!

— Вот это новость!

— Вы не хотели мне верить, супер, что этот тип связан с бандой Дункана, но только что я получил подтверждение.

Блосс не понял, почему суперинтендант улыбается, но это само по себе было настолько редким явлением, что инспектор на мгновение застыл в полной растерянности.

— Я вас слушаю, мистер Блосс, — произнес Бойланд.

— Проводив Мак-Намару, я бродил возле «Нью Фэшнзбл»...

— Вы что же, значит, никогда не спите, мистер Блосс?

— Редко, супер, особенно когда занят расследованием мокрого дела.

Суперинтендант покоробил этот уголовный жаргон, к тому же, честно говоря, он не испытывал особой симпатии к инспектору Блоссу, хотя и ценил некоторые его качества.

— Ну и что же вы обнаружили?

— В это время шотландец выскочил из гостиницы, сел в такси и поехал. Мне повезло поймать другую машину, и я отправился следом. Так, друг за другом, мы и приехали в Блумсберн, вернее, подъехали к Британскому музею.

— К Британскому музею?

— Еще точнее — в сад при музее. И там его ждали!

— Так... так... и кто же?

— Всего-навсего мисс Патриция Поттер собственной персоной!

Инспектор торжествуя откинулся на спинку стула.

— Ну и что?

Блосс посмотрел на шефа с таким же недоумением, как нормальный человек — на явно отсталого.

— Как так «ну и что»? Вы же в курсе, какую роль играет мисс Поттер в махинациях Дункана!

— То-то и оно, что нет, мистер Блосс, я об этом понятия не имею.

— В любом случае свидание шотландца с подружкой хозяина «Гавайской пальмы» — явная улика, что все они заодно и что мисс Поттер просто-напросто пришла передать этому типу указания главаря.

— В Британском музее?

— А почему бы и нет? Никому бы и в голову не пришло искать их там!

— Кроме вас.

Полицейский кивнул.

— Да, кроме меня, — сказал он с таким видом, что было ясно, как крупно не повезло Малькольму и Патриции: они встретили на пути настоящего стража закона.

— Скажите, мистер Блосс... вы никогда не были влюблены?

— Все времени не хватало, супер!

— Очень жаль...

— Что?

— Это избавило бы вас от утомительных и совершенно ненужных действий. Тогда бы вы знали, что влюбленные нмеют обыкновенные назначения свидания в самых невероятных местах. А этот шотландец, по его же собственному признанию, так любит мисс Поттер, что хочет увезти ее с собой на родину. Только этому мешает Дункан... и вот, желая ускользнуть от его бдительного ока, влюбленные решили встретиться там, куда Дункан ни за что не явится.

— Это только предположение!

— А не заметили ли вы, мистер Блосс, в их поведении чего-нибудь такого, что подтвердило бы мои слова?

— То есть... ну... короче говоря, они целовались. Но это же ничего не доказывает!

— О, совсем наоборот, мистер Блосс... И позвольте дать вам совет: ни на шаг не упускайте из виду шотландца, потому что именно с этого момента ему грозит смертельная опасность! Я, по крайней мере, в этом не сомневаюсь.

— Ему грозит опасность?

— Да, мистер Блосс, и будет крайне прискорбно как для него, так и для вас, если случится несчастье. Вы меня поняли?

— Прекрасно, супер!

— Тогда все в порядке. Но, главное, оставьте его в покое и не предпринимайте никаких мер, не посоветовавшись предварительно со мной. У меня есть предчувствие, мистер Блосс, что этот овцевод с его наивностью, попав в мир дунканов и дэвитов, обязательно вызовет там изрядное замешательство, а мы не преминем этим воспользоваться.

Уходя от Бойланда, Блосс размышлял, что надо бы отправлять людей в отставку раньше, чем они выживаю из ума, ведь когда суперинтендант полиции впадает в маразм, это не может не сказаться на работе всего отдела.

Слушая Мак-Намару, Дункан мысленно благодарил господа бога за то, что он создал дураков ради вящего процветания всех прочих. Шотландец описывал свою будущую свадьбу с Патрицией, когда они приедут в Томнитул, перечисляя имена всех, кого позовет. Джек испытывал к Малькольму что-то вроде насмешливого презрения и в то же время не мог удержаться от странной жалости к наивному горцу и его иллюзиям. Но Дункан знал и исповедовал только один закон — право сильнейшего, и он быстро прервал разглагольствования Мак-Намары.

— Мистер Мак-Намара, вам скоро идти. Вы хорошо помните инструкции?

— Не дергайтесь зря, старина, у меня самая замечательная память во всем Томнитуле!

— Тем лучше... И, самое главное, ни под каким видом не уклоняйтесь от намеченного маршрута, иначе... Короче, когда дело касается наркотиков, мы становимся крайне недоверчивы и склонны ко всякого рода ложным интерпретациям. Будет очень

печально, если мои люди, которым поручено наблюдать за вами, вообразят, будто вы собираетесь прикарманить товар...

— А что бы я с ним делал?

Дункан вздохнул. Слышать от человека, что он не знает, куда девать целое состояние, которое тащит под мышкой, было почти нестерпимо.

В комнату неслышно скользнул Питер Дэвит.

— Вы, как обычно, слушали под дверью? — недобро усмехнулся Джек.

— Как же иначе я мог бы быть всегда в курсе дел?

Мужчины в упор взглянули друг на друга, и легкий смехотворно противоречивый горящим ненавистью взглядам. Дункан думал, что настало время расстаться с Дэвитом (на языке хозяина «Гавайской пальмы» это слово имело ужасающе конкретный смысл), а Питер, в свою очередь, представлял себе, какая рожа будет у его патрона, когда тот узнает, что герои увели у него прямо из-под носа. Не говоря уж о том, что Дункану придется объясняться с «большим боссом» Сохо и объяснение это очень даже может закончиться погружением на дно Темзы, а такая перспектива более чем радовала Дэвита.

— Вы, конечно, не будете спускать глаз с нашего друга, Питер?

— Разумеется.

— Но вы сумеете устроить так, чтобы ваша... дружеская забота не напоминала слежку?

— Я не новичок, Джек.

— Тогда, джентльмены, мне остается лишь пожелать вам удачи!

— Ну, сегодня мы ничем не рискуем. Это же просто проба!

— Она будет иметь смысл только в том случае, если вы, Питер, будете расценивать ее как настоящую операцию.

Когда Мак-Намара поднялся, Дункан заметил рядом с его креслом необъятных размеров чемодан. Малькольм взял его за ручку.

— Это еще что такое?

— Моя волынка.

— Но вы, надеюсь, не намерены тащить этот инструмент в Дроу-док?

— Это мой талисман. Без него я теряю половину способностей.

Как и было условлено, Мак-Намара вышел из «Гавайской пальмы» и с видом туриста, болтающегося по Лондону без определенной цели, пошел размеренным шагом. Он пересек Ромили-стрит и Комpton-стрит, не обращая внимания на уличное движение. Это, естественно, вызвало яростную брань таксистов, а Малькольм, не желая оставаться в долгу, отвечал в том же духе. Все это происходило на глазах удивленного и перепуганного Дэвита, который следовал за шотландцем на расстоянии сотни шагов. «Решительно, у этого олуха довольно странные представления о способах не привлекать к себе внимания», — думал он. На углу Шафтсберри-авеню крыло какой-то машины зацепило юбочку шотландца, и тот счел своим долгом проучить наглеца-шофера. Вынужденный вмешаться полицейский объявил, что Малькольм не прав, но Мак-Намара ответил, что у них в Томинтуле никто не гоняет с такой сумасшедшей скоростью. Полисмен оказался человеком миролюбивого склада.

— Где находится это место, о котором вы говорите, сэр?

— В Шотландии, в графстве Банф.

— Так, понимаю. И, значит, в Граминтуле...

— В Томинтуле!

— Простите, сэр. Так в Томинтуле вас не иаучили, что желательно пересекать улицу по пешеходным дорожкам?

— Нет.

— Вы меня удивляете, сэр.

— Дело в том, старина, что в Томинтуле вообще нет проезжей части, а стало быть, ни машин, ни пешеходных дорожек. И все-таки Томинтул — очень неплохое место. Вам стоит туда съездить.

— При случае не упущу возможности, сэр.

Глядя вслед удаляющемуся шотландцу, полисмен приподнял каску и почесал голову, что служило у него признаком величайшей растерянности.

Добравшись до Черринг-Кросс, Малькольм спустился в метро, не преминув заметить контролеру, что цена кажется ему просто скандальной, сел на «Метрополитен энд дистрикт лайнз», сделал пересадку в Уайтчепеле и наконец добрался до Блумсбери, где его ожидало такси. Машина доставила его на перекресток Суандерс-Несс и Гленгарнок-авеню и остановилась как раз напротив Дроу-дока. Дальше шотландец пошел пешком. Он сразу же заметил «Звезду Индии» и матроса, со скучающим видом облокотившегося на борт. Малькольм уви-

дел, как матрос, едва взглянув на него, быстро спустился по мостику, и стал ждать. Моряк подошел к Мак-Намаре.

— Простите, сэр, но вы, конечно, шотландец?

— Точно!

— Тогда, может быть, вы знаете мою кузину Элспет из Стрлинга?

— Нет, но очень об этом жалею, потому что слышал, какая она красотка.

— О'кей, пошли опрокинем по маленькой.

И они бок о бок направились в «Разочарованный пират», где, заказав две порции виски, матрос вышел в туалет. Оттуда он вернулся с объемистым пакетом и вручил его Малькольму.

— Мое дело сделано. Теперь очередь за вами, приятель.

Они выпили и стали прощаться. Уходя, матрос сказал:

— Завтра в это же время.

Чтобы вернуться в Сохо, Малькольм снова сел в ожидавшее его такси, потом в метро и вышел на Черринг-Кросс. По-прежнему следовавший за ним Дэвит уже решил, что дела идут наилучшим образом, и стал прикидывать, как бы ему завтра уничтожить жителя Томинтула и отобрать драгоценный пакет. Но тут его размышления были нарушены самым неожиданным образом: на углу Шафтсберри-авеню Малькольм выгасил волынку и заиграл «Берега Аргайла». Это тут же вызвало в толпе взрыв самых разнообразных чувств. Одни, застыв, смотрели вслед шотландцу, другие двинулись за ним по пятам. Совершенно сбитый с толку Питер спрашивал себя, уж не рехнулся ли, часом, Мак-Намара. Наконец произошло то, чего и следовало ожидать. Перед Малькольмом, скрестив руки, вырос полисмен, тот самый, с которым он уже имел дело в начале прогулки.

— Пожалуйста, прекратите!

— Вы не любите «Берега Аргайла», старина?

— Поверите ли вы мне, сэр, если я скажу, что ровно ничего не имею против Шотландии и шотландцев?

— Поздравляю, у вас хороший вкус, старина!

— ...И что я был бы счастлив поехать в Прагинтул?

— Томинтул.

— Простите, сэр, в Томинтул.

— Вас встретят как почетного гостя, старина!

— Так вот, это доставит мне огромное удовольствие там, но не на улицах Лондона, где я должен регулировать движение!

— Да?

— И я буду бесконечно признателен, сэр, если вы скажете, долго ли еще собираетесь издеваться надо мной!

— Я?! Да вы мне очень нравитесь, старина!

— И вы тоже, сэр, очень мне нравитесь, поэтому прошу вас пойти со мной в участок, там мы сможем познакомиться поближе. Но, по правде говоря, не поручусь, что сержант Бредли любит игру на волынке...

— Услышав, как я играю, он ее полюбит, старина!

86
Попросив коллегу заменить его, полисмен направился в ближайший полицейский пост вместе с шотландцем, который возглавлял процессию, продолжая играть «Эль-Аламейн». Что касается Дэвита, то он тщетно пытался понять, уж не попал ли он случайно в какой-то совершенно безумный мир. Считая излишним следовать за любопытствующими в полицию, где его могли бы узнать, Питер поспешил в «Гавайскую пальму».

Без всякого нетерпения ожидая возвращения Мак-Намары, Дункан пытался растолковать Патриции Поттер свою точку зрения.

— Вы просто разочаровываете меня, Патриция! Неужели вы действительно вообразили, что я могу отпустить вас с этим идиотом? Я слишком дорожу вами, милая! — И к тому же я чересчур много знаю о ваших делишках...

Джек бесстрастно кивнул.

— Вы и впрямь знаете слишком много, чтобы я позволил вам состариться в компании кого-то другого.

— То есть пока я вам не надоем...

— Вы совершенно правы. Видите, как прекрасно мы понимаем друг друга. Разве это не лучшее доказательство того, что мы созданы для этого союза?

— Вы негодяй!

— Забавно, что вы так и не избавились от старомодных выражений!

— Значит, моя жизнь, мое счастье — все это не имеет значения? И я должна от всего отказаться в двадцать три года?!

— Только не пытайтесь заставить меня поверить, будто внезапно открыли в себе призвание пасти овец!

— Нет, это нормальное желание вести честную жизнь с хорошим парнем.

— Противно слушать, до какой степени вы лишены честолюбия! Неужели вы могли всерьез увлечься этим громилой в юбке?

— И что с того?

— А то, что вы даете мне лишний повод поскорее от него избавиться.

Патриция в ужасе вскочила.

— Но вы же не...

— Сидите спокойно, дорогая!

Она бессильно упала в кресло.

— Скажите, Джек, вы ведь не убьете его?

— Убью.

— Но почему? За что?

— Потому что он тоже слишком много знает о том, что вы называете моими «делишками». Я даже расскажу вам, как я это сделаю. Судите же, как я вам доверяю! Завтра Дэвит устроит так, чтобы он вошел в эту комнату первым, и...

Дункан выгасил из ящика стола пистолет с глушителем.

— Эта игрушка рассчитана только на один выстрел, но я хороший стрелок, и одной пули хватит. Самым сложным будет убрать этот огромный труп.

— Вы чудовище!

— Я просто практичен, дорогая. Кроме того, уверен, что вы забудете о своем негодовании, как только я преподнесу вам норковое манто... Поразительно, до чего быстро мех этого зверька успокаивает самую

мстительную память! Разумеется, если вам взбредет в голову попытаться воспрепятствовать моим планам, придется принять против вас крайние меры, хоть и жаль...

Патриция хотела было возразить, но Дункан жестом заставил ее молчать. И тут на лестнице послышались шаги. Вскоре вошел совершенно запыхавшийся Дэвит. Дункан и Патриция удивленно наблюдали, как он переводит дыхание, не в силах сказать ни слова.

— Где шотландец? — спросил Дункан.

— В полиции!

— Черт возьми, все-таки замели?

— Нет.

— Так почему же его взяли?

— За то, что играл на волынке посреди Шафтсберри-авеню!

— Вы что, смеетесь надо мной?

Питер обрисовал невероятную сцену, разыгравшуюся у него на глазах. Когда он закончил рассказ, Дункан, не обращаясь прямо ни к кому из присутствующих, задумчиво проговорил:

— Что бы это могло значить?

— Да это просто какой-то чокнутый? Так я и знал, что этот придурок навлечет на нас неприятности!

— Помолчите, Питер, и подумайте хорошенько, прежде чем говорить. Если бы он нес героин, можно было бы подумать, что он нарочно привлек к себе внимание полиции. Ведь за это полагается огромная премия!

— Вот именно.

— Но в пакете же не было героина, и шотландец это знал!

— Так зачем же?..

— Другое предположение: он нарочно попадает в полицию, чтобы на нас донести... но опять-таки не вижу, что он на этом выгадает сегодня, тогда как завтра...

— Так что же мы будем делать, патрион?

— Подождем.

— Но вдруг...

— Это мы узнаем, когда появится полиция.

— Нечего сказать — в самое время!

— Нет, Дэвит, время на этом остановится, и мы закончим наши земные приключения здесь — и вы, и я, потому что, представьте себе, у меня нет ни малейшего желания снова вкусить тюремных наслаждений.

— У вас — нет, но у меня...

Дункан вытащил пистолет и спокойно навел дуло на своего приспешника.

— Моя судьба будет вашей, Питер, независимо от того, нравятся вам это или нет.

И, повернувшись с улыбкой к Патриции, Дункан добавил:

— Не рассчитывайте, что я оставлю вас одну, дорогая. Пожалуй, вы и в мире ином мне пригодитесь.

Телефонный звонок взорвал царившее в кабинете напряжение. Джек взял трубку левой рукой.

— Да? Прекрасно! Он один? Тогда пусть поднимется.

Повесив трубку, Дункан объявил:

— Мистер Мак-Намара, краса и гордость Томинтула, прибыл... в одиночестве...

Все замолчали, но чувства были настолько напряжены, что в наступившей тишине каждый ощущал приближение шотландца задолго до того, как на лестнице послышались его шаги. Наконец тяжелая поступь Малькольма, чуть приглушенная толстым ковром, стала слышна отчетливо. Дункан, Дэвит и Патриция застыли, устремив глаза на дверь. Дверь распахнулась, и на пороге показался Малькольм Мак-Намара.

— Что случилось? — спросил он, увидев бледные, напряженные лица. При этом у него был такой ошеломленный вид, что все трое облегченно вздохнули.

— Вы один? — поинтересовался Дункан.

— Один? Что за вопрос! А кого бы вы хотели, чтобы я с собой прихватил? Вот, держите ваш бесценный пакет! Могли бы предупредить, что там конфеты. По вашей милости, я выглядел в полиции круглым идиотом! Фараоны катались со смеху, они, видите ли, не думали, что шотландцы питаются леденцами, как лондонские ребяташки! Я даже чуть не рассердился, потому что, понимаете ли, должен же быть какой-то предел!

Из всех присутствующих, кажется, только Дэвит не поверил в искренность шотландца.

— Какого черта вам понадобилось дуть в эту чертову трубку посреди проспекта? Вы не нашли бы ничего лучшего, даже если бы очень хотели попасть в полицию!

— Но я и в самом деле хотел туда попасть, старина!

Питер выругался и хотел было излить все накопившееся негодование на голову Малькольма, но Дункан велел ему замолчать.

Шотландец опустился в кресло и в первую очередь обратился к Патриции:

— Еще двадцать четыре часа, детка, и мы мчимся в Томинтул!

К великому удивлению Мак-Намары, Патриция разрыдалась. Он встал, подошел к ней, ласково положил руку на плечо и спросил:

— Вы чем-то расстроены, детка?

Эта сцена страшно действовала Дункану на нервы, и он с нетерпением ждал, когда же пролетят эти сутки и можно будет наконец отвести душу, раз и навсегда уничтожив эту сентиментальную гориллу. Да и Патриция свое получит! Тем временем Питер, от которого ничто не ускользало, чувствовал себя на вершине блаженства. Спокойный голос Малькольма, как покровом, окутывал Патрицию, и она вдруг почувствовала себя в безопасности. Девушка уже готова была все ему рассказать, но встретилась глазами с Дунканом и прочла в его взгляде готовность немедленно убить обоих, поэтому она лишь устало пробормотала:

— Нет, уверяю вас... ничего не случилось... это нервное...

— Когда вы будете в Томинтуле...

Тут Дункан потерял обычное хладнокровие и грохнул кулаком по столу.

— Черт бы побрал все на свете, — заорал он. — Сейчас не время нашептывать нежности мисс Поттер, Мак-Намара. Я задал вам вопрос и прошу на него ответить, да побыстрее!

Шотландец медленно подошел к столу Дункана и, внимательно посмотрев Джеку в глаза, спросил:

— Вы что, старина, тоже страдаете нервами, а?

Дункан побледнел, а это означало ту предельную степень бешенства, когда он переставал отвечать за свои поступки, и Патриция испугалась, что, окончательно потеряв самообладание, бандит выстрелит в ничего не подозревающего Малькольма. К счастью, в ту долю секунды, которая отделяла вопрос шотландца от движения, необходимого Дункану, чтобы выхватить пистолет, Мак-Намара благодушно заговорил:

— Сказать по правде, старина, я малость волновался... Мне кажется, эти лондонские фароны чересчур мной интересуются... Ну, я и сказал себе, что завтра, когда понесу настоящий пакег, могу попасть впросак... вот и решил перенести это дело на сегодня.

— Зачем?

— Я подумал, что самое опасное место — на подступах к Сохо, и не ошибся, верно?

— Согласен.

— Идея была такая: мой вид и так привлекает внимание фараонов, а уж если я на улице заиграю на вольтке — меня точно загребут. Там меня примут за последнего олуха, а я буду вести себя так, чтобы они открыли пакет. Все так и вышло. Как же они потешались надо мной, старина! Зато теперь никому в голову не придет меня заподозрить, наоборот — меня жалуют и очень дружелюбно настроены. Значит, завтра, когда я буду проходить мимо, подумают: «глядите-ка, опять этот дурень шотландец!», и если я не стану играть на вольтке, то спокойненько пронесу у них под носом сверток. Я даже не удивлюсь, если мне скажут что-нибудь приятное!

— Я думаю, Питер, — обратился Дункан к Дэвиту, — вам стоит поучиться у нашего друга стратегии и тактике.

И, снова повернувшись к шотландцу, хозяин «Гавайской пальмы» заметил:

— А знаете, Мак-Намара, вы удивительно предприимчивы!

Малькольм самодовольно усмехнулся.

— В Томинтуле, если что не так, за советом всегда приходят ко мне. То есть, ясное дело, те, у кого хватает на это мозгов!

Вернувшись в «Нью Фэшнэбл», где, несмотря на смерть Блума, все шло своим чередом, Мак-Намара увидел Эдмунда. Тот, видимо, был так сильно чем-то расстроен, что пытался утопить огорчение, беззастенчиво поглощая виски покойного хозяина гостиницы. Шотландец легко вызвал его на задушевный разговор, тем более что старик — то ли под действием винных паров, то ли от сильных переживаний — и сам был склонен к излияниям.

— Жизнь — пресволочная штука, даже черт знает какая сволочная штука, сэр, если хотите знать мое мнение. Вот только сейчас приходил паренек... совсем еще зеленый...

и, похоже, когда-то был вполне порядочным... Господи, как противно! С ним была жуткая истерика, хуже — припадок.

— Что это на него нашло?

— Не знал, что Сэм помер.

— Родственник?

— Нет, клиент.

Шотландец недоверчиво взглянул на собеседника.

— Ну, это вы загнули, старина! Неужели вы будете уверять меня, что постояльцы так любили Блума...

— Да нет же! Для Сэма гостиница была только вывеской, а на самом деле он торговал наркотиками. Понимаете? И этот сегодняшний паренек — наркаш.

— Как же он не знал о смерти Блума? Все газеты только об этом и пишут...

Эдмунд хихикнул.

— Наркоману чихать на газеты, сэр. Наркоман живет только ради наркотиков, а все остальное, сэр, его не колышет! Как он меня умолял, этот парень, как плакал! Думал, это я прибрал запасы Сэма... но я лучше подожду, чем дотронусь до этой гадости. — Помолчав, Эдмунд добавил: — Три года назад меня мучил артрит, я попробовал — и стало легче, а потом очень быстро привык. И вот однажды я увидел, как одного типа «кумарило»... страшное зрелище, сэр... Я не хотел, чтобы со мной случилось то же самое... вот и пошел к доктору Эдэмфису.

— Это еще кто такой?

— Святой человек, сэр. Он почти никогда не берет денег за консультации, по крайней мере, у тех, кому нечем платить. Он уже много лет лечит наркоманов... потому что наркотики убили его дочь. Много таких, кто хотел бы, чтобы он умер как можно скорее, но полиция его защищает, и торговцы знают, что посягательство на доктора Эдэмфиса обошлось бы им очень дорого... Только поэтому ему и удается продолжать работать на Бродвик-стрит. Очень хороший человек, сэр. Потому что те, кто торгует наркотиками, по мне, самые подлые мерзавцы на свете.

На следующий день Мак-Намара в назначенный час явился в кабинет Дункана. Хозяин «Гавайской пальмы», видимо, пребывая в самом веселом расположении духа. Патриция же, наоборот, не могла скрыть глубокой грусти.

— Ну, Мак-Намара, вы готовы?

— Я всегда в отличной форме, старина!

— Тем лучше! Все пойдет по вчерашнему сценарию... Я было хотел предложить вам другой маршрут, но уж очень мне понравился номер с вольткой на Шафтсберри-авеню. По-моему, вы это весьма ловко придумали. А следовательно, нет никаких причин менять маршрут. Конечно, в случае чего Дэвит вас прикроет... Желаю удачи! Возвращайтесь с пакетом — и можете собирать чемоданы в Томинтул.

— С Патрицией?

— Разумеется, с Патрицией!

Она больше не могла терпеть эту наглуго ложь. Надо было во что бы то ни стало крикнуть, предупредить Мак-Намару, что Дункан не только никогда не собирался отпускать ее, но и его самого убьет, как только получит свой проклятый пакет.

— Малькольм, не ходите! Они хотят...

Дункан бросился к девушке и, схватив за руку, резко встряхнул.

— Берегитесь!

Патриция поняла, что уже не сможет превозмочь панический ужас, который ей внушал Джек, но надеялась, что Малькольм, получив предупреждение, будет осторожен. Но он, по всей видимости, счел это обыкновенной женской истерикой и только сказал Дункану:

— Не надо обращаться с ней так грубо, старина, мне это не нравится...

— Пат всегда слишком нервничает перед серьезными операциями.

Мак-Намара доверчиво улыбнулся Патриции и, глядя на ее залитое слезами лицо, проговорил:

— Не стоит так терзаться... мне ничто не грозит, и мы еще увидимся, детка...

Все произошло так, как и предполагалось. Малькольм уже подходил к доку, когда услышал:

— Эй, кузен!

Обернувшись, он увидел на пороге кафе вчерашнего матроса. Тот подал ему знак, и шотландец подошел. Матрос по-приятельски похлопал его по плечу.

— Я выбрался на берег раньше обычного. Выпьем?

— Если вы угощаете!

Матрос захохотал.

— Ну и чертов же вы шотландец! Даже больше, чем я! Пошли!

Они отправились в бар и, облокотившись на стойку, стали беседовать о родных краях, потом матрос, как и накануне, на минутку отлучился, вернулся со свертком и положил его на стойку рядом с Мак-Намарой. Оба шотландца выпили и распрощались. Малькольм взял под мышку сверток. Дэвит, спокойно стоя на улице, поджидал его появления. Когда тот вышел, Питер зашагал следом, стараясь, однако, держаться на почтительном расстоянии, чтобы не привлекать внимание.

На углу Шафтсберри-авеню движение регулировал тот же полисмен. При виде Мак-Намары он широко улыбнулся. Шотландец подошел к нему.

— Сегодня я без волынки!—сказал он.

— Вы очень здраво рассудили, сэр!

Указывая пальцем на сверток под мышкой Малькольма, полисмен лукаво спросил:

— Опять леденцы, сэр?

— Люблю сладкое.

— Похоже, это идет вам на пользу, сэр.

Во время этого диалога Дэвит обливался холодным потом. Надо ж набраться наглости сунуть под нос «Бобби» десять кило героина! Питер снова смог дышать спокойно лишь после того, как, распрощавшись с полисменом, шотландец свернул на Дин-стрит. Дэвит ускорил шаг и догнал Малькольма на повороте Олд Комптон-стрит.

— Программа меняется, Мак-Намара.

— Вот как?

— Дункан ничего не сказал вам об этом

из своей всегдашней недоверчивости... Мы встретимся в Хаунслоу, у перекупщика. Джек нас уже ждет.

— А как мы туда попадем?

— Не беспокойтесь, все предусмотрено.

В этот момент рядом с ними у обочины затормозила машина.

— Вот это точность, а, Питер?—сказал шофер, подмигивая Дэвиту.

— О'кей, Джим.

Дэвит пригласил шотландца в машину и уселся сам.

— Вперед, Джим, да побыстрее, но не нарушай все-таки правил—сейчас не время привлекать внимание легавых.

Машина покатила на запад, и Дэвит больше не раскрывал рта. После Чисвика поехали вдоль Темзы к Кью-гарденс, потом, свернув с Лондонской дороги, въехали в Сайон-Парк. Питер неожиданно приставил револьвер к боку Мак-Намары.

— Что это с вами?—удивился тот.

— Со мной? Ничего! А вот с вами точно случится, если сейчас же не отдадите мне пакет! Притормози, Джим...

Шотландец все не мог прийти в себя от изумления.

— Но... но Дункан мне сказал...

— Плевать на Дункана! А ну, живо! Или я стреляю!

— Патриция...

— Не дергайтесь из-за нее, все равно Дункан ни за что не отпустил бы девчонку! Так отдадите пакет или мне самому забрать его у покойника?

— Неужто вы и вправду на такое пойдете?

— Еще бы! Честно говоря, вы мне противны, Мак-Намара!

— Да? Вот забавно-то как, потому что и вы тоже ни чуточки мне не нравитесь... Вы напомнили мне Брайана Мак-Коннота... тот тоже как-то попытался взять у меня то, что ему не принадлежало...

— И что же?

— Ну...—И тут, вытаращив глаза, шотландец завопил, что есть мочи:—Осторожно, грузовик!

Думая, что хорошо изучил характер противника, Дэвит попался на эту удочку и на долю секунды ослабил бдительность. Этого оказалось достаточно, чтобы великолепный апперкот надолго избавил его от тревог и волнений—от боли Дэвит потерял сознание. Шофер, все еще под впечатлением ложной тревоги, не успел прийти в себя, как почувствовал, что ему в затылок упирается дуло пистолета. От ужаса он начал заикаться:

— Ч-ч-что... п-п-происходит?

— Просто-напросто на вашем месте, старина, я бы вернулся в «Гавайскую пальму»... если по дороге нас остановит полиция и найдет в машине эту кучу героина, то меня засадят так надолго, что я предпочту умереть. Но сначала пристрелю вас. Понятно?

— Конечно-конечно... а могу я спросить... у вас нервы в порядке?

— В полном, а что?

— Слава богу! Курок спускается так легко...

Окончание на с. 77.

«КОМПРОМИССНЫЙ» ВАРИАНТ

Весть о том, что на патрульном рядового Комила Арабова напали неизвестные в штатском, сломали ему челюсть, быстро облетела воинскую часть.

Инцидент этот произошел в подразделении, которым командует старший лейтенант С. Петлеван. Здесь и раньше случались конфликты с местным населением, но чтобы такое... Командир части принял решение о возбуждении уголовного дела. Правоохранительные органы, в том числе и милиция — разбираться с подобными происшествиями в их компетенции — сработали оперативно и четко: солдата, как оказалось, избили не мифические гражданские лица, а... два офицера и прапорщик.

Что же произошло в тот злополучный осенний день?

ИЗ МАТЕРИАЛОВ РАССЛЕДОВАНИЯ:

«...26 ноября 1989 года замполит подразделения старший лейтенант В. Федоренко вызвал в канцелярию рядового К. Арабова для выдачи ему денежного довольствия. При расчете у Арабова не оказалось сдачи, и он отправился к сослуживцам, чтобы занять деньги. Вскоре его вызвал к себе старший лейтенант Федоренко и стал спрашивать, сколько он собрал денег с солдат, заставил по этому факту писать объяснительную.

Тут в канцелярию зашли старший лейтенант Э. Семенов и старшина подразделения прапорщик В. Ивахненко. Федоренко сказал им, что рядовой Арабов занимался вымогательством денег у сослуживцев. Возмущенный прапорщик подошел к солдату и ударил его, потом нанес удары и старший лейтенант Э. Семенов.

«Я сейчас опрошу тех, кого он обирал», — сказал замполит и вышел. Старший лейтенант Семенов пригрозил Арабову: если будут доказательства, то не обижайся!..

Минут через 15 старший лейтенант Федоренко вернулся с объяснительными и ударил рядового Арабова. Потом ударили по нескольку раз Семенов и Ивахненко. Когда нанес удар в лицо старший лейтенант Семенов, у Арабова сломался зуб и пошла кровь изо рта. После чего солдат вышел из канцелярии и пошел умываться.

Утром следующего дня рядового Арабова с санитарктором младшим сержантом Н. Озеровым старший лейтенант Федоренко отправил в больницу...»

В местной больнице пострадавшему сделали рентгеновский снимок, установили точный диагноз — перелом челюсти. Но лечить не рискнули — травма сложная, нужен высококвалифицированный специалист, который имеется лишь в городе.

«Вечером, после программы «Время», — рассказывал рядовой Арабов, — собрали всех свободных от службы — меня тоже подняли с постели — и зачитали ориентировки об осуждении судом военного трибунала военнослужащих, совершивших воинские преступления. Мне сказали: «Скоро и твоя фамилия здесь будет». Возражать у меня не было сил: кружилась голова, ныла поломанная челюсть. Хотелось одного, скорее бы кончилась эта пытка...»

Лишь на третьи сутки больного направили в городскую поликлинику. Вез его туда старший лейтенант Федоренко. По дороге солдат мучился от боли, а замполит от мысли: что будет, когда о происшествии узнают в управлении части?

«Слушай, Арабов, если тебя спросят, как все случилось, скажи, мол, упал в ледник, когда за продуктами ходил. А мы тогда тебе все твои грехи простим...» — после недолгого колебания предложил офицер подчиненному «компромиссный» вариант.

Операция выдалась не из легких. Прежде чем поставить скобы на сломанную челюсть, больному удалили зуб — после третьего обезболивающего укола...

Первым, кто встретил выходящего из кабинета хирурга Арабова, был замполит: «Я тут прикинул... В общем, лучше скажи, что тебя гражданские избили...»

Детали уточнили дорогой.

«Легенда» старшего лейтенанта Федоренко прожила, однако, недолго: установить истину следователю особого труда не составило. Сразу вызвали подозрение написанные словно под диктовку объяснительные. Не остались без внимания и противоречия в свидетельских показаниях. Противоречия существенные. Странно, что их не заметили ни приезжавший разбираться по этому делу подполковник В. Дудко, ни майор В. Колесник, в чьих руках побывали объяснительные и другие документы прежде, чем попасть к работникам правоохранительных органов. Да и не только у них, но и у проверяющих из управления соединения не возникло и тени сомнения в правдоподобности истории с «гражданскими хулиганами».

А ведь основания для сомнений имелись, и довольно серьезные. Командованию были известны случаи мордобоя в подразделениях, по ним принимались соответствующие меры. Более того, сам командир подразделения старший лейтенант Петлеван уличался в рукоприкладстве. Так, решением собрания первичной партийной организации от 23 июня 1989 года за физическое оскорбление подчиненных ему объявлен строгий выговор...

В тот день, когда старший лейтенант Федоренко, старший лейтенант Семенов и прапорщик Ивахненко учинили расправу над рядовым Арабовым, командира в подразделении не было. Но вину его в случившемся трудно оспаривать. Ведь именно с приходом старшего лейтенанта Петлевана, как теперь выяснилось, в воинском коллективе стала широко применяться «кулакотерапия».

«...Я неоднократно был свидетелем неуставных взаимоотношений между старшим лейтенантом Петлеваном и солдатами. Так, в ноябре прошлого года он избил рядового Арабова за то, что тот, провинившись, отказался в ночное время сесть в ледник — холодную постройку, приспособленную для хранения продуктов.

В том же месяце в караульном дворике перед строем был избит наш комсомольский секретарь рядовой Пухов.

В декабре рядовой Масловский за аварию в кочегарке также подвергся избиению начальником».

ИЗ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ РЯДОВОГО М. КАИРЖАНОВА.

«...Он ведь как делал: если кто «проштрафится», поднимет ночью и гоняет до утра. По полной боевой, с патронными ящиками да радиостанциями. Без завтрака...»

ИЗ БЕСЕДЫ С ЕФРЕЙТОРОМ М. МАХКАМОВЫМ.

«...Надо было материалы для ремонта в караульное помещение отвезти — линолеум, краску, гвозди — всего килограммов сто набиралось. И тут приказ: нести все на себе. В наказание «за плохое поведение...»

ИЗ БЕСЕДЫ С РЯДОВЫМ В. ГРИБОВЫМ.

«...Пропал у кого-то полушубок. Командир приказывает: заступать в караул в шинелях. И это в такой мороз!»

ИЗ БЕСЕДЫ С МЛАДШИМ СЕРЖАНТОМ А. ЦИКОМ.

Анализ этих и других свидетельств порочных методов воспитания подчиненных Петлеваном говорит сам за себя: желая того или нет, офицер порождал одну конфликтную ситуацию за другой, каждый раз нанося непоправимый урон своему командирскому авторитету.

Мог, обязан был удержать командира от беззакония старший лейтенант Федоренко. Не хватило политработнику ни смелости, ни твердости духа для бескомпромиссного разговора со скатывающимся к беспределу офицером. Напротив, принял условия бесчестной и опасной игры. Позиция молчаливого согласия, которую занял замполит,

определила отношение к происходящему и партийной организации подразделения. Ведь в ней, пусть и небольшой — всего три человека, значился он партийным секретарем.

Был у старшего лейтенанта Федоренко шанс для возрождения как коммуниста, как офицера — случай с рядовым Арабовым, — но он им не воспользовался. После скандала с несостоявшейся «легендой» старший лейтенант Федоренко свою вину признал и был готов отвечать за беспринципность. Однако ни к партийной ответственности, равно как и к ответственности дисциплинарной, его так и не привлекли и отправили... на учебу.

Недоумение по поводу такого исхода событий, где старший лейтенант Федоренко играл не последнюю роль, возникло не только у сослуживцев, но и у военного прокурора гарнизона майора С. Мансурова, который, сославшись на известное постановление ЦК КПСС 1985 года, высказался однозначно: сокрытие преступлений несовместимо с пребыванием в рядах КПСС.

И на само «чепе» у военного прокурора своя точка зрения: «Почему молчал рядовой Арабов? Пожалел «отцов-командиров»? Не хотел прослыть «стукачом» среди сослуживцев? Да нет же — прежде всего боялся ответственности за свои неблагоприятные поступки, которым до этого не давалась принципиальная оценка».

Каков же финал истории с «компромиссным» вариантом, в которую оказалась посвященной редакция после письма группы военнослужащих подразделения в журнал? Командир получил строгий выговор по партийной линии, кроме того, суд офицерской чести направил ходатайство командованию части о снижении его в должности. Прапорщик Ивахненко уволен из войск. Против старшего лейтенанта Семенова возбуждено уголовное дело. Федоренко, как уже известно, убил пополнять свои знания...

Не все выводы, на наш взгляд, закономерны. В частности, не совсем понятна реакция старших начальников на поступки того же Федоренко. Не привлечены к ответственности офицеры управления части и соединения, проявившие беспринципность при проведении служебного и партийного расследований в подразделении. Заостряя на принятых мерах свое внимание еще и вот почему. Перед самым отъездом из командировки ко мне подошли двое солдат и попросили помочь перевестись в другое место, дескать, не дают им нормально служить, издеваются солдаты — что поздоровее и понахальнее...

Так что нет никаких оснований говорить об оздоровлении обстановки в коллективе. Она, эта обстановка, складывающаяся в условиях «компромиссов» типа того, о котором шла речь выше, по-прежнему вызывает тревогу. И изменить положение могут лишь кардинальные решения, а не полумеры, какими ограничились в части, разбираясь с правонарушением.

Майор А. ПЕТРОВ.

УВВ по Дальнему Востоку
и Восточной Сибири.

Под пулями не лгут

НИЧТО ЕМУ ТАК СИЛЬНО НЕ НАПОМИНАЕТ О ВОЙНЕ, КАК ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ, ПРЕРЫВИСТЫЙ СВИСТ ИВОЛГИ. ВНЕЗАПНО ЗАСТИГНУТЫЙ ИМ, ОН ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ПОЙМАННЫМ В ПЕРЕКРЕСТИЕ ОПТИЧЕСКОГО ПРИЦЕЛА. В КАЖДОЙ КЛЕТКЕ ТЕЛА ВДРУГ ПРОСЫПАЕТСЯ ЭНЕРГИЯ БОЙЦА, ГОТОВОГО ПРИНЯТЬ И ВЫДЕРЖАТЬ НЕРАВНЫЙ БОЙ. И НУЖНО УСИЛИЕ ВОЛИ, ЧТОБЫ УНЯТЬ ПРОТИВНУЮ ДРОЖЬ НАХЛЫНУВШЕГО НЕРВНОГО ПЕРЕНАПРЯЖЕНИЯ, ЧТОБЫ, ВНОВЬ ПРИДЯ В СЕБЯ, УБЕДИТЬСЯ: ТЫ НА ПРОГУЛКЕ В ЛЕСУ, А НЕ ТАМ, В ДАЛЕКОМ АФГАНИСТАНЕ. ОДНАКО ОКОНЧАТЕЛЬНО УСПОКОИТЬСЯ В ЭТОТ ДЕНЬ ЕМУ, КАК ПРАВИЛО, НЕ УДАЕТСЯ — РАСТРЕВОЖЕННАЯ ПАМЯТЬ СЕРДЦА УПОРНО ВОЗВРАЩАЕТ МЫСЛИ К ПЕРЕЖИТОМУ.

ПЕРЕЖИТОЕ... Для него, прапорщика Бориса Блажко, оно не умещается только в эпизоды смертельных схваток — их за полтора года пребывания на войне было чересчур много, чтобы помнить подробности и детали каждой. В конце концов, для фронтовиков бои, обстрелы, засады рано или поздно становятся изнурительными, смертельно опасными, но обычными буднями.

Из пережитого для прапорщика Бориса Блажко куда более значимо то, что на войне помогало и ему, и всем, кто был

рядом, оставаться людьми, расти нравственно. Это — обостренное неприятие подлости, несправедливости. Именно оно цементировало ряды воинов мотоманевренного подразделения, где радиотелеграфистом служил рядовой Б. Блажко.

А при чем здесь пение иволги?

...Это случилось на четвертый день после расставания с Родиной. В составе батареи он был тогда выброшен на дно какого-то глубокого ущелья. Требовалось надежно блокировать пролегающую там караванную тропу.

Выгрузка из вертолета прошла спокойно — скалы не отзывались выстрелами в упор и вообще казались безжизненными. Борису досталось в паре с земляком с Украины ефрейтором Сергеем Козловым переносить ящики с минами. Работа нетрудная. В тягость же было другое — давящее непосильным грузом безмолвие гор. И вдруг, как из сказки, свист иволги. Раз, другой, третий. Блажко от приятного изумления даже шаг замедлил: откуда она здесь, в каменной пустыне? Но до конца излить мальчишеский восторг ему не позволил товарищ — пригнувшись к земле низко-низко, не стесняясь в выражениях, силком потащил его за собой. Уже в укрытии, немного переведа дух, объяснил разобидевшемуся было новичку: «Да не иволга это! Снайпер. По нам, гад, пристреливался...»

С тех пор свист пуль Борис ни с чем не путал. Свист пуль — сигнал к бою. Бой — реализуемая тобой готовность прийти на помощь товарищу, а товарища — к тебе, в итоге — в едином порыве (один ведь в поле не воин) бороться за утверждение справедливости. Отчаянно. До конца.

СЕЙЧАС ему тяжелей, чем когда-то было в Афганистане. Впрочем, в таком критическом положении сегодня многие из «афганцев» — оставаясь по-прежнему бойцами, они порой вынуждены на родной земле противостоять подлости не единым монолитным строем, а поодиночке. Понятно, что «малой кровью» победу здесь не завоеешь. И вообще, возможна ли она, победа?

...Потом, уже уволившись с завода, как

записано в трудовой книжке, по собственному желанию, не единожды анализировал причины своего поражения в затянувшемся конфликте с администрацией. Получается одно и то же: ему, что называется, надо было больше других. Больше, несомненно, ее — справедливости. Ущемляются права рабочих — он, слесарь-сборщик Борис Блажко, не просто в гуле общего роптания (которое почему-то не перерастает в протест коллектива) выражает свое возмущение, а добивается восстановления поправленных прав. Становится очевидной закулисная возня вокруг распределения квартир — возмущенный, призывающий к решительному вмешательству голос Бориса вновь звучит первым...

Товарищи, умудренные житейским опытом люди, разного толка «доброжелатели» пытались предостеречь: будь, мол, гибче, смотри на мир «философски». Разумом понимал: останешься крайним, а вот сердцем — нет: налицо «контра», а ты ей, хотя и маскируясь, прислуживай? Никогда! Разве за это он, не кланяясь пулям, воевал там, в Афганистане? Разве ради этого вместе с одиннадцатью сослуживцами по минометной батарее уже через полгода пребывания на войне подал заявление о приеме в ленинскую партию?

Ему не стыдно: хотя и потерпел поражение, но ведь остался верен своим идеалам. Ему — горько. Кого, скажите, винить ему, что домой из армии вернулся не таким, как многие сверстники, кому не пришлось, говоря словами Ильи Эренбурга, железом проверять свое сердце на крепость? Себя? Но вправе ли: рапорт командиру части с просьбой отправить его в Афганистан писал летом восемьдесят четвертого в искреннем порыве и вовсе не из-за льгот (об их существовании узнал, если вправду, только в момент расставания с армией). Афганистан? Но ведь всем лучшим в себе он обязан участию в защите именно этой экзотической, но многострадальной страны. Он здесь познал цену подлинной дружбы, цену себе самому. Такого коллектива настоящих бойцов, в котором был там, ему, наверное, уже никогда в жизни не встретить.

Впрочем, Афганистан все-таки виноват — лишив способности к лицемерию, сделал беспомощным перед чужим лицемерием. Осознавать это особенно больно, когда есть возможность сравнить...

Афганистан он в группе увольняющихся покидал в кузове вездехода ГАЗ-66. Прямо из боя, в который пошли добровольно вместо не успевших пройти полный курс доподготовки новичков. На советской стороне границы встретили как героев — колонна шла через территорию двух республик — Таджикистана и Узбекистана, на всем пути в каждом населенном пункте в их адрес звучали приветственные речи, воинам вручали цветы, фрукты, лепешки.

А в Душанбе, завидев на лицах стоящих

у пешеходных переходов воинов крепкий афганский загар, водители, не считаясь с показаниями светофоров, притормаживали и давали уволенным зеленую улицу.

Удивленный таким почитанием Борис Блажко наввно тогда посчитал, что и в жизни ему и всем, кто был там, на войне, будет гореть только зеленый свет. Не в смысле льгот. В смысле легкости побед над злом. Вышло все иначе — раздраженный окрик чиновника: «Я тебя в Афганистан не посылал!» — оказался в данный момент куда сильнее.

И все же, справедливости ради, уточним: пока сильнее.

Да, Борис проиграл бой — уволился с завода. Однако это не было шагом отчаяния, росписью в своей беспомощности. Настоял отец, Владимир Степанович, как бригадир той бригады, в которой трудился полтора года Борис. У них состоялся долгий, трудный мужской разговор. Отец заявил: время для таких людей, как ты, пока еще окончательно не настало, но такие, как ты, уверен, нужны сейчас в войсках. Агитирую, мол, в пользу военной службы и потому, что вижу: ты живешь тем, что воспитала в тебе армия, — высокой целью.

Не без содействия отца Борис надел погоны сверхсрочника, а потом и прапорщика той самой части внутренних войск, где в свое время тринадцать лет старшиной подразделения прослужил сам Владимир Степанович...

ЭТО ПРАВДА — прапорщик Борис Блажко в армии нашел себя. Его непримиримость к подлости (во что бы та ни рядилась), твердость и надежность характера, забота о повышении своей компетентности по достоинству были оценены и командованием, и сослуживцами. Об этом свидетельствует хотя бы послужной список: химинструктор подразделения, командир хозяйственного взвода, старшина роты. Дважды избирался членом бюро ВЛКСМ роты, а недавно — секретарем партийной организации.

И все-таки ему сегодня тяжелей, чем было когда-то в Афганистане. И дело не столько в тяжелых жилищных условиях, хотя и они сказываются. Главная причина душевных страданий в другом — в жизнедеятельности воинского коллектива много несовершенств, а изменить зачастую что-то к лучшему ему одному не под силу. Бороться коллективно? Но не все сослуживцы достигли того пика чистоты и нравственности в своих взаимоотношениях, который был у наших воинов там, в Афганистане.

Поэтому и сейчас, в мирной жизни, свист иволги воспринимается им как сигнал к бою. К бою за справедливость. За правду против подлости. И здесь прапорщик Борис Блажко сдаваться не намерен.

Старший лейтенант
Ю. РЖЕВЦЕВ.

На ветру без паруса

В 1988 году наша часть выполнила план сдачи мяса государству лишь на одну треть. В 1989-м показатели не очень изменились к лучшему. Кто же виноват в этом? Нерадивые хозяйственники? Не будем спешить с категоричными выводами.

Что необходимо подсобному хозяйству для успешного выполнения плана? Даже не сведущий в экономике человек ответит: нужна материальная база. Земля, техника, хозяйственные помещения. Это во-первых. А во-вторых, рабочие руки. Ни того, ни другого в количестве, достаточном для выполнения плановых заданий, у нас нет.

Поньше не все части располагают полевыми участками, пастбищами и покосами. Тем не менее, они нужны. Землю приходится арендовать. Но колхозы и совхозы, с которыми мы договариваемся об аренде, не спешат уступить нам более-менее сносные угодья. Мы получаем, как правило, отдаленные участки, не удобные для обработки. А теперь давайте прикинем — если эти участки затрудняются обрабатывать сельские труженики, то каково приходится солдатам, призванным выполнять совершенно иные задачи? Ведь в части, в отличие от колхоза, нет ни специальной техники, ни моторесурсов для поездок на поле, которое отдалено от места дислокации на добрую сотню километров. Да и свободных рук тоже. Даже если и удастся привлечь солдат к сельхозработам, то проку от этого, прямо скажем, немного: свободное время жестко лимитировано боевой службой, а тех, кто занимался когда-то крестьянским трудом, на пальцах можно сосчитать.

Вот почему растениеводством мы почти не занимаемся, специализируемся на животноводстве. Но и здесь кругом одни проблемы. Фонды, выделяемые на закупку кор-

мов, смехотворно малы. Обстоятельства вынуждают идти на поклон к сторонним организациям. А чем их можно заинтересовать, чтобы договориться о продаже воинскому коллективу дешевых кормов? Только рабочей силой, то бишь солдатами. Вот и выбери: либо нарушить приказ о недопустимости использования личного состава на хозяйственных работах в гражданских организациях, либо завалить план по мясопоставкам. В обоих случаях по головке не погладят. Как говорится, куда ни кинь — везде клин.

И последнее. Согласно плану мы должны содержать около трехсот голов свиней. Целая ферма! А штатами рабочие подсобного хозяйства не предусмотрены. Остается одно: посылать на свиноводку тех, кто по состоянию здоровья не может нести боевую службу.

У нас в хозяйстве работают два солдата. Не позавидуешь им. Уход за свиньями — это тяжелый физический труд. Живогных нужно как минимум три раза в день покормить, почистить клетки. И все это — вручную, при полном отсутствии материальной заинтересованности.

А план требует «давай!» и обрушивает такие глыбы контрольных цифр, что только за голову хватаешься. Странное дело, вокруг ведется речь о хозрасчете, экономической самостоятельности, учете объективных хозяйственных возможностей трудовых коллективов, мы же придерживаемся «застойных» принципов планирования от достигнутого, создаем видимость «бурного роста» внушительными заданиями.

Где же выход?

На мой взгляд, надо создавать специализированные хозяйства при региональных управлениях внутренних войск. Если заложить хорошую материальную базу, выделить фонды, предусмотреть штаты работников, то вполне по силам организация рентабельных хозяйств, которые будут не только выполнять план, но и приносить ощутимую прибыль. А в частях и подразделениях можно будет содержать ровно столько свиней, сколько не трудно прокормить отходами из солдатской столовой.

Майор М. СУПРУН,
заместитель командира части по тылу,
УВВ по Западной Сибири.

«был и останусь честным...»

О ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ПРОКУРОРА ВОЙСК НКВД ВОЕНЮРИСТА I РАНГА М. М. ИШОВА

«Дорогой Иосиф Виссарионович!
Я ищу правды и справедливости, но, к сожалению, ее пока не нашел. Я никогда не был и не буду врагом народа. В 1937—1938 гг., будучи военным прокурором войск НКВД Калининской области, а затем пограничных и внутренних войск НКВД Западно-Сибирского округа, мною были вскрыты сотни дел, сфабрикованных работниками НКВД на ни в чем не повинных, честных коммунистов и беспартийных... Я никогда не был и не буду врагом народа. Происхожу из бедной рабочей семьи. С 10-летнего возраста работал на хлебопекарне. В марте 1919 года вступил в комсомол, а в апреле 15-летним мальчишкой ушел на гражданскую войну, воевал на Западном фронте, где был ранен и контужен. Затем рабфак, университет, военная прокуратура... Только об одном прошу, родной Иосиф Виссарионович, велите по-большевистски разобраться с моим делом.

Михаил Ишов».

ПОДОБНЫЕ письма писали многие. Но до вождя, да и других высокопоставленных деятелей они не доходили. В лучшем случае заявителям направлялись стандартные ответы: за подписью ничего не решавших исполнителей из аппарата: «Жалоба оставлена без удовлетворения за отсутствием оснований к пересмотру дела». И так продолжалось в течение долгих лет.

Из имеющихся в Главной военной прокуратуре материалов видно, что военюрист I ранга Михаил Михайлович Ишов, будучи заместителем военного прокурора пограничных и внутренних войск НКВД Западно-Сибирского округа, вел принципиальную борьбу с незаконными арестами и фальсификацией дел со стороны работников НКВД. По его инициативе этот вопрос стал

предметом специального обсуждения на бюро Новосибирского обкома ВКП(б). Ишов неоднократно информировал о беззакониях Прокуратуры СССР, Главную военную прокуратуру, сообщал о поступающих жалобах обвиняемых на необоснованные аресты, незаконные методы ведения следствия, обращался с просьбами о направлении в Новосибирск специальной бригады центральных органов для проверки деятельности органов НКВД. Но реакции сверху не было.

Разумеется, такой военный прокурор все не устраивал местных руководителей ежовского ведомства. Более того, он представлял для них вполне реальную опасность. Особенно отчетливо себе это уяснил бывший начальник УНКВД по Новосибирской области Мальцев. Масштабы его преступной деятельности трудно даже представить. Вот выдержки из показаний некоторых его же подчиненных:

ПАСЫНКОВ [АНДЖЕРО-СУДЖЕНСКИЙ ГОРОТДЕЛ НКВД]: «Мальцев в погоне за количеством арестованных давал каждому органу НКВД определенный лимит на арест, независимо от наличия компматериалов. В ноябре—декабре 37 г. мне позвонил Мальцев, упрекнул в плохой работе и приказал за декаду арестовать 100 человек. Мальцев настойчиво требовал все больше арестов, и никакие доводы со стороны работников против этого во внимание не принимались. Смысл директива Мальцева был таков: арестовывай побольше, иначе арестуют тебя».

ГОРБЕНКО [ТОМСКИЙ ГОРОТДЕЛ НКВД]: «Мальцев упрекал Томский горотдел в бездеятельности и требовал все больше арестовывать. На одном из совещаний он дал приказание произвести дополнительные аресты не менее 700 человек, что и было сделано. Таким образом, из установок Мальцева вытекала необходимость соревнования между горотделами НКВД на массовые аресты граждан независимо от наличия компматериалов».

ЕГОРОВ (БЫВШИЙ НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА): «В Новосибирске к арестованным применялись методы физического воздействия. Были введены в действие толстые большие старинные альбомы с массивными переплетами, железные линейки и т. д. Этими предметами жестоко избивали арестованных. Широко применялась выстойка арестованных, которых держали на ногах по несколько суток, зачастую привязывали к несгораемому шкафу и дверям, чтобы не падали до тех пор, пока не подпишут протокола и не напишут собственноручно заявления. Заставляли подписывать чистые листы бумаги, а затем писали протоколы. Вдохновителем всех фиктивных дел был начальник УНКВД Мальцев».

А как вел себя в этой обстановке военный прокурор?

В документах Главной военной прокуратуры сохранились сведения о прекращении Ишовым целого ряда возбужденных НКВД уголовных дел и освобождении из-под стражи незаконно арестованных военнослужащих. Среди таких значились командир бронедивизиона Новосибирского железнодорожного полка Панов (инициалов в документах нет), старший лейтенант госбезопасности Алексеев, командир конвойного подразделения Пешегорьева и с ним еще четверо представителей начсостава и т. д. Летом 1938 года Ишов направил в Москву около 50 заявлений от арестованных органами НКВД, жаловавшихся на применение к ним незаконных методов следствия и избияния. Прокурор поставил вопрос о немедленном направлении в Новосибирск комиссии НКВД и прокуратуры для расследования имевших место злоупотреблений.

Михаил Ишов сумел добиться приема у Прокурора СССР. Вышинский на его информацию отреагировал весьма характерно, обвинив военного прокурора в утрате классового чутья. Вскоре последовало отстранение Ишова от занимаемой должности.

Не бездействовали и органы НКВД. Сначала Мальцев просто предупреждал Ишова, затем пошли угрозы. С целью сбора компрометирующих материалов Мальцев направляет одного из своих подчиненных Гинкена по местам проживания родственников Ишова и прохождения им службы до приезда в Новосибирск.

От находившихся под следствием брата Ишова — Леонида, а также бывших сослуживцев Арнис-Мольдера и Чакстэ удалось получить нужные НКВД показания. Дополнить их упоминанием «о связи с осужденной за контрреволюционную деятельность сестрой и обвинением Ишова в пособничестве врагам народа путем смазывания и прекращения возбужденных в отношении них уголовных дел», органы получили добро на его арест. Санкцию дал сам Вышинский.

91

Поздним сентябрьским вечером в квартире военного прокурора раздался резкий звонок. Вошли трое. Одного из них Михаил Ишов знал достаточно хорошо. Это был начальник отделения особого отдела НКВД СибВО младший лейтенант госбезопасности Алпатов. Произвели обыск. Затем Алпатов предложил взять Ишову смену белья, носки, полотенце, одеяло...

Дальнейшие события развивались по стандартному для тех времен сценарию: выбивание признательных показаний, предъявление обвинения в самых тяжких государственных преступлениях и завершение следствия. С неотвратимостью приближалась трагическая развязка.

Перед направлением на судебное рассмотрение с делами по обвинению военно-прокурорских работников обычно знакомились представители Главной военной прокуратуры. Так произошло и с делом Михаила Ишова.

Будучи в полной уверенности, что обвиняемый уже доведен до нужного состояния, следователи управления НКВД даже согласились депортировать Ишова в присутствии прибывшего в Новосибирск представителя Главной военной прокуратуры В. Липова. И здесь произошла полнейшая неожиданность: Ишов отверг предъявлявшиеся ему обвинения.

Представитель Главной военной прокуратуры на такой поворот событий отреагировал явно не в пользу обвиняемого. Тем не менее остается фактом, что обвинительное заключение на Ишова Липов не утвердил, а следовательно, воспрепятствовал его направлению в суд и доложил о случившемся в Москве. Дело стало предметом специальной проверки. К этому времени уже упоминавшиеся Леонид Ишов и Чакстэ от прежних показаний против Михаила Ишова отказались. Не была доказана и необоснованность прекращения Ишовым уголовных дел на мнимых «врагов народа». Обвинение, по существу, развалилось.

Из Главной военной прокуратуры в распоряжение НКВД представили соответствующую информацию, и ведомство оказалось перед необходимостью проведения служебного расследования, во всяком случае хотя бы для того, чтобы как-то выйти из затруднительного положения. Напомним, что это был период, когда Ежова уже убрала, а Берия еще только осваивал новую должность. Неуютно чувствовал себя и Главный военный прокурор Розовский, который в преддверии предстоящего снятия его с занимаемой должности за попустительское беззаконием пытался чем-то загладить свою вину.

Вполне естественно, что работники Новосибирского управления НКВД свою причастность ко всему отрицали. Однако выйти полностью, как говорится, сухими из воды все же не удалось. Любопытным в этом плане является рапорт следователя Алпатова от 23 января 1939 года: «Арест Ишова М. М. лично мною был произведен в ночь с 23 на 24 сентября 1938 года, в уп-

равление НКВД доставлен примерно в 2 или 3 часа. В тюремную камеру не отправлялся до 30 сентября (по справке тюремного начальника — до 1 октября) в связи с тем, что во внутренней тюрьме не было ни одной свободной камеры. С другими же арестованными по оперативным соображениям его посадить было нельзя. Ишов допрашивался с перерывами в обеденное время и ночью. Все эти дни Ишову предоставлялся отдых (сон) тут же в кабинете на диване. Так же все эти дни по три раза в день предоставлялась пища из буфета и столовой».

В изложении Ишова арест и последующие события представляются совершенно иначе:

«Меня привели в кабинет Алпатова. Не прошло и пяти минут, как туда вошло несколько человек. Не успел я опомниться, как кто-то из присутствующих работников внезапно с силой ударил меня по лицу. В грубой форме с площадной бранью мне предложили снять шинель и гимнастерку. Кто-то лезвием отпарывал петлицы, вырывал знаки различия. Передо мной положили лист чистой белой бумаги, поставили чернильницу и сказали: «Ну, сволочь, окончилась твоя жизнь. Пиши о своей троцкистской контрреволюционной деятельности». Кто-то из следователей забрал стул и сказал: «Будешь стоять до тех пор, пока не начнешь писать то, что от тебя требуется».

Алпатов ушел, оставив меня на попечение двух «подручных». Они круглосуточно дежурили в кабинете, непрерывно кричали мне в уши: «Пиши, сволочь!», избивали. Конвейер (так именовался круглосуточный многодневный допрос.—Прим. В. Б.) в стойке сильно изматывал. Стоя я должен был непрерывно смотреть на прикрепленный к стене черный кружок. От него и непрерывного стояния на ногах кружилась голова. Так продолжалось семь суток. На восьмой день в кабинет вошло несколько человек. Они начали меня избивать...»

Можно только умиляться объяснениям следователя Алпатова. Вместо тюремной камеры — отдельный апартамент с кожаным диваном для отдыха, буфетные завтраки с горячим кофе. И ни слова о тех молодчиках, круглосуточно измывавшихся над незаконно арестованным прокурором.

По всей вероятности, доверие к работникам Новосибирского управления НКВД все же оказалось подорванным основательно, и необъективность следствия стала очевидной. А раз так, значит оставляя Ишова в Новосибирске нельзя, хотя и на свободу его выпускать никто не собирался. Арестованного этапируют в Москву, где все начинается сначала. Первое время Ишова содержали во внутренней тюрьме НКВД, затем перевели в Лефортовскую тюрьму.

«В камере было всего 6—7 градусов тепла, — вспоминал Ишов. — Она представляла собой удлиненную комнату в виде каменного мешка. Это была небольшая клетушка с маленьким окошком у самого

потолка. Вдоль стен были прикреплены четыре узеньких топчана. Кроме голых деревянных нар ничего не было. Свет с улицы едва пробивался в помещение камеры. Лампа горела круглосуточно. При входе в камеру оборудован металлический унитаз — параша, рядом водопроводный кран. Пища в Лефортовской тюрьме была отвратительной. Утром приносили кусок черного хлеба, ложечку сахара и кипяток. В обед давали черпак баланды. В ней плавал синий капустный листок. Капустные щи наливали в ржавую железную миску, они имели отвратительный запах и привкус. Принимать эту пищу было почти невозможно...

Как на допросах, так и вне их работники НКВД подвергали заключенных утонченной душевной и физической пытке.

Занимавшийся моим делом следователь Рыжанов (по данным ГВП — Рожавский. — В. Б.) на первом же допросе положил лист бумаги и предложил писать о своей контрреволюционной деятельности. Мой ответ оставался неизменным: «Никакой контрреволюционной деятельностью я не занимался». Поднявшись со стула, Рыжанов вышел, оставив меня двум сотрудникам — подручным. Они оказались похожими на таких же из Новосибирска: те же интонации, разговоры, приемы, такие же выкрики и требования: «Пиши, пиши, контрик!» Сперва неслась площадная брань, а потом один из молодчиков извлек из ящика письменного стола резиновую палку сантиметров на шестьдесят. Он размахнулся и ударил меня палкой по спине. Первый удар в Московской тюрьме я перенес молча. Мое упорное молчание еще больше разъярило ретивого «подручного», и он стал наносить мне удар за ударом. Защищаться было совершенно бессмысленно, так как при «допросе» было несколько человек, а главное — ответные действия расценивались как нападение врага народа на работника следственного аппарата, что являлось для заключенного отягчающим обстоятельством.

К утру в кабинет пришел Рыжанов, которому я заявил категорический протест против подобных беззаконных действий. На это Рыжанов ответил: «Ну, что ж, протестуй, а писать будешь, будем бить морду в кровь».

Провал следствия по делу Ишова сразу же отразился на судьбе начальника Новосибирского управления НКВД Мальцева. Ему напомнили и содержание докладных Ишова, и поступавшие от его же подчиненных сведения о насаждавшихся им беззакониях, на которые раньше просто закрывали глаза. Против Мальцева возбудили уголовное дело.

Между тем в Москве, несмотря на все старания опытных спецов, дело Ишова продолжало разваливаться. От обвиняющих его показаний отказался последний свидетель — Арнис Мольтер. Найти дополнительный компромат на стороне оказалось весьма сложно. К тому же Главная военная прокуратура теперь постоянно держала дело Ишова в поле зрения.

Пришлось использовать так называемые «внутренние резервы». Среди сокамерников по Лефортовской тюрьме нашлись люди, предоставившие следствию спасительные доказательства: «Ишов высказывал сомнения в правильности линии Советского правительства, говорил, что в практике судебно-следственных органов Советской власти возродились приемы, применявшиеся средневековой церковью в борьбе с представителями научной мысли». Теперь недовольство избиениями и насилием на следствии облекается в официальный обвинении как антисоветские выпады против органов НКВД, антисоветская агитация, гнусная клевета против ВКП(б).

Следствие форсированно свертывается. В обвинительное заключение заносится все, что только можно, включая показания против Ишова, от которых все уже отказались. Ишову вменяется в вину целый набор из четырех пунктов 58 статьи Уголовного кодекса РСФСР.

Дело снова изучается в Главной военной прокуратуре. В своем заключении от 1 августа 1939 года помощник Главного военного прокурора И. Дорман признал не доказанным участие Ишова в правотроцкистской контрреволюционной и террористической деятельности. Тем самым исключалось самое тяжкое преступление. Однако добиться полного оправдания Ишова не удалось. Дорман отметил наличие в деле показаний об антисоветских разговорах Ишова во время пребывания его в тюрьме и, ссылаясь на указания Прокурора СССР, предложил передать материалы на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР. 17 сентября 1939 года решением Особого Совещания Ишов был признан виновным в проведении антисоветской агитации и заключен в исправительно-трудовые лагеря сроком на пять лет.

В апреле 1940 года Главный военный прокурор диввоенюрист П. Гаврилов внес протест на решение Особого Совещания об осуждении Ишова, отметив, что показания содержащихся в камере с ним осужденных об антисоветских разговорах не внушают доверия и не могут служить основаниями для обвинения. В протесте поставлен вопрос об отмене решения и прекращении уголовного дела. При повторном рассмотрении протест был отклонен и первоначальное решение Особого Совещания оставлено в силе. Освободился Ишов только по отбытии полного срока наказания.

Почему же отвернулись от незаконно репрессированного прокурора те, от кого зависела его дальнейшая судьба, восстановление справедливости? Ответ, пожалуй, простой — время культа вождя продолжалось. Ему нужны были другие люди. Особенно среди военных прокуроров, призванных осуществлять надзор за законностью в деятельности репрессивного аппарата. А потому и после освобождения из

мест заключения Ишов еще много лет оставался не у дел с клеймом «врага народа». Окончательная его реабилитация произведена в 1956 году.

Дальнейшая судьба бывшего начальника Новосибирского управления НКВД Мальцева сложилась следующим образом. 25 января 1939 года он был арестован. Ему предъявили обвинения в фальсификации уголовных дел, производстве необоснованных арестов, применении незаконных методов следствия. В мае 1940 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла ему весьма мягкий приговор — 8 лет исправительно-трудовых лагерей...

Вот пример полного бесправия личности перед властью произвола. Руководителя репрессивного аппарата Западно-Сибирского региона Мальцева обвиняют в чудовищных преступлениях, унесших жизни многих сотен ни в чем не повинных людей. Тем самым факт творимых им беззаконий получает юридическое, то есть официальное признание. Но проявление недовольства этими беззакониями со стороны потерпевшего Михаила Ишова провозглашается антисоветской агитацией, государственным преступлением. И наказания у них соразмерны. Так, совершенно естественный и справедливый протест жертвы приравнивается к преступлениям палача.

Кстати, подобный снисходительный подход к наказанию непосредственных исполнителей и организаторов массовых репрессий просматривается и по другим делам в отношении работников НКВД. Что же касается членов Военной коллегии Верховного суда и лиц из состава Особых Совещаний, ежедневно выносивших десятки неоправданных приговоров и решений, то за эти деяния никто из них вообще не несет никакой ответственности.

Впрочем, история Мальцева закончилась несколько неожиданно. Приговор о его осуждении был опротестован Прокуратурой СССР за мягкостью, а пленум Верховного суда СССР своим постановлением от 8 августа 1940 года протест удовлетворил. Случай, прямо скажем, уникальный.

Дело Мальцева было направлено на дополнительное расследование для предъявления ему более строгого обвинения по статье 58-7 Уголовного кодекса РСФСР. Однако нового суда Мальцев не дождался — его жизнь оборвалась в лагере спустя две недели. Обстоятельства его смерти неизвестны. Возможно, он сам решил свести счеты с жизнью из страха оказаться в руках своих вчерашних учеников, умевших довести свою жертву до состояния, когда даже смерть кажется лучшим способом избавления от круглосуточных издевательств. Не исключено, что это связано со встречей с одной из многочисленных его невинных жертв — таких по всем лагерям было немало. Свести счеты лагерная обстановка вполне позволяла.

Появник юстиции В. БОБРЕНЕВ.

«Блатная музыка»

Жаргон представляет своеобразную разновидность языка, состоящую из слов и выражений, которые имеют скрытое смысловое значение, известное лишь определенным лицам или социальным микрогруппам. Как правило, он связан с производственной или иной деятельностью людей и поэтому отражает их жизненный опыт, духовный мир, особенности рода занятий.

КАЖДАЯ ПРОФЕССИЯ, каждая изолированная группа лиц и почти каждая семья, — отмечали первые советские исследователи-криминалисты, — обладает большим или меньшим количеством слов и выражений, которые для посторонних непонятны.

Именно «непонятность» жаргона для посторонних, специфика противоправного образа жизни и обусловили его широкое распространение у преступников. Однако проблема жаргона не стала предметом глубокого изучения со стороны лингвистов и криминалистов. По этому поводу известный лингвист 20-х годов В. А. Тонков писал, что «исследований по воровскому жаргону мы почти не имеем».

Жаргон преступников развивался параллельно общенародному русскому языку. Причем вначале он существовал раздробленно в территориальных диалектах. По мере же установления общенародного русского языка появляется общий жаргон уголовников и, разумеется, во многом зависит от первого. Дело в том, что основные изменения, происходившие в русском языке, так или иначе затрагивали «блатную музыку» (термин «блатная музыка» ввел профессор В. Трахтенберг для обозначения жаргона преступников).

Появление, а особенно распространение общеуголовного жаргона связано и с другим социальным аспектом — развитием бродяжничества за счет беглых крестьян, а также скрывающихся от правосудия преступников. К сожалению, язык преступни-

ков до XVIII века не фиксировался ни в художественной литературе, ни в словарях. Тогда он был в полном смысле слова тайным, его даже не знали лица, призванные осуществлять правоохранительные функции. Так, известному российскому вору Ваньке Осипову по кличке Каин, закованному в «железа» за карманные кражи, сообщники передали записку, написанную на жаргоне. Поскольку стража не понимала жаргона, то из фразы — «Триошка качела, стромык сверлюк стракторило», Каин узнал, что «тут ключи в калаче для отпирания цепи».

В ПЕРВЫЕ ЖАРГОНИЗМЫ были употреблены в 1779 году в книге, посвященной опять же Каину, где, например, встречаются такие слова, как «стукалов монастырь» (тайная канцелярия), «купец» (карманный вор), «купить» (украсть), «черная работа» (воровство) и тому подобное. Всего автором было зафиксировано около 140 жаргонизмов преступного происхождения. Если учесть существовавший в то время обряд приема в преступное сообщество через произнесение спича на блатном жаргоне, то можно сделать вывод о завершении формирования основного жаргона преступников. Причем уже существует условный язык определенных категорий, в частности карманных воров.

В 1828 году в журнале «Московский телеграф» появилась первая научная информация, в которой говорилось об особых

93

словах волжских разбойников: «сарын на кичку» — бить всех; «пустить красного петуха» — зажигай дом; «по реке волна пошла» — за нами погоня.

Одним из первых исследователей лексики преступных элементов явился В. Даль (у него имеется неопубликованный труд — «Словарь петербургских мошенников»), который указывал на наличие больших групп петербургских жуликов (так назывались карманные воры) и московских мазуриков (преступников), имеющих свой байковый язык. Например, «ходить по музыке» — заниматься преступным делом; «каплюжник» — полицейский; «лопатник» — кошелек; «канка» — кабак; «тырить» — воровать и тому подобное. По словам В. Далья, «блатная музыка» была разработана по преимуществу «столичными мазуриками; жуликами, ворами и карманщиками». Как видим, жаргон чаще всего сопровождал специализированную устойчивую преступную деятельность.

Жаргонизмы уже в середине XIX века были неоднородны по своему происхождению. Среди них отмечалось значительное количество слов из языка татар, башкир, мордвы, турок, поляков, цыган... На этот факт указывал Вс. Крестовский в книге «Петербургские трущобы». «У воров и мошенников, — писал он, — существовал «условный язык», известный под именем музыки. В нем, кроме необыкновенной образности и лаконичной сжатости... заметен сильный наплыв слов, звучащих неславянскими звуками: польскими, малорусскими, восточного происхождения, татарскими, финскими, цыганскими. Это смешение объясняется самим составом мошеннического сословия, служащего широким стоком для всех национальностей». В его книге зафиксировано около 130 жаргонизмов. Например, «горит огонь» — место, где собираются шулера для игры в карты, «клевый» — отличный, дорогой, «слам на карман» — взятка приставу, «дуван» — доля награбленного, «канновка» — водка... Заметим, что в жаргонизмах преступников, зафиксированных Вс. Крестовским, мало слов западно-европейского и еврейского происхождения, которые появились в русской «блатной музыке» значительно позже.

ОТМЕНОЙ КРЕПОСТНОГО права и быстрым развитием капитализма в России происходит резкое увеличение преступности. Разорившиеся, безземельные крестьяне широким потоком хлынули в города, увеличивая тем самым и число рабочих, и люмпен-пролетариат. Однако на «дно жизни» опускались и выходцы из привилегированных сословий, классов, преимущественно обнищавшие в конкуренции помещици, програвшиеся в карты купцы, мелкая буржуазия. К этому периоду относится значительное распространение деклассированных элементов — нищих, бродяг, проституток, уголовников. Последние делились на целый ряд подгрупп в зависимости от противоправной «квалификации» (конокрады, карманные и «магазинные» воры, мошенники, грабители, контрабандисты...). Каждая подгруппа дифференцировалась на более мелкие, что

обуславливалось спецификой совершения преступлений. При этом они пользовались жаргоном, соответствующим их образу жизни. Поскольку указанные элементы перемещались из одной группы в другую, то, с одной стороны, формировался общий для всех преступников жаргон, а с другой — унифицировался узко профессиональный. Поэтому не случайно в общеуголовном жаргоне можно было встретить жаргонизмы разных категорий преступников. Например, нищи: «стрелять» — просить милостыню, «стрелок» — нищий; воров: «майнуть» — воровать, «лампа» — полицейский; проститутки: «матрачки» — глаза и так далее. В данном случае общность языка связывалась с общностью главной цели — выжить любой ценой, а последняя с применяемыми средствами — украсть, ограбить, обмануть, выпросить, продаться.

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА в России значительно расширило ее внешнеполитические, экономические и культурные связи с другими странами, что не могло не отразиться на характере преступности, которая стала носить элементы международной преступности или, как называли раньше, — интернациональной. В последней трети XIX века образуются крупные международные шайки контрабандистов, воров, специализирующихся на взломе сейфов и несгораемых шкафов (в России — «медвежатники», в Европе — «шинифферы»), карманных воров («марви-херы») и крупных шулерских сообществ («червонные валеты»). Международные преступные связи оставили свой заметный отпечаток не только на деятельности русских преступников, но и на их жаргоне, о чем свидетельствует широкое распространение жаргонизмов западно-европейского и еврейского происхождения.

Причем заимствование шло как из литературного языка, так и из жаргонов зарубежных преступников. Например, из немецкого языка были заимствованы такие слова, как «фрайер» — общее название жертвы, «бур» — сообщник, «гутен морген» — утренняя кража в гостинице, «ботать» — говорить, «блат» — любое преступление; из французского: «шпаня» — мелкий вор, «марьяжить» — завлекать, «алюра» — проститутка, «мотя» — доля краденного, «пижон» — жертва шулера; из английского: «шоп» — магазинный вор, «шкет» — подросток; из венгерского: «хаза» — притон, квартира, дом.

Общими для большинства жаргонов явились элементы еврейской «блатной музыки». Это было обусловлено двумя причинами. Во-первых, некоторые группы еврейского населения дореволюционной России по роду своей деятельности стояли весьма близко к преступному миру. Таковыми были содержатели игорных домов, питейных заведений («шинков»), домов терпимости, ростовщики, маклеры и даже скупщики краденного. Специфика такого рода занятий требовала нередко конспирации, для чего широко использовался жаргон. Помимо названных обстоятельств были условия экономического и политического характера, вынуждавшие некоторых представите-

лей еврейского населения вступать в организованные воровские шайки.

Во-вторых, у евреев имелся разговорный (не письменный) язык идиш, благодаря которому они общались между собой. Элементы идиша нашли значительное распространение в русском жаргоне. В частности, «хавира» — воровской притон, «хевера» — воровская группа карманников, «шайка» — от еврейского (*chover*) общество, содружество, «мусор» — агент сысской полиции (от еврейского «доносчик»).

В рассматриваемый нами период жаргон русских преступников продолжал также пополняться лексическими единицами из польского, украинского, цыганского, финского, тюркского и других языков.

Так, из польского языка в русский блатной жаргон перешли слова «капать» — доносить, «коцать» — бить, «мент» — тюремный надзиратель; из украинского — «хавать» — есть, «хомка» — нож, «торбохват» — арестант. Из цыганского — «чувиха» — проститутка, «марать» — убивать, «тырить» — воровать, «дохать» — убить, «шурь» — краденые вещи, «хандырить» — ходить; тюркского — «яманый» — плохой, «сар» — деньги, «абас» — двугривенный, «кича» — тюрьма, «майдан» — кусок сукна на нарах, «шалман» — притон.

Возникает вопрос: почему так быстро и широко протекало формирование жаргона преступников за счет заимствования слов и выражений из литературного языка и жаргонов других народов? На наш взгляд, здесь следует назвать несколько причин, которые действовали в комплексе. Прежде всего, это кажущаяся новизна, эмоционально-экспрессивная окраска иноязычного слова. Затем — непонятность такого слова для непосвященных, поскольку в середине XIX столетия стали появляться словари жаргонизмов. И, наконец, к этому времени в России была создана довольно сильная тюремная система (в XVIII веке общеуголовных тюрем не было), которая объединяла в тюрьмах и на каторгах представителей многих национальностей.

В КОНЦЕ 90-х годов XIX века была предпринята попытка создания словарей жаргона для практического использования. Первым таким пособием явился словарь, составленный известным криминалистом В. Лебедевым (опубликован в 1898 году). Всего было зафиксировано 250 жаргонизмов. Следует отметить, что В. Лебедев один из первых указал на такую особенность жаргона, как отражение в нем своеобразной морали уголовного мира. Жаргон, писал он, является естественным и необходимым продуктом природы и культуры каждой категории преступников.

Вполне очевидно, что указанный выше словарь не мог охватить существовавший в те годы весь набор жаргонизмов. Поэтому вышедший в 1912 году «словарь воровского и арестантского языка» включал 1010 жаргонных слов и представлял уже довольно серьезный труд. Его практическая ценность заключалась еще и в том, что автор (пристав В. Попов) указывал на возможность распространения (бытования)

слов в той или иной местности, сопровождая их пометками «южное», «сибирское», «московское», «петербургское». Более того, он даже соотносил слова с теми или иными разрядами преступников. Например, «колокольчик» — собака (конокрад), «пижон» — жертва шулера (шулерское)...

К сожалению, в последующие годы жаргон преступников лингвистами не изучался. Появились лишь небольшие словари для практических нужд полиции, а также мимоходные замечания отдельных писателей и филологов по поводу жаргонных слов. В чем же была причина неизучения жаргона лингвистами, в то время как криминалисты занимались составлением словарей, пусть даже с существенными упушениями? Представляется, что здесь можно выделить несколько факторов. Труднодоступность изучения, поскольку «блатная музыка», как известно, была в ходу не только у определенных категорий, но и в определенных местах. Жаргон считался низким слоем лексики русского языка и поэтому не был удостоен вниманием щепетильных филологов. Жаргонизмы, как уже отмечалось, были распространены в сугубо узкой среде и не имели широкого влияния на общенародный язык.

Вместе с тем нельзя не отметить весьма заметное явление в развитии жаргона и его быстром смешивании с русской устной речью, происшедшее в начале 20-х годов XX столетия. Этому способствовал ряд условий.

Так, первая мировая и гражданская войны, когда на фронт попало большое количество судимых и деклассированных элементов, которые в армейских условиях да еще в состоянии деморализации русской армии очень быстро распространяли жаргонизмы. В гражданской войне к тому же против Советской власти участвовало много крупных и мелких банд (анархистов, уголовников, знавших жаргон и заражавших им людей из своего окружения). Февральская амнистия Керенского, когда на свободу были преждевременно выпущены тысячи рецидивистов и профессиональных преступников, также способствовала распространению жаргона. Детская беспризорность, декадентское течение в литературе, консолидация рецидивистов в преступные группировки типа «воры в законе», «жиганы» и тому подобные тоже стимулировали смешение жаргона с устной речью.

Так, часть жаргона преступных элементов переместилась в обычную русскую речь. Слова «пижон», «фрайер», «чувиха» и многие другие стали жить в двух средах — преступной и не преступной. Причем, функционируя в общественной русской речи, жаргонизмы преступников теряли «уголовный» ярлык. Они были приспособлены населением к своим производственным и бытовым нуждам для обозначения того или иного предмета или явления. С другой стороны, жаргонные слова употреблялись для самовыражения, поскольку в них наблюдается сильная экспрессивная окраска. «Речь должна быть эффектной, — писал исследователь жаргона В. Малаховский. — Введение блатного слова дает отклонение от обычного языка, и выражение «винта

нарезал» вместо «сбежал» не только поражает своей новизной, но и производит прямо чувственное впечатление».

ПОД НАТИСКОМ социальных и культурных преобразований в значительной мере претерпел изменение и уголовный жаргон (ведь язык является как бы зеркалом, отражающим жизнь общества). Ушли в прошлое вместе с явлениями и предметами такие слова, как «timoфей» — палач, «леди грин» — тюремный священник, «благодетель» — кнут... Однако основная масса жаргонизмов была приспособлена к условиям существования преступного мира 20-х, 30-х и 50-х годов. Более того, многие из них получили совершенно иную интерпретацию. Для ясности сравним:

Дореволюционный жаргон

«мент» — надзиратель
«легалый» — сыщик
«майдан» — кусок материи, на котором играют в карты и т. д.

Жаргон 20-х и 30-х годов

«мент» — милиционер
«легалый» — общее название работников милиции
«майдан» — поезд

На протяжении всего времени жаргон преступников находился в динамике. Одни его подвиды изменялись, другие нарождались вместе с появлением тех или иных групп преступников, третьи функционировали почти без изменений.

В наши дни жаргон криминогенной среды по-прежнему распространен и насчитывает в словарях около 10 тысяч слов и выражений, что в два раза больше по сравнению с тем, что было в дореволюционной России.

В целом современный жаргон преступников носит ярко выраженную криминальную окраску. Около 87 процентов жаргонизмов, например, относятся к «профессиональной» лексике правонарушителей (категорий преступников, название жертвы, приемы совершения преступлений и тому подобное) и лишь 13 процентов к бытовой (пища, одежда, части тела и другое).

Вместе с тем массив жаргонизмов следует дифференцировать на две основные группы — общеуголовный и специальный.

К первой относятся слова и выражения, распространенные среди всех категорий преступников (например, «отмазаться» — уйти от ответственности). Общеуголовный жаргон можно разделить на жаргон мест лишения свободы и жаргон преступников, находящихся в условиях свободы.

Вторая группа включает термины, выработанные и употребляемые лицами, специализирующимися на каком-то одном виде преступной деятельности. Поэтому специальный, или «профессиональный», жаргон насчитывает столько подвидов, сколько существует криминальных «специализаций». Изучение показало наличие такого жаргона у следующих криминогенных разновидностей: карманных воров, валютчиков, фальшивомонетчиков, сбывчиков наркотиков, бродяг и попрошайек, гомосексуалистов, лиц, занимающихся кражами и незаконным сбытом культурных ценностей,

шулеров, мошенников, обманывающих с помощью «куклы» (денежной и вещевой), размена денег, фальшивых драгоценностей, фарцовщиков, спекулянтов, расхитителей. Количество слов в каждом виде жаргона колеблется от 70 до 400.

Отмечается, что специальный жаргон служит не столько для общения, сколько для обеспечения конспирации в период подготовки, совершения и сокрытия следов преступлений. С его помощью совершаются 70 процентов карманных краж, почти во всех случаях осуществляется «деловая» переписка расхитителей, гомосексуалистов...

РАЛИЧИЕ БОЛЬШОГО словарного объема жаргонизмов и их распространенность среди многих криминальных и даже обычных микрогрупп закономерно ставят вопрос о причинах живучести и популярности жаргона. На наш взгляд, данное явление обуславливается рядом взаимосвязанных факторов.

На жаргон основное влияние оказывает существование преступности как относительно стойкого антисоциального явления, порождающего такие катализаторы жаргона, как профессионализация преступников, рецидивистов и их криминогенная субкультура, а также поддерживающего так называемых «тюремных лингвистов».

В распространении жаргонизмов определенную роль играют уголовные традиции, блатная романтика, некоторые литературные произведения и песни. Достаточно вспомнить репертуар ансамблей «Магаданцы» под управлением Аркадия Северного или «Одесситы».

Говоря о жаргоне как о своеобразной части субкультуры определенной микросреды, нельзя не отметить одну его особенность — тайность. Одни ученые полагают, что жаргон является и должен быть тайным для всех. Другие высказываются против и аргументируют это наличием словарей.

На наш взгляд, обе точки зрения не совсем верны. Жаргон не может быть тайным. Он просто непонятен для непосвященного человека, так же как иностранный язык людям, не изучавшим его. Между тем непонятность обеспечивает уже тайность (конспирацию) антиобщественной деятельности.

Другой особенностью жаргона выступает ярко выраженная «идеология» антиобщественной среды, ее установки, цели поведения. В жаргоне проявляется неприкрытый цинизм и презрение к честной жизни и моральным ценностям человека. Не случайно еще в конце прошлого века отмечалось, что «все то, что им (преступникам.— Прим. автора) противно, а обществу дорого, они зовут грубо, а то, что обществу вредно, — хорошо и красиво называют». К сожалению, о жаргоне ученые и практики знают далеко не все, а еще меньше о формах и методах его использования в организации борьбы с преступностью.

А. ГУРОВ, доктор юридических наук,
М. ГРАЧЕВ, кандидат филологических наук

БЫЛЬ

Случается, солдат-новичок, призванный во внутренние войска, на первых порах теряется: как же так, кругом столько разговоров о милосердии к осужденным, о гуманизации их жизни, призывы к доверию, а здесь — несколько рядов ограждения и автомат на груди! Да еще ежедневно отцы-командиры внушают: не расслабляйся, гляди в оба, никаких контактов с осужденными, будь бдителен...

Уверен, одно другому не мешает. Ведь милосердие не может и не должно вступать в противоречие с законностью, а бдительность часового — всегда «в законе». Впрочем, высоких фраз об этом сказано немало. Расскажу лучше одну историю, как мне кажется, весьма поучительную.

СЛУЖИЛ контролером в одной из северных исправительно-трудовых колоний сержант сверхсрочной службы Сафаров. Имени его не помню, но встретил бы — узнал: глаза раскосые, пронзительные, на черной шапке волос белые островки ранней седины. Мягко был, доверчив. Эти прекрасные человеческие качества, увы, не всегда на пользу служивому, тем более такому, который по роду своей деятельности общается с уголовным миром.

Зная характер контролера, командир каждый раз, будто новобранца, инструктировал Сафарова перед заступлением на службу, напомнил ему об уловках осужденных. Но сержант только хмыкал в ответ, дескать, ни к чему все это рассказывать. Допускал, что неприятности могут случиться с каждым, но не с ним.

В колонии, где нес службу Сафаров, находился отпетый рецидивист Зубилин. Имея богатый опыт «отсидки», он после нескольких месяцев наблюдений за контролерами выделел, на

его взгляд, самого уязвимо-го, «сырого» — Сафарова. И решил сыграть с ним злую шутку.

Поначалу осторожно втирался в доверие к контролеру, буквально на лету ловил каждое его слово, шумел на других осужденных, заставляя их «в темпе» выполнять все распоряжения Сафарова. Последнему это очень нравилось, ибо льстило его самолюбию. И порой, в нарушение правил, он поощрял своего усердного помощника — то пачку чая принесет, то пару порций масла, то курева подкинет. Однажды Зубилин подошел к сержанту и доверительно сказал:

— Спасибо вам за все, гражданин начальник. Я написал о вашей чуткости своей двоюродной сестре, и она передает вам привет. Вот, прочтите, — и осужденный протянул контролеру записку. Почерк — аккуратный, девичий: «Васенька, ты пишешь, что тебе очень помогает человек, которого ты нежно называешь Сафарик. Видимо, у него большая душа. Очень хотелось бы познакомиться».

Заметив, что письмоцо произвело на Сафарова

приятное впечатление, Зубилин «поддал пару»:

— Хотите познакомлю? Кстати, ее папа, мой дядя, — генерал-полковник. Могу отмазать меня, да не захотел. И правильно: виноват — отруби. А вот ее фотка.

Порывшись в бумажнике, Зубилин достал фотографию известной (но не Сафарову) актрисы. Сержант с удивлением посмотрел на красивую, кокетливо улыбающуюся женщину. Таких красавиц он сроду не видел. Его супруга, которая работала в этой же колонии бухгалтером, не шла с ней ни в какое сравнение. А Зубилин нажимал.

— Так познакомить вас, а? Ее зовут Валя.

Не устоял служивый, кивнул согласно.

Прошла пара недель, и вот к Сафарову, улучив момент, подскочил Зубилин, почтительно согнулся в полупоклоне, на лице улыбка в тридцать два зуба:

— Вам, гражданин начальник, привет от Валеши. Личный.

Сержант нетерпеливо выхватил из рук осужденного листок, прочитал: «Уважаемый Сафарик (разрешите мне вас так называть)! Вася очень много рассказывает мне о вас, о вашей душевности. Я так рада за Васю. Конечно же, под вашим влиянием он исправится и станет на путь честной жизни. Спасибо вам. Очень прошу выслать свою фотокарточку...»

Сафаров, покраснев от избытка чувств, извлек из кармана записную книжку, в которой хранил фотографию «на всякий случай», и протянул ее Зубилину.

— Подпишите: «На память дорогой Валечке от Сафарова», — подсказал тот. И сержант послушно нацарапал на обороте эти слова.

Шло время. И вот радушно улыбающийся Зубилин вновь остановил контролера и вручил ему тетрадный листок, пахнущий духами. Прочитал сержант письмо, и забилось сердце его часто-часто. Еще бы, такая красавица, дочь генерал-полковника, ему пишет: «Дорогой Сафарик! Получила вашу фотографию и по-

казала ее подругам по институту. Все влюбились в вас. Я не знаю, как вы оцените мой шаг, но от всей души предлагаю вам — давайте дружить. Очень хочу переписываться с вами. С нетерпением жду ответа».

Служивый не стал томить девушку и тут же через Зубилина переправил ей письмо. На этот раз дни тянулись дольше обычного, сержант измучился весь. Наконец Зубилин доставил ему долгожданную весточку. Письмо было длинное, ласковое, нежное.

Несколько месяцев Сафаров переписывался с Валентиной Никитиной. От письма к письму их отношения становились все теплее и теплее. И вот они поклялись друг другу в любви и верности...

А между тем, как вы уже, наверно, догадались, письма эти не покидали пределов колонии. Правда, как-то Зубилин даже показал сержанту конверт с московским штемпелем — не всякий специалист обнаружил бы подделку. Сафаров же проникся к осужденному еще большим доверием, которое подогревал обратный адрес на конверте: Москва, Марьяна роща, улица Декабристов, 104, кв. 25, генерал-полковнику Никитину М. Д. (для Вали).

Представляете картину: сидят осужденные в бараке после трудов праведных, вслух читают любовные письма Сафарова, гогочут над его охами и ахами. Потом сочиняют ответ (нужен девичий почерк — пожалуйста, раз плюнуть): один пишет, остальные подсказывают, как позаквоырестее изложить.

Тон писем менялся в зависимости от накала страстей.

Позднее к переписке подключилась «мама Вали», женщина весьма эмоциональная. Судите сами: «Дорогой Сафарик! С огорчением сообщая, что Вали нет дома — она находится в больнице. Бедняжка слегла, не смогла выдержать долгой разлуки — вот уже две недели она не читала твоих писем. За что же ты ее так жестоко наказываешь!» А вот другое, почти

семейное: «Сафарик, мы считаем тебя членом нашей семьи, хотя ты не намекнул ни разу, когда вы поженились с Валей. Она очень переживает. И я переживаю как мать. Сафарик, если тебе нужны деньги — напиши, мы сможем выслать рублей 400—500 (вот в какую сумму оценили осужденные нашего гореконтролера.—Автор.). Только ты, пожалуйста, помоги Вале. Он больной, ему нужно усиленное питание. Но разве в колонии кормят? И еще — может, есть возможность ускорить его освобождение?»

Здесь комментарии излишни.

Валя, как всегда, писала с нескрываемой любовью: «Дорогой мой Сафарик! Счастлива, что ты скоро получишь отпуск и приедешь ко мне. Как хорошо! Я тебе уже готовлю подарки. Недавно папа был в Германии, в командировке. Привез оттуда много хороших вещей. И для тебя есть — пара костюмов лавсановых, двое золотых часов, модные туфли, рубашки, золотые запонки. Хотела выслать тебе посылку, но даже в три ящика все это не поместится. Ах, скорее бы ты приезжал, я так устала ждать!»

Фантазии осужденных не знали границ: «Дорогой мой, любимый Сафарик! Вчера ко мне приходил свататься друг детства, капитан крейсера «Витязь». Вася знает его — мы с ним в детстве плавали в Калифорнию. Сейчас он капитан первого ранга. И вот я не знаю, как мне быть. Знала бы, что ты меня любишь, — не задумываясь, отказала бы ему. А если ты, Сафарик, меня не любишь и я зря откажу моему хорошему другу, а? Как мне поступить, добрый мой Сафарик, подскажи!»

И сержант подсказывал, ибо в следующем письме Валя радостно восклицает: «Ах, какое счастье, что ты меня любишь! Ты меня любишь! Сегодня же скажу этому капитану, чтобы не мочил мне голову! Не нужен мне никто, никакие чины и звания, только ты мне нужен, мой любимый Сафарик!»

Развязка приближалась, удавка все туже и туже стягивала горло сержанта: «Дорогой Сафарик, бросай все к чертям собачьим, приезжай в Белокаменную. Папа все сам сделает — и перевод по службе или, еще лучше — устроит тебя в академию. Место тебе уже забронировано. До занятий мы с тобой поедом в свадебное путешествие в Ялту или Сочи—куда захочешь».

И последнее письмо, довольно энергичное: «Мы решили встречать тебя всей семьей. Папа будет в форме. Я — в белой фате. А чтобы нам не помешали, уже договорено о выделении десяти блюстителей порядка. Ждем тебя, срочно выезжай!»

Кончилось тем, что сержант Сафаров бросил подразделение, оставил жену и рванул в Москву. Осужденные буквально лопались от смеха. Оперативники колонии заподозрили неладное, да и в роте хватились Сафарова. Послали за ним домой — жена сообщила, что муж срочно выехал в командировку в Москву. Но через час-другой, заплаканная, пришла к командиру, вручила пачку писем, которые Сафаров в спешке забыл. Офицер беголо ознакомился с ними, все понял и немедленно связался со штабом соединения. Успел вовремя: когда поезд, из окна которого Ромео-Сафарик высматривал на перроне генерал-полковника и Валиу в белой фате, прибыл на московский вокзал, сержанта ждал патруль. Конец плачевный: гауптвахта, увольнение в запас по дискредитации, сложности в семье... Но могло быть и хуже, ведь Сафаров был уже в руках у Зубилина и его дружка.

Потерять бдительность — то же самое, что потерять голову. Не удивлюсь, если кто-то из вас, прочитав эту историю, скептически ухмыльнется: «Меня на мякине не проведешь. Со мной бы такого никогда не случилось».

Вот-вот, и Сафарик говорит то же самое...

Подполковник в отставке
П. НОДА.

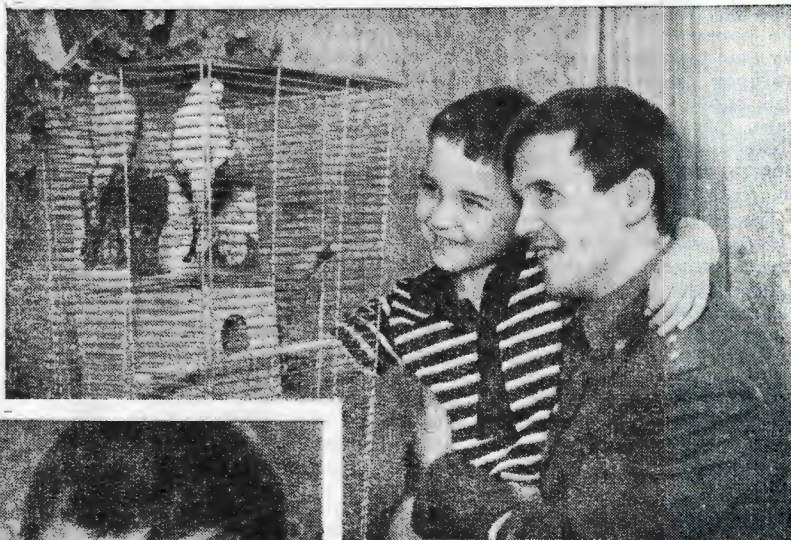

Что есть для военного человека дом, семья? Это его тыл, осязаемое воплощение понятия «родина». Здесь он находит покой после трудов праведных, здесь черпает силы для завтрашнего дня. Свой дом он вспоминает в далеких, долгих командировках, его защищает в лихую годинку.

Правда, военному человеку иной раз и присесть-то некогда. В обеденный перерыв забегал домой, не передеваясь, фартук накинул и — за дело. Это уже о прапорщике Иване Ивановиче Масько. Для него домашние часы —

ДОМА

Фото В. СЕМЕНОВА.

золотое время, когда можно и с сыном поиграть, и книгу почитать, и в гараже с машиной повозиться, и душу отвести — над какой-нибудь электронной схемой с паяльником помудрить. Да чтоб незрочно хорошая музыка играла.

Но это в выходные, а в будни — чуть свет ушел, затемно пришел. В роте Иван Иванович на хорошем счету, один из лучших контролеров, кавалер знака «За отличие в службе» II степени. Потому и на службе порядком, что тыл, то есть дом, крепко.

«МЫ ЕЩЕ УВИДИМСЯ, ДЕТКА...»

Начало на с. 50.

После того как Мак-Намара и Дэвит ушли, Дункан практически не разжимал зубов. Он ограничился тем, что пригрозил Патриции:

— Вы пытались предупредить своего шотландца, дорогая, а тем самым — предать меня. Как я отношусь к подобным действиям, вам должно быть известно. В наказание Тарзан из Томинтула умрет у вас на глазах. И имейте в виду: задумаете кричать — он только скорее войдет.

А потом наступила тишина. Тяжкая, напряженная тишина, в которой Патриция тщетно пыталась найти способ предупредить Малькольма об опасности. Но она даже не представляла себе, как за это взяться, тем более что этот большой ребенок отказывается верить в существование зла. «Мы еще увидимся, детка» — вот и все, больше он ничего не смог сказать, так и не понимая, что как раз увидятся-то им больше не дадут. Дункан курил, не отводя глаз от циферблата. Когда время возвращения стало приближаться, он начал нервничать, а когда прошло — забегал из угла в угол. Еще через полчаса, не зная о прогулке, которую Дэвит заставил совершить Малькольма, Дункан взорвался:

— Провел! Провел меня, как школяра! Клянусь вам, Патриция, я из-под земли его выкопаю и заставлю расплачиваться дорого и мучительно!

— Вы о ком?

— О ком же еще, как не о Мак-Намаре?

— О Дэвите!

— С чего бы это вдруг?

— Потому что он вполне способен убить Малькольма и забрать пакет,

— Никогда он на это не решится.

— Разуверьтесь, Джек, он обещал мне сделать это, если я соглашусь с ним бежать.

Дункан недоверчиво посмотрел на девушку:

— Уж не пытаетесь ли вы, случаем, втереть мне очки? Смотрите, как бы это развлечение не обернулось для вас худо! А если говорите правду, то почему молчали раньше?

— Мне нет дела до ваших личных счетов.

— Дорогая Патриция, я приложу все усилия, чтобы вы горько пожалели о своей неояльности. Можете на меня положиться! Что до Питера, то я этого мерзавца поймаю, куда бы он ни скрылся.

В это время они услышали, что около «Гавайской пальмы» остановилась машина. Дункан поспешил к окну и облегченно вздохнул, увидев высокую фигуру шотландца.

— Не знаю, на что вы рассчитывали, но вы осмелились солгать мне! — и с этими словами Дункан ударил Патрицию по лицу. Девушка едва сдержала стоны. Это еще

цветочки по сравнению с тем, что вас ждет! А пока можете извиниться перед Питером, когда я покончу с шотландским приматом.

Дункан уселся за стол, вытащил пистолет, примерил к правой руке и стал ждать Мак-Намару и Дэвита, успешно завершивших миссию.

— Осторожно, Малькольм! Он... — вскрикнула Патриция.

Дверь шумно распахнулась, и Дункан выстрелил. Он действительно хорошо умел целиться, и Дэвит, с пулей в сердце, рухнул лицом вниз. Мак-Намара опустился на колени рядом с Питером и, осмотрев тело, сказал:

— Вот, значит, как... старина, вы его убили...

Дункан никак не мог опомниться. Какого черта Дэвит вошел первым? Малькольм положил на стол сверток с героином.

— Берите свой пакет.

Джек не знал, как ему себя вести. Поскольку он понятия не имел о попытке Питера обокрасть его, получалось, что Джек прикончил своего ближайшего помощника ни за что ни про что. И с шотландцем голыми руками не справишься — надо идти за другим оружием. Дункан уже собирался всерьез заняться этим вопросом, как вдруг Патриция налетела на Малькольма:

— Зачем вы отдали ему героин? Вы что, не знаете, для чего он нужен? Неужели вы и в самом деле настолько наивны? Или — такой же бессовестный негодяй, как он?

Дункан кинулся на нее, изо всех сил ударил по лицу и впился в горло:

— Шлюха! Грязная шлюха! — орал он. — Уж я-то заставлю тебя замолчать!

Патрицию уже начало сильно раздражать бездействие Мак-Намары, как вдруг комнату заполнили звуки волынки. Сбитый с толку Джек оставил девушку в покое и обернулся к шотландцу. Тот во всю силу легких раздувал меха. Это было и гротескное, и завораживающее зрелище: громадный детина, играющий на волынке над бездыханным трупом. Хозяин «Гавайской пальмы», вне себя от ярости, бросился к Малькольму и вырвал у него из рук инструмент.

— Вы совсем спятили?

— Я? С чего вы взяли?

— Зачем вам понадобилось музицировать в такой момент?

— У нас в Томинтуле всегда играют «Полковник вернулся домой», когда кто-то должен умереть.

— Так и оставьте свои дикие выходки для Томинтула, если, конечно, вам удастся туда вернуться. — И, указывая на Дэвита, добавил: — В любом случае для него это слишком поздно.

— А я вовсе не для него играл, старина.

— Тогда зачем же?

— Я играл вам.

— Мне?

— Да, вам. Потому что сейчас я вас убью, старина.

— Что вы несете? Может, больны?

— Видите ли; у нас в Томинтуле, если кто-то имел наглость поднять руку на вашу возлюбленную, долг чести — убить наглеца. А я люблю мисс Питтер.

— Думаете, меня это очень волнует, кретин несчастный...

Мак-Намара одним прыжком оказался рядом и схватил Дункана за горло. Джек отчаянно пытался разжать душившее его кольцо, но безуспешно... Наклонившись над ним, шотландец зашептал:

— Патриция рассказала мне о той девушке... и о полицейском... которых Дэвит убил по вашему приказу... и еще рассказала... что вы заставляли ее переносить... так вот, значит, старнна, рано или поздно за все приходится платить...

Эта сцена сначала парализовала Патрицию, но, очнувшись от оцепенения, она тут же повисла на руке Мак-Намары.

— Только не вы, Малькольм, только не вы! Я не хочу, чтобы вы тоже стали убийцей! Ради любви ко мне, бросьте его!

Он, не выпуская жертвы из рук, улыбнулся девушке.

— Вы и вправду хотите, чтоб я его отпустил?

— Умоляю вас!

— Ладно...

Шотландец разжал руки, и Дункан покотился на ковер. Патриция попыталась привести его в чувство.

— Не думаю, что у вас это выйдет,—заметил Мак-Намара.

— Почему?

— Да я, как-то сам не заметив, должно быть, слишком сильно нажал и, кажется, слегка свернул шею...

— Значит, Джек...

Мак-Намара кивнул.

— Мертвее некуда.

И он, все так же невозмутимо, снял перчатки.

— А теперь, детка, мы можем ехать в Томинтул.

Патриция была в полной прострации, она не могла взять в толк, как получилось, что из троих мужчин, разговаривавших в этом кабинете несколько часов назад, в живых остался один Малькольм, а ведь он-то и должен был умереть... Девушка смотрела на шотландца почти с неодобрением. Такой сильный, такой спокойный, такой по-детски наивный... ребенок, убивающий, сам того не замечая...

— Малькольм... Почему?..

— Но ведь он вас ударил, а это, детка, мне, понимаете ли, не по нутру... даже совсем не по нутру...

Патриция ломала голову, как бы лучше растолковать этому слишком большому младенцу, что убийство—страшное дело, но тут в дверь робко постучались и неуверенный голос Тома спросил:

— Я не нужен вам, патрон?

Шотландец, не говоря ни слова, прижался к стене, а Патриция все еще в шоке, была не в состоянии сосредоточиться на чем-либо, кроме только что пережитого. Том, явно удивленный, что никакого ответа не последовало, осторожно приоткрыл дверь и просунул в комнату сначала голову, а потом и плечи.

— Вы тут или нет, па...

Слова замерли на губах швейцара, когда он увидел тела Дункана и Дэвита, но отскочить и захлопнуть дверь не удалось.

— Бо-бо-боже милостивый!—пробормотал

Том и почувствовал, что взлетает. Позже он рассказывал, что подумал, не ураган ли начался в кабинете Дункана.

— Вам надо успокоиться, старина,—ласково сказал Мак-Намара, усаживая швейцара в кресло.

Тот, однако, никак не мог обрести желанное равновесие и взирал на Малькольма глазами, полными ужаса.

— Вы и... меня тоже... убьете...

Гигант добродушно расхохотался, и этот смех лучше любых слов успокоил Тома.

— Дэвита застрелил Дункан... а я чуть крепче, чем надо было, сжал горло Дункана, когда тот колотил мисс Поттер.

— Совсем чуть-чуть, да?

— Видно, он оказался хлипче, чем я думал.

— Да... похоже, что так...

Мак-Намара налил швейцару бокал виски, и тот залпом осушил его.

— Так что же все-таки тут произошло?

Малькольм доверчиво рассказал, как матрос со «Звезды Индии» передал ему сверток с героином, как Дэвит попытался этот сверток у него украсть, как Дункан поставил тут ловушку и какая произошла после всего этого свалка. Когда он замолчал, Том задумчиво проговорил:

— В конце концов вы только защищали свою жизнь.

— Вот именно.

— Но героин? Где он?

— Да вот—на столе лежит!

Швейцар дрожащей рукой погладил сверток.

— И что вы собираетесь...

— Мы сдадим его в полицию,—быстро вмешалась мисс Поттер.—Правда, Малькольм?

— Конечно...

Том взвесил на руке сверток.

— Здесь тысячи и тысячи фунтов... это

обеспечило бы нам хороший доход до конца жизни...

— Об этом я и не подумал!

— Нет, нет!—взмолилась Патриция.— Подумайте, сколько несчастья принесет этот герой! Если вы действительно меня любите, Малькольм, то никогда не сделаете такую подлость!

Мак-Намара глубоко задумался.

— Тысячи фунтов... можно было бы купить немало овец... Леонард Кент хочет продать свою ферму, а она чертовски здорово оборудована...

— Если вы продадите этот герой, Малькольм, вы меня больше не увидите.

Шотландец нежно улыбнулся девушке.

— Да нет, нет, я увезу вас в Томинтул, Патриция... Но, Том, я же никого не знаю, кому можно продать эту гадость?

— Не тревожьтесь об этом... я беру все на себя, и, коль скоро вы согласны, мы станем богачами!

— Думаю, что согласен, Том.

И в ознаменование только что заключенного договора шотландец взял волюнку и заиграл «Песню Моны». В это время Патриция, упав в кресло, горько оплакивала свои несбывшиеся мечты. Теперь уже никто и никогда не вытащит ее из этой среды, которая затягивает не хуже болота.

ИНСПЕКТОРЫ Блисс и Мартин все меньше понимали поведение своего шефа, суперинтенданта Бойланда. Хуже всего было то, что он слушал их рапорты так, будто совершенно не принимал всерьез. Первым не выдержал вспыльчивый Блисс.

— Но в конце-то концов, супер, мы следили за шотландцем днем и ночью. Мы видели, как он пришел в Дроу-док, встретился с матросом со «Звезды Индии» и как они вместе направились в «Разочарованного пирата». Все это происходило под пристальным наблюдением Питера Дэвита, совершенно не подозревавшего, что мы не спускаем с него глаз. Мак-Намара вышел из бара со свертком, которого у него прежде не было. А потом на Шафтсберри-авеню он принялся играть на волюнке.

Суперинтендант засмеялся.

— Признайтесь, Блисс, этот парень— большой оригинал!

— Оригинал или нет, супер, но в первую очередь он— торговец наркотиками. А меня, извините, все, что связано с этим делом, ничуть не смешит!

— Не надо нервничать, инспектор.

— Стараюсь, супер, но это нелегко... Наконец его привела на пост, шотландец повел очень хитрую игру, и в результате свертки развернули...

— Что же там было?—понтересовался Бойланд.

— Леденцы.

Суперинтендант плакал от смеха, а Блисс едва сдерживал готовое сорваться ругательство.

— Вы себе представляете, Блисс, весь или почти весь Ярд, приведенный в полную боевую готовность из-за этого любителя конфет?

— Согласен, шеф, но все это слишком дико и нелепо, чтобы тут не крылось что-нибудь очень серьезное! И мы с Мартином уверены, что в свертке, который Мак-Намара получил от матроса на следующий день, было кое-что совсем другое!

— Очень возможно.

Ошеломленные инспекторы переглянулись.

— Так мы его арестуем?—спросил Мартин.

— Нет.

— Но ведь все-таки, шеф...

— Нет, мистер Мартин, как я уже говорил, ваш шотландец меня несколько не интересует.

— Но...

— Прежде всего мне нужны Дункан и Дэвит, а затем тот, кто их покрывает и снабжает наркотиками весь Сохо. Видите ли, джентльмены, я убежден, что Мак-Намара— лишь орудие в руках известных вам людей. Всему этому должно быть какое-то объяснение, и рано или поздно мы его найдем.

— Ну, а пока что прикажете делать?

— Не спускайте глаза с шотландца, а главное—внимательно следите за посетителями «Гавайской пальмы». Если шотландец и впрямь притаился из дока героин, то его попытаются распределить. Вот тут-то и настанет время вмешаться. Ах да, можете доставить себе небольшое развлечение— арестуйте и допросите того матроса по всем правилам!

Том и Малькольм ушли. Им надо было как-то отделаться от трупов Дункана и Дэвита. Сидя одна в запертой «Гавайской пальме», Патриция мучительно раздумывала, как ей избавиться Малькольма от искушения и спастись самой. Девушке было ясно, что для Мак-Намары продажа героина— только способ поуютнее устроиться вместе с ней в Томинтуле, и идилические картинки будущего счастья совершенно скрывают от него всю гнусность такого способа зарабатывать деньги. Если она, Патриция, ничего не предпримет, то шотландец обрушит на свою голову месть банды, промышляющей наркотиками, а это куда страшнее, чем попасть в полицию. Видимо, дурачок горец даже представить не может, что убийцы доберутся до него и в Томинтуле! Но что делать? Проблема казалась неразрешимой, и, когда вернулись мужчины, Патриция так и не нашла выхода.

Мак-Намара ночевал, как обычно, в «Нью Фэшэнбл». Утром его блаженный сон нарушил Эдмунд. Он сказал, что шотландца зовут к телефону, имени не назвали, но сказали, что звонят от Дункана. Малькольм, даром что шотландец, никак не верил, будто покойники пользуются телефоном для связи с живыми. Сильно заинтригованный, он спустился вниз и подошел к конторке, где стоял единственный на всю гостиницу телефон.

— Мак-Намара слушает.
 — Из каких краев вы приехали, мистер Мак-Намара?
 — Из Томинтула, а что?
 — Что вы пили в «Разочарованном пирате»?
 — Вам какое дело?
 — В ваших же собственных интересах— ответить мне, мистер Мак-Намара.
 — Допустим... я пил мятную настойку.
 — Теперь мне ясно, мистер Мак-Намара, что я ищу именно вас.
 — Ищите меня?
 — Да, чтобы сообщить, что нам все известно насчет Дункана и Дэвита.
 — Вы их родственники?
 — Нет, они были в моем подчинении, и это куда серьезнее...
 — Для кого?
 — Да для вас же, мистер Мак-Намара.
 — Это еще почему?
 — Потому что благодаря вам эти джентльмены получили одну вещь, принадлежащую нам, и эта вещь стоит очень дорого... Очень дорого, вы слышите меня, мистер Мак-Намара? Гораздо дороже, чем жизнь двух-трех людей.
 — Трех?
 — Третьим можете стать вы, мистер Мак-Намара.
 — А знаете что, старина, я ведь не кисейная барышня!
 — Нам это известно, мистер Мак-Намара, но и мы тоже не мальчки. И все же мы считаем разумным оплатить риск, которому вы подвергались... и не станем возражать, чтобы вы получили... допустим, половину комиссионных, полагавшихся Дункану. Согласны?
 — Очень уж вы торопитесь... Во-первых, кто вы такой? Хозяин Дункана?
 — Скажем, я его представитель, мистер Мак-Намара. Прнезжайте в «Стегхаунд» на Саттон-стрит и спросите мистера Лайонела Брауна. Я буду ждать.
 — Когда приехать?
 — Немедленно.

Прежде чем отправиться на Саттон-стрит, Малькольм привел себя в порядок и позвонил Патриции. Ему хотелось ввести девушку в курс дела, а заодно тщеславный шотландец был не прочь показать, что он был-таки прав и скоро станет самым богатым овцеводом в графстве Банф. Патриция умоляла его подумать, объясняла, что это наверняка ловушка, но тот только смеялся: еще никому не удавалось обвести вокруг пальца Малькольма Мак-Намару! Мисс Поттер поняла, что спорить бесполезно, и повесила трубку. Ей было ясно, что тот, кому подчиняется Дункан, не позволит себя обокрасть безнаказанно. По мнению Патриции, Малькольм шел на верную смерть... Но ведь она любит его и не хочет, чтобы он погиб! И вот тогда-то мисс Поттер побежала в Ярд, где, как она догадывалась, любые сведения о торговле наркотиками не оставят без внимания. Она надеялась выторговать свободу своему большому младенцу из Томинтула, рассказав полицейским, где они могут найти героя.

Появление Мак-Намары в «Стегхаунде» вызвало некоторое оживление. Официант сразу подбежал принять заказ, но шотландец ответил, что желает видеть мистера Лайонела Брауна. Едва Малькольм произнес это имя, как, отодвинув официанта, перед шотландцем с легким поклоном возник джентльмен.

— Мистер Мак-Намара, я полагаю?
 — Он самый.
 — Лайонел Браун—это я. Вы позволите?
 С этими словами Браун уселся напротив шотландца, заказал выпивку и, прежде чем начать разговор, подождал, пока их обслужат.
 — Мистер Мак-Намара, позвольте вам заметить, вы очень нехорошо поступили с господами Дунканом и Дэвитом.
 — Только с Дунканом, потому что Дэвита застрелил как раз Дункан...
 — Мы в курсе дела... но эти джентльмены были не только нашими друзьями, они работали на нас... То, за чем вас посылали, принадлежит нам. Вы это понимаете?

— Почему это я должен верить вам на слово?
 — Прошу прощения, мистер Мак-Намара, но вы будете глубоко не правы, затевая такую опасную игру.

— А я люблю опасные игры, мистер Браун.

— Следует ли из этого, что вы отказываетесь от предложения, сделанного мной по телефону?

— Я стану говорить только с самим хозяином!

— Но это невозможно!

— В таком случае товар останется у меня.

— Это ваше последнее слово?

— Последнее.

— Жаль...

В Ярде Патриция сказала, что хочет поговорить с начальником отдела по борьбе с наркотиками насчет «Гавайской пальмы». Ей повезло: ни Блисса, ни Мартина не оказалось на месте, и девушку проводила прямо в кабинет Бойланда. Суперинтендант встретил ее с изысканной любезностью.

— Вы из «Гавайской пальмы», мисс Поттер?

— Да.

— Значит, вас послал Дункан?

— Дункан умер.

— Вот как?

— И Питер Дэвит тоже...

— Ого-го! Да это настоящая бойня! Может, вы знаете убийцу?

— Да.

— Его имя!

— Малькольм Мак-Намара.

Бойланд изумленно присвистнул.

— Вернее, он убил только Дункана, но тот сам пытался убить его!—быстро проговорила Патриция.—А Питера Дэвита убил Джек.

— Расскажите мне всю эту историю по порядку, мисс Поттер.

И Патриция рассказала все: от прибытия Мак-Намары в «Нью Фэшэнбл» и до свидания, назначенного шотландцу в «Стегхаунде». Попутно она призналась, что это Дэвит убил инспектора Полларда, Джанет Банхилл и Сэма Блума. Суперинтенданту пришлось много писать. Когда Патриция закончила рассказ, он спросил:

— Скажите правду, мисс Поттер, почему вы решили прийти ко мне?

— Я не хочу, чтобы они убили Малькольма!

— Так вы любите этого шотландца?— благодушно поинтересовался Бойланд.

— Да, а кроме того, я не желаю, чтобы он ввязывался в торговлю наркотиками... Я даже предпочла бы, чтобы его ненадолго посадили в тюрьму... Скажите, вы ведь не дадите ему большой срок?

— Только при условии, что мы арестуем его раньше, чем он успеет продать героин. К тому же, как ни грустно мне об этом говорить, но и вам самой придется отвечать перед законом...

— Это мне безразлично, лишь бы удалось спасти Малькольма и он вернулся в Томинтул!

— Мисс Поттер... а где героин?

— В моей комнате.

— Отлично. Благодарю вас за помощь...

Да, кстати, а где тела Дункана и Дэвита?

— Не знаю. Их унесли Малькольм и Том, швейцар «Гавайской пальмы». Наверно, бросили в Темзу...

— Я тоже так думаю. Не очень-то это облегчит участь вашего шотландца! Единственное, чем вы можете смягчить сердца судей,—не говорите ему ни слова о нашей беседе. Можете во всем положиться на нас: что бы ни случилось и что бы вы ни думали обо всем этом, не сомневайтесь—мы сделаем все возможное для спасения вашего Мак-Намары. Договорились?

— Я согласна.

— Тогда возвращайтесь домой, мисс Поттер, и не теряйте доверия к Скотленд-Ярду. Для нас Мак-Намара — мелкая дичь по сравнению с тем, кого мы пытаемся выследить уже много лет. Вы, конечно, не знаете, кто стоит во главе торговли наркотиками?

— Нет, к сожалению...

Вернувшись в «Гавайскую пальму», Патриция обнаружила там сильно взволнованного Малькольма. Он рассказал ей о своей встрече с Брауном. Патриция попыталась было вразумить Мак-Намару, но он твердо стоял на своем.

— Поймите же, дорогая, если мне удастся добраться до самого таинственного шефа, короля наркотиков, я смогу получить половину всех денег и мы будем чертовски богаты!

— Разве что вас сразу не убьют!

— Ну, об этом и речи быть не может!

— Малькольм... нам не нужны эти деньги!

— Да ведь глупо же бросать на дороге целое состояние!

— Но этот героин отравит сотни людей...

— А почему я должен беспокоиться за чужое здоровье?

— Малькольм... я вас полюбила потому, что считала совсем другим... Но сейчас начинаю думать, что вы стоите не больше тех... Делайте, что хотите, но на меня больше не рассчитывайте! Я не поеду в Томинтул. Прощайте, Малькольм, мы больше не увидимся!

— Да нет же, нет...

— Никогда!

— А я так уверен, что мы еще увидимся, детка...

Патриция ушла, сильно хлопнув дверью. Как только она вышла из комнаты, шотландец позвал Тома и объяснил, что, с его точки зрения, непосредственные переговоры с шефом Дункана сулят наибольшие выгоды. Швейцар одобрил план.

— Но как добраться до этого типа? Его же почти никто не знает!

— В этом-то вся штука...

— Среди мелких торговцев у меня полно приятелей, но все они зависели от Дункана —он их снабжал. Никакой надежды, что кто-то из них хотя бы подозревает, где искать большого босса.

Оба погрузились в мрачные размышления.

— В таком случае,—сказал наконец Мак-Намара,—придется действовать через этого Брауна, хоть мне это и не очень по душе.

— Мне тоже! Но что еще мы можем придумать?

— Есть у меня одна мысль, Том... Эдмунд, слуга в «Нью Фэшэнбл», говорил мне о враче, который будто бы спасает наркоманов. Есть такой?

— Да, Эдмунд.

— Раз этот тип много лет выслушивает исповеди наркоманов, может, есть какая-то надежда через него добраться до того, кого мы ищем?

— Сомневаюсь... иначе эскулап давно перебрался бы на тот свет. Но все-таки почему не попробовать?

Мартин и Блисс предстали перед суперинтендантом с таким торжествующим видом, что Бойланд чуть не рассмеялся.

— Ну, инспекторы, что нового?

Блисс принялся рассказывать.

— Мы арестовали этого матроса со «Звезды Индии». Он не стал очень упрямым и в конце концов признался, что передал Мак-Намаре десять кило героина.

— Десять кило? Черт возьми!

— Вот-вот, шеф, более того, этот матрос любезно сообщил нам, по чьему приказу передал это сокровище шотландцу. Так вот, приказ передал Питер Дэвит, а действовал он, само собой, от имени Дункана.

— Интересно!

— Еще бы! На сей раз, шеф, я думаю, они у нас в руках, и мы сможем наконец отомстить за Полларда.

— И что вы предлагаете, мистер Блисс?

— Мы с Мартином, прихватив несколько человек, двинемся в «Гавайскую пальму» и для начала арестуем Дункана и Дэвита.

— Это невозможно.

— Но почему?

— Оба они умерли. Кстати, позвоните в речную полицию, Мартин, и попросите поискать в Темзе два тела.

Блисс и Мартин долго не могли прийти в себя от удивления. Первым обрел дар речи Мартин:

— А как они умерли, шеф?

— Мистер Дункан по ошибке пристрелил мистера Дэвита, а мистер Мак-Намара преспокойно задушил мистера Дункана, который грубо обошелся с мисс Поттер. Кажется, он даже простер свою любезность до того, что сыграл в честь мистера Дункана небольшой гимн на волынке, а уже потом прикончил. Этот шотландец необычайно деликатен... вы не находите?

Блисс, который был совершенно лишен чувства юмора, вскричал:

— Деликатен он или нет, а мы его арестуем по обвинению в убийстве и торговле наркотиками! Этого достаточно, чтобы отправить его на виселицу или за решетку до конца дней! Позвольте заметить, шеф, я первый обратил ваше внимание на этого шотландца!

— Признаю, мистер Блисс.

— А вы не дали мне его арестовать!

— Я и теперь не позволю вам это сделать, мистер Блисс.

— Что???

— Наша единственная возможность добраться до главаря банды—этот шотландец. И я запрещаю вам чинить ему какие-либо препоны. Вы меня хорошо поняли, мистер Блисс?

— Согласен, шеф, но... потом?

— Потом вы его получите.

— Тогда мы ничего не теряем от небольшой отсрочки.

— Не сомневаюсь. Но сейчас вы должны приложить все силы и способности и ни на шаг не упустить из виду Мак-Намару. И никто, слышите, никто не должен это заметить! Если вы провалите это дело, я вам не завидую, джентльмены! Да, кстати, можете закрыть дела Полларда, Банхилл и Блума. Всех их убил Дэвит, но его больше нет.

Мартин, хоть и был скромнее своего коллеги, не сдержался:

— А вы... уверены в этом, шеф?

— У меня нет никаких оснований не доверять сообщению мисс Поттер.

— Так это она?..

— Да, она. Ей пришлось присутствовать почти при всех событиях с начала и до конца.

— Но, шеф, с чего ей вдруг вздумалось нам помогать? Чтобы самой выпутаться?

— Нет, потому что она любит Мак-Намару.

Блисс захихикал.

— В свадебное путешествие они поедут в тюрьму!

— А еще потому, что мисс Поттер очень славная девушка, просто ей крепко не повезло.

— Ну да, как же!

— Видите ли, мистер Блисс, мне кажется, вы не совсем правильно понимаете роль полиции. Придется мне как-нибудь выбрать время и объяснить что к чему. Но это будет в тот день, когда вы не испортите мне настроение, а значит, не сегодня!

Когда Мак-Намара вошел в кабинет доктора Эдэмфиса, врач подскочил.

— Черт возьми! Только не говорите, что вы больны!

— Успокойтесь, доктор, я отродясь не болел... когда имеешь дело с овцами, просто нет времени...

Врач не совсем уловил связь между здоровьем своего пациента и овечьим племенем, но, как человек, привыкший к любым странностям, не стал спрашивать объяснений.

— Однако, если вы ничем не страдаете, мистер...

— Мак-Намара. Малькольм Мак-Намара из Томинтула.

— Так чем я могу быть вам полезен, мистер Мак-Намара?

— Можно присесть?

— О, прошу вас! Извините.. слушаю вас, мистер Мак-Намара.

— Говорят, доктор, вы особенно интересуетесь наркоманами и пытаетесь вылечить их, с тех пор как ваша...

— Прошу вас, мистер Мак-Намара, не говорите мне об этом... я пытаюсь забыть... хотя бы на работе... Что вы от меня хотите? Вы ведь, конечно, не наркоман?

— По счастью, нет... Просто у меня возникли кое-какие осложнения... даже очень серьезные... с теми, кто управляет всеми этими делами в Сохо...

— Тогда будьте осторожны! Эти люди, совершенно не ведающие жалости... не способные ни на какие человеческие чувства... Их интересуют только деньги!

— Вот в деньгах-то все и дело.

Врач удивленно воззрился на шотландца.

— Но я, право же, не понимаю, почему вы сочли необходимым...

— Я подумал, раз вы столько лет возитесь с наркоманами, то должны были бы узнать или угадать, кто ведет всю игру и с кем мне необходимо встретиться, чтобы обо всем договориться.

Эдэмфис покачал головой.

— Нет... я ничего не знаю. Больные верят мне и приходят за помощью только потому, что знают: я не стану пытаться выведать их тайны. Очень сожалею, мистер Мак-Намара, но... если бы я знал имя человека, погубившего мою дочь, то давно убил бы его собственными руками!

Немного расстроенный неудачей, шотландец направился в «Гавайскую пальму» рассказать о своих злоключениях Патриции. Но молодой женщины там не было. Том сказал, что она недавно ушла, поговорив с кем-то по телефону. Узнав от Малькольма, что доктор Эдэмфис не смог сообщить им ничего нового, швейцар покачал головой.

— Так я и думал... что ж, кажется, нам не остается ничего другого, как принять предложение этого Брауна... Да! Все равно каждый из нас получит кругленькую сумму. Лучше не зарываться и остаться живыми!

Зазвонил телефон. Том снял трубку, послушал и подозвал Малькольма.

— Это вас?

— Кто?

— Понятия не имею.

— Кто говорит?—спросил шотландец.

— Это вы, мистер Мак-Намара?

— Да. А вы кто такой?

— Тот, кого вы ищете.

— Вы... хотите сказать... самый главный босс?

— Если вам нравится так называть меня, то да. Браун рассказал мне о ваших требованиях, они смешотворны, мистер Мак-Намара!

— Я так не думаю!

— Ну что ж, вы ошибаетесь.

— Это по-вашему!

— Вот что, ваши претензии так же смешны, как поход к этому болвану Эдэмфису! Вам следовало бы знать, что, если бы старому дураку было хоть что-то известно, мы бы давно его убрали... и очень быстро.

— Как Полларда? Как Блума? Как Джанет Банхилл?

— Вот им енню.

Шотландец судорожно соображал. При всей своей самоуверенности он должен был признать, что нарвался на слишком крепких противников.

— Послушайте...

— Кажется, я только этим и занимаюсь, мистер Мак-Намара.

— Я согласен на предложение Брауна.

Малькольм услышал ехидный смехок.

— К несчастью, не согласен я.

— Да? И сколько вы предлагаете?

— Ничего!

— Вы что, с ума сошли?

— О нет, мистер Мак-Намара!

— В таком случае героин останется у меня.

— А у меня—мисс Поттер.

— Что?

— Вы прекрасно слышали. У вас—героин, у меня—мисс Поттер. Предлагаю простой обмен.

— А если я откажусь?

— Мисс Поттер отправится к Дункану и Дэвиту.

— Ваша взяла.

— Я всегда говорил, что шотландцы—самые разумные люди на свете. Сегодня в восемь вечера идите туда, где вы встречались с мистером Брауном. Закажите бокал стаута, выпейте половину и идите в туалет. Мистер Браун будет ждать и ответит вас ко мне.

— А как вы докажете, что это не обычная ловушка?

— Хотите послушать мисс Поттер?

И почти сразу же в трубке послышался взволнованный голос Патриции.

— Не думайте обо мне, Малькольм! Меня все равно убьют! Если вы придете, прикончат и вас тоже... Так не приходите же!

— Никто меня не убьет, Патриция... да и у вас тоже нет никаких причин умирать. Ведь должен же я отвезти вас в Томинтул!

— Ох, Малькольм, умоляю вас, очнитесь же, посмотрите на вещи реально! Нельзя быть до такой степени ребенком! Я люблю вас, Малькольм, и именно потому, что люблю вас, прошу: не приходите! Прощайте, Малькольм... прощайте, дорогой... будьте счастливы!

— Мое счастье—это вы, Патриция... И не волнуйтесь, мы еще увидимся, детка...

Трубку снова взял гварьер банды.

— Я слушаю ваш разговор с мисс Поттер, Мак-Намара. Не обращайте внимания на ее слова. Мисс Поттер испугана, а страх мешает соображать. Вы поступите правильно, не поддаваясь на уговоры.

— Ну, если я что решил, меня не так-то просто сбить, а я твердо решил забрать у вас Патрицию.

— И вернуть мне пакет?

— Да.

— Отлично. Сейчас рядом со мной как раз сидит наш американский покупатель, и он бы очень рассердился, узнав, что зря пересек Атлантику. До вечера.

— До вечера.

Шотландец повесил трубку. Том нетерпеливо спросил:

— Ну?

— Все полетело к чертям!

— Как так?

— Они похитили мисс Поттер.

— Очень досадно, но какое отношение это имеет к нашему договору?

— Они вернут Патрицию только в обмен на героин.

— И вы согласились?

— А что я еще мог сделать?

— Вы заплатите мою долю?

— Где ж я возьму такую сумму денег?

— По-вашему, честно, чтобы я разорился из-за какой-то девчонки, до которой вовсе нет дела?

— Том, старина, вы начинаете действовать мне на нервы...

— Вот несчастье-то...

Швейцар вытащил из кармана револьвер.

— Самые лучшие шутки—короткие, мистер Мак-Намара. Вас этому не учили в Томинтуле?

— Да, конечно... а разве вас не предупреждали, что играть с огнестрельным оружием опасно?

— Только не для того, кто держит это оружие в руках! А ну, хватит паясничать, проклятый шотландец! Пошли за пакетом, и живо!

— А ведь вы мне нравились, Том...

— Ну а вы станете мне куда милее, когда отдадите героин.

— А Патриция?

— Это ваше личное дело. Как человек скромный, не стану в него лезть...

Один за другим они направились в комнату мисс Поттер. Малькольм подошел к постели.

— Вы могли бы и без меня найти этот пакет, старина.

— А где он?

— Под кроватью.

— Ну и ну! Прятать такое сокровище под кроватью! Все-таки вы чокнутый, честное слово! Ну? Чего вы ждете? Давайте пакет!

Мак-Намара наклонился. Том имел неосторожность подойти слишком близко, и Мак-Намара, опершись об изголовье, нанес ему резкий удар. Швейцар отлетел, вопя от боли. Почти одновременно шотландец прыгнул и сделал молниеносный прямой выпад правой. Том оказался в нокауте. После этого Мак-Намара связал его по рукам и ногам и только тогда принялся приводить в чувство.

— Мне всегда советовали держать ухо востро в шотландцами,—с горечью заметил швейцар, приходя в себя.

— Не стоит пренебрегать добрыми советами, старина.

Мак-Намара подхватил связанного противника и уложил на кровать.

— Вот так-то, старина, мисс Поттер вас освободит...

— А если она не придет?

— Значит, ни она, ни я уже не будем принадлежать этому миру.

— Думаете, меня это утешит?

Блисс передал суперинтенданту Бойланду запись телефонного разговора Мак-Намары.

— На сей раз, шеф, мы захватим их всех с полицием!

— Благодаря шотландцу.

— Да ведь...

— Это значит, мистер Блисс, что если бы этот парень не прибрал героин и не будь он влюблен в мисс Поттер, у нас не было бы ни малейшего шанса добраться до того, кто нас интересует и кого до сих пор никак не удавалось поймать.

— Но разве ж это повод простить Мак-Намару попытку торговать наркотиками?

— Разумеется, нет!

— В таком случае, шеф, я согласен!

— Вы меня просто осчастливили, мистер Блисс.

— Если удастся накрыть всю компанию, мы обязательно поблагодарим шотландца, прежде чем надеть на него наручники.

Перед уходом из «Гавайской пальмы» Малькольм накормил и напоил пленника. Покончив с этой процедурой, он похлопал Тома по щеке.

— Самое лучшее для вас сейчас—это заснуть, старина. И не забудьте хорошенько помолиться, чтобы небо помогло нам с мисс Поттер выпутаться из этой истории.

Открыв дверь «Стегхаунда», Мак-Намара громко возвестил: «Привет, это спать я!» Завсегдатаи ответили улыбками Малькольму, как ему и было приказано, сначала заказал стаута и выпил полбокала, а уж потом с пакетом под мышкой пошел в туалет. Он не сомневался, что в это время хозяин «Стегхаунда» звонит главарю банды и сообщает, что все идет по плану. В туалете шотландец успел тщательнейшим образом вымыть руки и от души налюбоваться собственным отражением в зеркале—мистер Браун не торопился. Наконец он пришел.

— Здравствуй, Мак-Намара! Вы были не правы, отказавшись от моего предложения. Надо полагать, жители Томинтула считают себя намного хитрее лондонцев?

— Всякое бывает, старина, разве нет?

Ни тот, ни другой (по крайней мере, так казалось) не заметили, что дверь одной кабинки приоткрылась, будто кто-то хотел взглянуть на них, сам оставаясь невидимым.

— Пойдемте, Мак-Намара?

— Куда?

— Туда, где находится мисс Поттер. Ведь вы этого и хотите, не так ли?

— Следую за вами.

— Ошибочка, джентльмен, первым пойдете вы!

Они спустились в погреб «Стегхаунда», крепко пропахший пивом, пересекли его и очутились у крохотной дверцы, через которую шотландец протиснулся с превеликим трудом. За дверью оказался сначала коридор, затем—лестница. Спутники поднялись вверх, и Мак-Намара понял, что они попали в другое здание. Классический, но всегда оправдывающий себя трюк! Наконец мужчины остановились перед дверью. Браун толкнул ее. И снова лестница, ведущая в подвал, а потом—сводчатый погреб, освещенный электрической лампочкой.

— Свидание назначено здесь, Мак-Намара,—объявил Браун.

— Где мисс Поттер?

— Терпение!

— Малькольм, вы все-таки пришли?

Шотландец обернулся. Перед ним стояла Патриция.

— Хэлло, дорогая! Неужели вы умеете проходить сквозь стены?

— Нет, к сожалению... меня втокнули в ту дверцу... Ох, Малькольм, почему вы меня не послушались?

— По-моему, я все сделал чертовски хорошо, нет?

— Но неужели вы не понимаете, что нас никогда не выпустят отсюда живыми?

— Почему? Я же отдал героин, а ведь этого они и хотели, кажется.

Патриция разрыдалась.

— Малькольм, бедный мой Малькольм, вы так никогда и не узнаете, что в Сохо нельзя жить, как в Томинтуле!

— По-моему, уж очень вы все усложняете, детка... Ну вот, мистер Браун, я кладу пакет на стол... а теперь мы с мисс Поттер уходим.

Мистер Браун улыбнулся.

— Боюсь, что это невозможно, мистер Мак-Намара.—Продолжая говорить, мистер Браун отошел на два шага и выхватил пистолет. — Жаль, конечно, но мы не можем позволить вам смыться. Уж очень много лишнего вы знаете... Я вынужден взять на себя тяжелую обязанность застрелить вас обоих, а такая перспектива, можете поверить, не доставляет мне радости...

— И мне тоже...

— У вас, оказывается, есть чувство юмора!

— В Томинтуле, если уж заключают договор, то выполняют условия.

— К несчастью для вас, мы не в Томинтуле.

— Я уверен, что ваш патрон ничего не знает о...

— Ошибаетесь, Мак-Намара, Браун никогда не действует без моего приказа!

Шотландец посмотрел на человека, вошедшего через ту же дверь, что мисс Поттер, и остолбенел.

— Так... значит, это вы... тут хозяин?

— М-м-м... да.

— Ну, знаете, и крепкий же вы орешек, доктор Эдэмфис!

— Благодарю.

— Стало быть, вся эта история с вашей дочерью... враки?

— Не совсем... она оказалась умнее, чем ищейки из Ярда... и догадалась, что это я кручу всеми делами... и, дурочка, стала моей клиенткой, так что я ничего не знал... хотела, видите ли, забыть, кто ее отец... слабый дух. А я не люблю ни слабых, ни наивных! Потому и отправлю на тот свет и вас, и мисс Поттер.

— Как того полицейского, о котором мне говорила Патриция? И как ту девушку?

Эдэмфис довольно рассмеялся.

— Ярд далек от того, чтобы заподозрить доброго доктора, который бросается на помощь всем наркоманам и старается их вылечить... на самом деле я рассылаю их к своим людям... И этот Поллард притащился ко мне за поддержкой, чтобы меня же самого и поймать! Забавно, правда? Я сразу понял, что Банхилл расколется, а потому, как только шпик вышел, дал сигнал Дункану... вот и не стало ни Полларда, ни мисс Банхилл...

— Какая гнусность!

— Ну, уж это мне совершенно безразлично, мистер Мак-Намара. Как и Браун, могу сказать, что необходимость вас ути-чтожить меня огорчает... потому что вы

оказали мне большую услугу— и не только забрав из дока героин, но и устранив от дележа Дункана с Дэввитом. Жаль, что вы так любите мисс Поттер... грустно за вас и... за нее.

Эдэмфис тоже вытащил пистолет.

— Я прекрасно стреляю, Мак-Намара, вы не будете мучиться.

Патриция бросилась между доктором и Мак-Намарой.

— Убейте меня, доктор, но не его... он уедет в Томинтул, к своим овцам... вы о нем больше никогда не услышите...

— Невозможно, мисс Поттер, я слишком дорожу своей свободой!

Малькольм ласково отстранил молодую женщину.

— Спасибо, дорогая, но не волнуйтесь, он никого не убьет.

Эдэмфис прицелился.

— Как хорошо умереть, сохраняя иллюзии, Мак-Намара.

— Минуточку!—в подвал все через ту же дверь проскользнул еще один человек.

Эдэмфис раздраженно повернулся к нему.

— Что на вас нашло, О'Рурке?

— Да то, что я вовсе не желаю быть замешанным в убийстве.

Он вытащил пачку долларов в крупных купюрах.

— Вот деньги, док, гоните товар и дайте мне пять минут на то, чтоб смыться. Потом делайте что хотите.

Эдэмфис пожал плечами.

— Ладно... Мак-Намара, передайте пакет нашему заокеанскому гостю. Только без глупостей, иначе мы с Брауном стреляем!

Шотландец взял со стола сверток и протянул О'Рурке. Тот подошел и уже потянулся за героином, но встретился глазами с Малькольмом. Американец, как ужаленный, с воплем отскочил.

— О господи!

Все испуганно смотрели на него, не понимая, что случилось.

— В чем дело, О'Рурке?—рявкнул врач.

— И вы еще спрашиваете? Вам известно, кто этот тип?

— Овцевод из Томинтула, графство Банф.

— Ну и хороши же вы!.. Ваш овцевод— это Малькольм Мак-Намара, самый опасный из агентов отдела по борьбе с наркотиками!

На мгновение все пришли в замешательство, и шотландец этим воспользовался. Одним прыжком он кинулся на О'Рурке. Эдэмфис выстрелил, но пулю получил не Малькольм, а американец, и подвал огласил его отчаянный визг. Браун тоже собирался спустить курок, но его остановила автоматная очередь с лестницы. Послышался лаконичный приказ:

— Бросьте оружие, Эдэмфис, или вам конец.

Доктор, секунду поколебавшись, кинул пистолет. И тут же подвал заполнили полицейские.

— Вы чуть не опоздали, Бойланд!— только и заметил, поднимаясь с земли, Мак-Намара.

НАЧИТ, вы возвращаетесь в Томинтул, Малькольм?

— Конечно... и притом надеюсь, что вы больше не явитесь туда за мной. Хочу жить

среди своих овец и только.

— Для нашей службы это очень печально, но я не могу не одобрить ваше решение и даже завидую.

И шотландец стал прощаться со своим другом, суперинтендантом Бойландом.

— Надеюсь, вы оставите в покое мисс Поттер?

— Она уже вернулась к себе. У меня нет ни малейшего желания хоть чем-то огорчить будущую миссис Мак-Намара. Я правильно вас понял?

— В самую точку, старина!

Патриция вернулась в «Гавайскую пальму» в сопровождении инспектора Мартина — тот счел нужным прочитать девушке душевительную лекцию и, таким образом, проводил до самой комнаты, где и обнаружил приятный сюрприз в виде крепко связанного Тома. Инспектору оставалось лишь вызвать машину и сдать голубчика с рук на руки. Потом он помог мисс Поттер уложить и погрузить в такси чемоданы. Девушка собиралась поехать на Паддинский вокзал, сесть на поезд и отправиться в родной Уэльс. А полицейский после ее отъезда принялся за тщательный разбор бумаг Дункана. За этим занятием и застал его Мак-Намара.

— Где мисс Поттер?

— Уехала.

— Уехала?

— Да, прихватив чемоданы... по-моему, это навсегда.

— А вы случайно не знаете, в какую сторону?

Мартин улыбнулся.

— Паддинский вокзал... и, если память мне не изменяет, поезд на Свенси отходит только через полчаса.

Когда поезд тронулся, Патриция почувствовала комок в горле. Она вспомнила о своей прежней наивной мечте завоевать Лондон с помощью Дункана и о том, что еще только вчера верила, будто на свете существуют такие люди, как Малькольм... Патриция не собиралась плакать, но это оказалось сильнее ее. Сердятся на самое себя, девушка глотала слезы, шмыгала носом и никак не могла открыть сумочку. Неожиданно у самых ее глаз оказался платок. Не обращая внимания на такую странность, Патриция взяла платок и, промокнув глаза, пробормотала:

— Спасибо.

— Всегда к вашим услугам, мисс...

Этот голос... Патриция подняла голову. Перед ней, загораживая весь проход, стоял улыбающийся Мак-Намара.

— Вы?

— По-моему, дорогая, вы выбрали довольно странный путь, чтобы добраться до Томинтула!

— Я никогда не поеду в Томинтул!

— Досадно... я уже взял билеты... а шотландцы, дорогая, не любят швырять деньги на ветер. Мы выйдем в Хединге и вернемся в Лондон.

— Нет!

— Да!

Малькольм вошел в купе, поставил чемодан на сетку и уселся напротив мисс Поттер.

— Почему вы решились сбежать, Патриция?

— Я не хочу больше вас видеть.

— Но почему? Я думал, вы меня любите...

— Я любила не вас, а того овцевода, который всему и всем верил.

— Так чем же я изменился?

— Вы оказались легавым! Вы обманули меня!

— Ошибаетесь... Долгое время я действительно был агентом бригады М1—5, но три года назад ушел в отставку. Это Бойланд приехал ко мне в Томинтул и уговорил помочь уничтожить банду торговцев наркотиками в Сохо. Я несколько не изменился, Пат, и по-прежнему вас люблю.

— Но зачем вам понадобилось играть такой невероятный персонаж?

— Во-первых, потому что я и вправду такой, а во-вторых, я точно знаю: хочешь действовать незаметно—привлеки к себе как можно больше внимания. В Ярде знали, что центр торговли наркотиками в Сохо—«Гавайская пальма». Мне требовалось проникнуть туда, не возбудив подозрений. Вот я и сочинил, будто таскаю с собой кучу денег—знал ведь, что у покойного Сэма Блума от этого слюнки потекут. Бойланд сказал мне, что «Нью Фэшнзбл» и «Гавайская пальма» связаны, поэтому мне и надо было остановиться в этой жалкой гостинице... И тут моя роль наивного горца очень помогла. Я решил кататься на такси, пока не попаду куда надо. О вас я тоже знал и собирался изобразить безумную влюбленность. Не мог же я предвидеть, что попадусь в собственную ловушку!

— Хотя на этот раз, Малькольм, вы говорите правду?

— А иначе зачем бы я повез вас в Томинтул? Кстати, я просил Бойланда не говорить обо мне ни одной душе—и какую же кучу неприятностей с полицией это навлекло на мою голову!

— Как вы узнали, что я еду на этом поезде?

— Разве я не обещал вам, что мы еще увидимся, детка!

Тут Патриция снова расплакалась, а Малькольму, естественно, пришлось обнять ее крепче и успокоить.

Начальник поезда Дональд Стивенс мирно дремал и грезил о том, что его жена Мод приготовит на ужин. Но эти гастрономические мечты грубо нарушил контролер Джонсон. Джонсон был новичком, а Стивенс недолго любил молодых людей, в которых чувствовал потенциальных конкурентов. На сей раз контролер выглядел совершенно ошарашенным.

- Мистер Стивенс! Мистер Стивенс!
- В чем дело? Что случилось? Пожар?
- Нет, шотландец.

— Хоть я и не особенно доверяю этим горцам, мистер Джонсон, но все же не понимаю, почему присутствие одного из них заставляет вас опасаться аварии!

— Но... мистер Стивенс, дело в том, что он устроил скандал!.

— Скандал?

— Ну да; сидит, нежно обнявшись с дамой, и играет на волынке. Пассажиры давятся в коридоре, чтобы взглянуть на это зрелище... и к тому же, в нарушение порядка, их набилось в купе двенадцать человек!

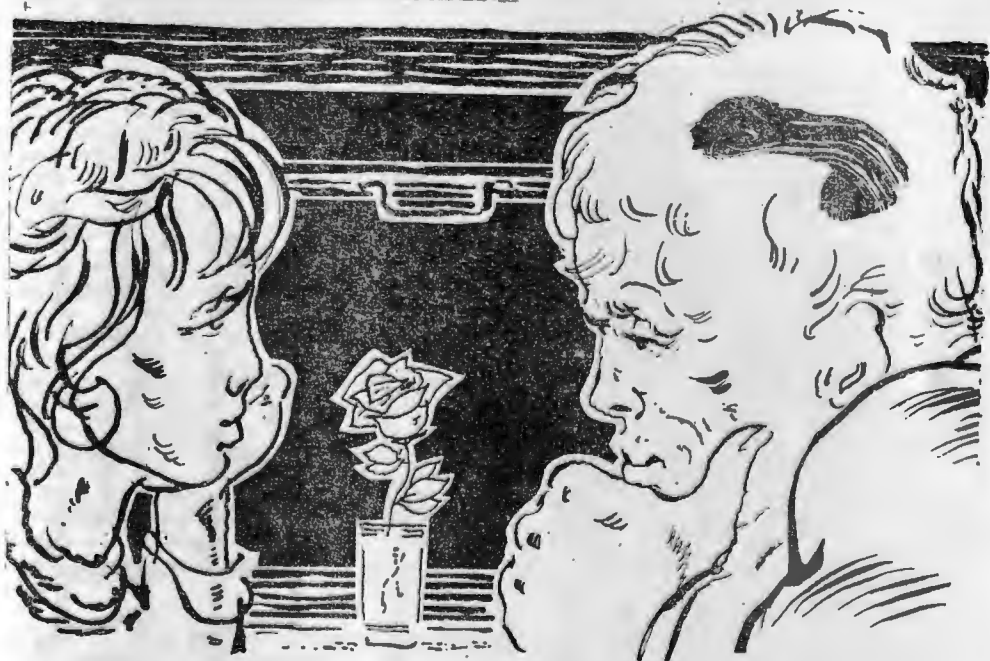
— А что он играет, этот шотландец, мистер Джонсон?

— Кажется, «Дорни Ферри».

— И не фальшивит?

— По-моему, нет.

— Тогда оставьте его в покое, мистер Джонсон. Да и меня заодно, а?

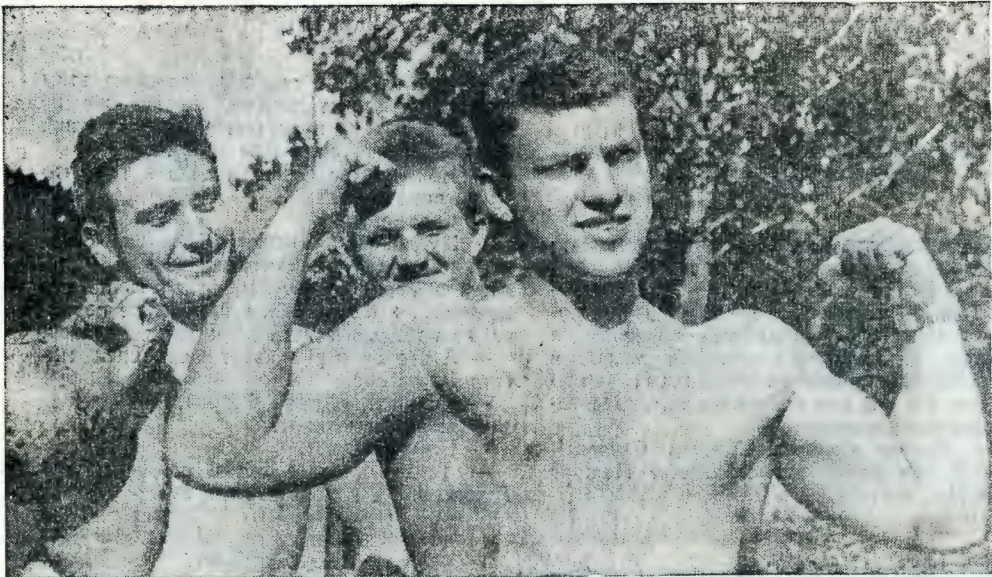

К ИТОГАМ VII СЕМИНАРА ЛИТЕРАТОРОВ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

В конце мая — начале июня состоялся седьмой семинар литераторов внутренних войск, организованный Политическим управлением внутренних войск МВД СССР и секретариатом правления Союза писателей РСФСР.

На семинаре прозы, которым руководил член Союза писателей СССР Н. П. Кузьмин, были обсуждены рукописи полковника А. Поднесенского, майора А. Ушара, капитана Н. Камшенина, прапорщиков Р. Карапетяна, А. Войнанова. Наставником наших поэтов был член Союза писателей СССР В. М. Гончаров: на этом семинаре дали должные оценки работам подполковника А. Нарева, капитана В. Саломатина, лейтенанта А. Зельева, прапорщиков Н. Нетлевской, А. Ягодина, А. Паниратьева.

В ближайших номерах журнала мы опубликуем лучшие произведения участников семинара.

У СОЛДАТА ВЫХОДНОЙ

СВОБОДНОЕ время в армии — на вес золота, и, когда оно выдается, каждый им дорожит. Одни, как ефрейтор Александр Паршин, отправляются в спортгородок.

Другие предпочитают тихие сражения за шахматной доской. Рядовой Владимир Омельяненко, например, считает шахматы не только спортом, но и искусством, и наукой. А поскольку лучший отдых — это смена рода деятельности, то шахматы для него — наиболее эффективный вид отдыха.

А вот рядовой Владимир Суханов, как только у него появляется свободная минута, спешит к своему четвероногому другу, балует его припасенными загодя лакомствами.

Кто откажется посидеть с удочкой на берегу пруда? Во всяком случае не рядовой Андрей Лямцев. Следя за колебаниями поплавка, он бдителен, как на посту.

Ну а силачи подразделения разделились на две команды и полны решимости оспаривать первенство.

Армрестлинг - борьба на руках

В нашей стране все большую популярность приобретает армрестлинг — вид спорта, пришедший из США. Это связано с его доступностью для всех людей, независимо от их возраста, пола и даже физиологических недостатков. Армрестлинг (борьба на руках) привлекает своей эмоциональностью, новизной, специфичностью технических действий.

Уверены: новый вид спорта найдет приверженцев среди военнослужащих войск. В помощь им мы публикуем рекомендации. Примечательно еще то, что соревнования по армрестлингу легко организовать не только в подразделениях, но и в караулах. Желаем успехов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Первый чемпионат мира по борьбе на руках состоялся в 1962 году в городе Петалума (Калифорния, США). Его организовал Билл Соберанес, журналист по профессии, «крестный отец» нового вида спорта. С тех пор в ежегодных чемпионатах мира, традиционно проходящих в городе Петалума, кроме американских атлетов принимают участие спортсмены Канады, Югославии, Египта, Швейцарии.

С 1964 года проводятся официальные соревнования и среди женщин (в трех весовых категориях).

В августе 1989 года СССР посетила делегация спортсменов США и Канады, в которую входили специалисты по армрестлингу (тренеры, менеджеры, спортсмены). Они познакомили нас с особенностями проведения соревнований по борьбе на руках. В США, кстати, последние имеют две разновидности: борьба стоя и борьба сидя. Американские специалисты предложили для демонстрации борьбу сидя.

Первым крупным официальным соревнованием по

борьбе на руках в нашей стране стал чемпионат Москвы, проходивший 27—28 января 1990 года в спортивно-зрелищном комплексе «Динамо».

В начале марта в ГЦОЛИФК прошел первый чемпионат Москвы среди женщин — «Виктория армрестлинг».

ОСНОВЫ ПРАВИЛ СОРЕВНОВАНИЙ. Соревнования проводятся на специальных столах, имеющих стандартные размеры. Разрешается ведение поединка как левой, так и правой рукой по договоренности участников. Захват руки соперника осуществляется за большой палец руки таким образом, чтобы арбитр мог видеть фалангу большого пальца. Левая рука спортсмена захватывает штырь, закрепленный на конце стола, и остается в таком положении до конца поединка. Локти соперников устанавливаются на квадратные подлокотники. Поединок проводится в положении сидя.

Каждый поединок обслуживают три арбитра: первый начинает поединок, устанавливая руки соперников в стартовое положение;

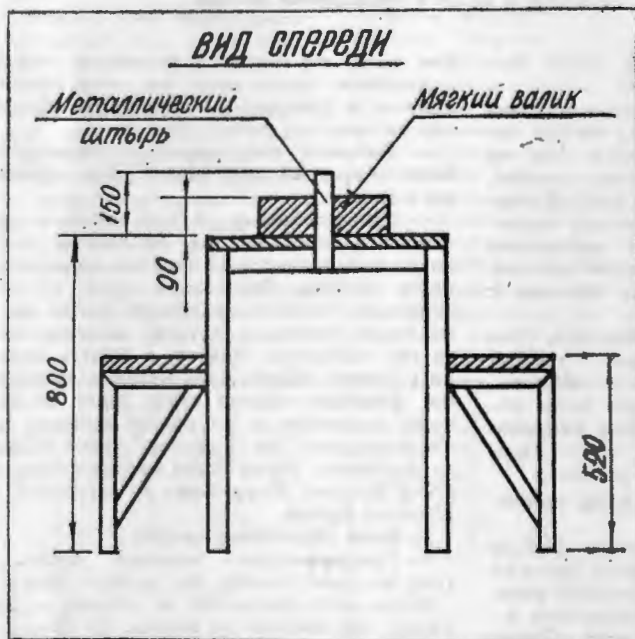
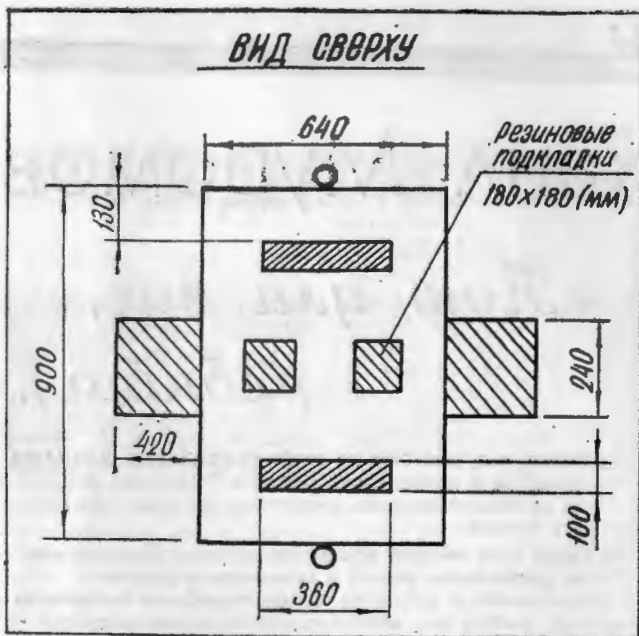
второй ведет наблюдение за поединком, фиксируя нарушения правил соперниками и касания руки о щиток; третий фиксирует положение ног и таза. Каждый арбитр закрепляется за определенным столом до конца поединка.

В стартовом положении борцов рука арбитра должна свободно проходить между предплечьем и двуглавой мышцей плеча спортсмена. Запястья соперников в выпрямленном положении находятся над центром стола, линия плеч параллельна краю стола.

Поединок начинается с подачи судьей команды: «Внимание! Марш!» Заканчивается поединок по команде: «Стоп!», после которой арбитр поднимает руку победителя.

Для достижения победы участники должны стремиться положить кисть руки соперника на специальный щиток, закрепленный на столе, или опустить кисть соперника ниже верхнего уровня этих щитков.

Участникам запрещается использовать любые предохраняющие бинты и повязки на запястьях и локтях, надевать обручальные кольца.

щины: до 54 кг, 64, свыше 75 кг.

В поединке спортсмен может сделать две ошибки, но только в том случае, если он не находится в проигрышном положении. Любые три нарушения, фиксируемые судьей, означают поражение. Если участник два раза нарушил правила в проигрышном положении, то ему засчитывается поражение.

Преждевременный старт, равно как и неполное выпрямление запястья, является нарушением.

Ошибками считаются: соскальзывание локтя с подлокотника, отрыв обеих ягодиц от стула.

По взаимной договоренности спортсмены могут выбрать произвольное положение ног под столом. Когда же такой договоренности нет, положение ног борцов ограничивается точно отведенной зоной. Запрещается толкать соперника ногами или вытаскивать их из-под стола.

В случае потери захвата в нейтральном положении назначается повторный поединок. После первого срыва соперники применяют ремни. Умышленный срыв захвата соперника в выигрышном положении считается нарушением.

За потерю захвата штыря левой рукой выносится устное замечание. Если участник не возобновил захват штыря, он получает предупреждение.

При нарушении, в результате которого борец получает преимущество над соперником или добывается контроля над его положением, назначается повторный поединок.

За неспортивное поведение во время поединка борец получает замечание. Если ситуация повторяется, его снимают с соревнований, а дальнейшее его участие в них рассматривается по апелляции.

Эти правила и схема стандартных размеров стола для борьбы на руках (сидя) помогут вам в организации и проведении соревнований по армрестлингу в подразделении (части).

Капитан А. СТЕПАНОВ,
старший инспектор-методист областного Совета «Динамо».

С момента начала поединка и до его окончания арбитр, назначенный судить поединок, не имеет права касаться соперников, за исключением тех случаев, когда один из участников нарушит правила.

Спортсменам, занявшим место за столом, дается 1 минута для приведения рук в предстартовое положение. Если соперники не

уложились в отведенное для этого время, установка рук в требуемое исходное положение осуществляется арбитром.

При нарушении правил по усмотрению судьи борцам дается 30 секунд на отдых.

Соревнования проводятся по следующим весовым категориям: мужчины: до 61 кг, 68, 75, 83, 91, 100, 110 кг, свыше 110 кг. Жен-

Михаил Муромов:

*«Пою для вас,
ребята...»*

Думается, что читателю не стоит представлять молодого композитора и исполнителя Михаила Муромова. Его песни звучат на танцплощадках, дискотеках, их поют под гитару в кругу друзей.

Не сразу стал Михаил профессиональным музыкантом. После десятилетки учился в Московском химико-технологическом институте. Затем служба во внутренних войсках, работа над диссертацией после возвращения в вуз. Когда кандидатская была почти готова, он вдруг круто изменил свою судьбу: ушел в притонщики рыбы на Волге, а затем в проводники поезда...

Узнав, что я из внутренних войск, Михаил обрадовался:

— Самые добрые воспоминания остались у меня о службе. Это закалка на все годы! Давно подметил для себя: кто не служил, тот по жизни идет, как правило, по-другому — позволяя себе расслабляться, что ли, а порой так и оставаясь невозможавшим... Полтора года во внутренних войсках стали для меня хорошей школой.

— И гитара, конечно, тоже служила с вами!

— Да, с гитарой я не расставался. Часто в минуты отдыха собирались с товарищами, пели о родном доме, о любимых, о нашей нелегкой службе. Уже тогда понял, как дорога солдату простая, задушевная песня. Поэтому сейчас, спустя годы после службы, «пою для вас, ребята»...

— Михаил, как начиналась ваша творческая биография!

— С детского художественного фильма «Просто ужас». Мне предложили написать к нему музыку и сыграть небольшую роль. Затем последовали роли милиционера и... индейца. Потом появились песни «Птицы синее крыло» и нашумевший «Флюгер», за который меня много и нудно ругали. Хотя именно они долгое время соперничали с фирменными шлягерами. А песня «Моя Москва» и «Метелица» привели музыкальных критиков в ярость...

— Вас упрекали в отсутствии музыкального образования, что многие песни исполняются на трех аккордах...

— В свое время я закончил музыкальную школу по классу виолончели и никогда не останавливался в своем музыкальном развитии. Утверждения же о том, что такие песни, как, скажем, тот же «Флюгер» или «Стюардесса», исполняются на трех аккордах, просто смехотворны. Дру-

гое дело, что иногда я осознанно иду на упрощение песни ради ее конкретности, ясности и доступности слушателю. Думаю, что за простоту ругать грешно.

— Большой популярностью пользуются ваши песни об «афганцах». Как пришли вы к ним!

— По-настоящему я почувствовал потребность сочинять на афганскую тему, когда познакомился со стихами армейского поэта Виктора Верстакова. Они увлекли ясностью, проникновенностью. Читал их, и невольно возникало чувство сопричастности тем событиям. Помню, в память врезались слова: «Шесть дней назад сказал комбат, разведка видела отряд, прет от границы прямиком...» На одном дыхании написал музыку. Так появилась песня «Спроси пустыню». Затем были «Афганистан» на стихи Андрея Дементьева и авторская — «Письмо брату».

— Ваше творческое кредо!

— Придерживаюсь правила: писать о том, что мне близко, что волнует душу.

Меня часто критикуют за манеру исполнения, что голосом не вышел. Но помните, у Есенина: «Миру нужно песенное слово спеть по-свойски? Когда записывал «Афганистан», упрекали: «Да ты не так поешь, надо с грустью». А я слышал надрыв: «Афганистан болит в моей душе...» Я еще слабовато «надорвался».

— Михаил, что бы вы хотели пожелать нашим ребятам, которым сегодня, пожалуй, жарче всех от разных горячих точек!

— Служба у вас, ребята, трудная. Но долг свой перед Родиной надо выполнить до конца. Помните: вы, как никто иной, в ответе за покой страны, если хотите, то и за судьбу ее.

Интервью вел старший лейтенант
Ю. ПОТАПОВ.

ЧУДОДЕЙСТВЕННЫЙ БАЛЬЗАМ

Широкое распространение в комплексе лечебно-профилактических мер получает ныне точечный пальцевый массаж, в основу механизма действия которого заложен принцип рефлексотерапии. Надавливание и массаж пальцем производится на нервные рецепторные зоны и точки; принятые в иглотерапии, как специалистом, так и самим пациентом. Причем из общего количества рекомендуемых точек достаточно выбрать лишь две-три, при массажировании которых наблюдаются хорошие результаты.

Однако они неизмеримо улучшатся при использовании вьетнамского бальзама «Золотая звезда», который на его родине применяют для лечения значительного числа заболеваний.

Состав бальзама получен в итоге длительных экспериментов. Подобранные в определенных пропорциях четыре основных компонента — эфирные масла корицы, эвкалипта, гвоздичное и мятное — на редкость эф-

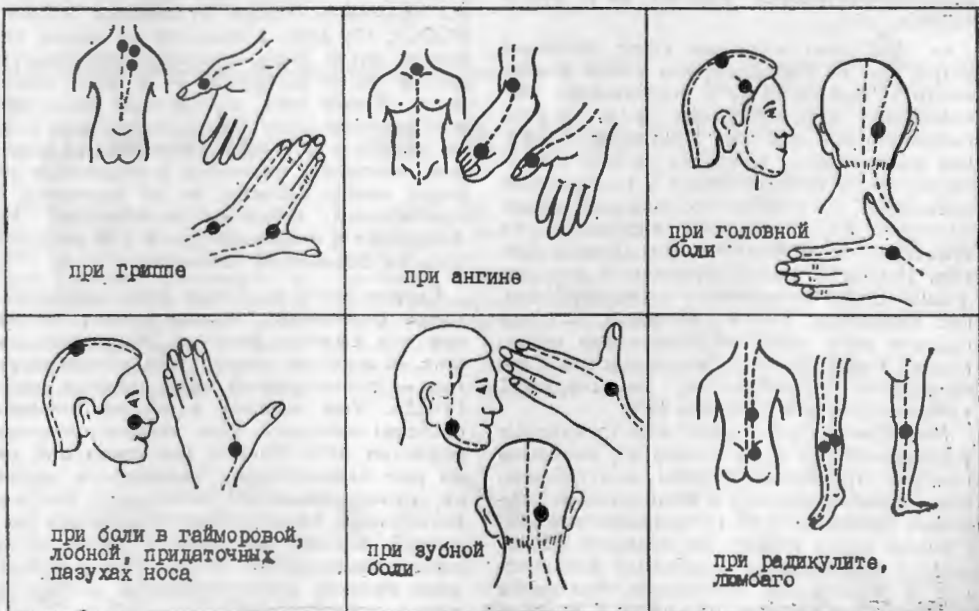
фективно воздействуют на организм. Традиционная вьетнамская медицина объясняет это так. Нарушение работы какого-либо органа сопровождается ухудшением кровообращения, а это проявляется в болезненных ощущениях. Не случайно вьетнамская пословица гласит: «Здоровье — это молчание органов». Если орган «заговорил», отозвался болью, то, воздействуя на определенные точки (а все они связаны между собой), мы тем самым как бы открываем путь крови и лимфе.

Массаж с применением «Золотой звезды» по силам любому. Бальзам втирают таким образом. Взять на кончик пальца немного мази и тонким слоем нанести на точку, слегка надавить и затем втирать по часовой стрелке. На наших схемах точки указаны приблизительно, зонально. Саму точку вы обнаружите по чуть более заметным по сравнению с соседними участками кожи болезненным ощущениям при нажатии на нее.

Если точка найдена верно, то быстро почувствуете целебный эффект бальзама. В противном случае мазь может не подействовать, но и не повредит. Обычно, чтобы вылечить какой-либо недуг, точки используют в комплексе. К примеру, грипп отзывается во многих органах, он сопровождается головной болью, насморком, слабостью, кашлем, шумом в ушах. Значит, чтобы снять эти болезненные ощущения, надо воздействовать на разные точки одновременно.

Есть точки узконаправленного действия, а есть и универсальные, например точка, находящаяся на стыке большого и указательного пальцев на тыльной стороне ладони. Мы называем ее «точкой соединения». Воздействие на нее приносит облегчение при головной боли, усталости глаз и слуха, кровотечении из носа.

Подполковник медицинской службы И. ПУШКОВ.

СПИД В ЗОНЕ

«...Условия жизни в тюрьме не только не удерживают, но, наоборот, способствуют разврату: тюремное безделье, отсутствие всяких развлечений и скука направляют внимание арестованных на поиски хотя бы грязных способов удовлетворения этого чувства. «Половой вопрос» становится одной из любимых тем разговоров арестантов. В общих камерах развита педерастия в форме парного сожительства наподобие брачного и в форме проституции: пассивные педерасты предлагают себя всем желающим за сходную цену. Вполне понятно, что произвести точный подсчет педерастии в тюрьмах нет возможности...»

Так писал в своей статье «Половая жизнь в тюрьме» доктор М. Гернет еще в начале века. Что изменилось с той поры, меньше ли стало различного рода половых извращений в местах лишения свободы? С этим вопросом по просьбе журнала «На боевом посту» корреспондент «Медицинской газеты» О. Денисевич обратилась к начальнику медицинского управления МВД СССР полковнику внутренней службы В. В. КРАВЧЕНКО.

— Проблема и сейчас стоит довольно остро. Мы не скрываем, что в ИТУ имеют место и мужеложство и лесбиянство. Несомненно, определяющую роль играет биологический фактор. Длительное половое воздержание, изоляция от лиц противоположного пола приводит к сексуальным девиациям, то есть отклонениям от общепринятых форм полового поведения, не относящимся к болезненным расстройствам. Наиболее распространенный вид девиаций среди осужденных — мастурбация, как одиночная, так и групповая, которая снимает либо смягчает проявленную сексуальную напряженность, порожденной биологической потребностью, не находящей удовлетворения в условиях ИТУ.

Медицинских работников пенитенциарных учреждений, да и не только их, особенно волнуют групповые формы мастурбации, чаще практикующиеся в воспитательно-трудовых колониях для несовершеннолетних. Помимо чисто моральных аспектов возникают и медицинские проблемы: психическое и физическое истощение, появление раздражительности и негативного отноше-

ния к окружающим. Все это, естественно, создает отрицательные настроения, препятствующие поддержанию режима содержания, проведению политико-воспитательных мероприятий. Контролеры в большинстве своем знают, что эти половые девиации в значительно меньшей степени становятся причиной негативных явлений в ИТУ, нежели половые извращения в форме гомосексуализма. Причин его несколько. Например, истинный, врожденный, биологически обусловленный гомосексуализм. У нас в стране, в отличие от большинства других государств, мужеложство рассматривается как преступление против личности и подпадает под действие Уголовного кодекса РСФСР. Однако следует помнить, в том числе и контролерскому составу, что эти люди, охотно вступая в сексуальные связи с лицами своего пола, являются нередко источниками распространения венерических заболеваний. И пусть проблема эта среди многих других не главенствующая, ее необходимо решать, учитывая опасность заражения СПИДом.

Не менее тревожит нас и ложный гомосексуализм. Длительное половое воздержание тяжело переносится многими осужденными. Эти переживания усложняются и обостряются длительными сроками пребывания в ИТУ, лишением или ограничением свиданий, повышенным темпераментом, низким моральным уровнем, деградацией личности, вызванной алкоголизмом, наркоманией, умственным недоразвитием и другими психотическими состояниями, связанными преимущественно с поражением эмоционально-волевых процессов. Распространению ложного гомосексуализма способствуют и условия содержания в ИТУ.

Выявить гомосексуалиста не сложно. Они обычно известны и медработникам, и сотрудицам колоний, и контролерскому составу. К активным гомосексуалистам можно применить статью Уголовного кодекса РСФСР. Но дело в том, что во время половых актов роли партнеров-гомосексуалистов часто меняются, — в этом сложность. Кроме того, применение административных или иных репрессивных мер редко приводит к успеху. Попробовали выделить пассивных партнеров в отдельные отряды, чтобы избавить их от унижений и притеснений остальных осужденных. Но буквально в считанные дни и они разделились на активных и пассивных.

Скорее всего проблему гомосексуализма среди осужденных можно решить, устранив или смягчив причины, ее порождающие. И медлить нельзя, ибо «гомосексуалы» — полноправные члены группы риска СПИДа. Уже сегодня в местах лишения свободы находится семь человек, инфицированных ВИЧ. Причем поступили они туда уже зараженными. Содержатся, конечно, изолированно от остальных, так как осужденные угрожают им физической расправой. Однако серьезность ситуации не стоит недооценивать. Меры нужны сейчас, пока процесс распространения СПИДа не стал неуправляемым.

100

ГЛУХАРИНАЯ СТОЛОВАЯ

Как-то возвращаясь лесной заброшенной дорогой с охоты, присел я передохнуть на поваленную гнилую колодину под стройной осинкой. Сразу бросились в глаза веточки, разбросанные на траве там и сям — очень уж они были нарядными в своей осенней красоте. Присмотрелся. Часть листьев на веточках оказа-

лась оборванной. Ба! — осенило меня. Да ведь это столовая глухаря!

Соорудив скрадок, забрался в него и стал ждать.

...И вот рядом раздались характерные хлопки больших крыльев, и мощный красавец плюхнулся на дерево прямо передо мной. Глухарь несколько секунд прислушивался, осматривал-

ся, затем громко хрюкнул и начал кормиться.

Эхо выстрела далеко разнеслось по распадкам и косягам. На остановочный пункт охотничьего хозяйства я возвращался с завидным трофеем. Вот что значит наблюдательность для охотника.

Ф. САВИНСКИЙ.

С ТРЕТЬЕЙ ПОПЫТКИ

Пасмурным, дождливым днем я отчаялся поймать что-либо на привычных местах и не спеша направился берегом к дому. На одном из поворотов реки из воды торчал старый пенек с растопыренными корнями.

А нет ли тут щуки? Она ведь любит стоять у коряг.

В ведерке у меня плавало несколько пескарей. Чтобы не возиться с переналадкой удочки, оторвал поводок, предназначенный для ельцов и окунишек, и к основной леске быстренько привязал крючок «семерку». Зацепил пескаря за верхнюю губу и, зайдя в воду, забросил его прямо под пенек.

Не успел обтереть руки о тряпицу, как последовала хватка. Удилище согнулось и тут же распрямилось. Вытащенная снасть оказалась без рыбы и без крючка.

Делать нечего, надо вновь оборудовать удочку. На этот раз привязал золоченый

крючок с коротким цевьем, седьмого же номера. Очередной пескарь, зацепленный за губу, полетел к коряге. И опять резкая поклевка и — обрыв.

Раздосадованный неудачей, достал двойник номер 10 из черной с синеватым отливом стали. Подвязал его норвежским узлом. Третий пескарь ушел в воду.

На этот раз поклевки не последовало. Дав поплавку проплыть по всей длине глубокого места, перебрал снасть. Так повторялось несколько раз. Я уже собрался уходить, как вдруг поплавок нырнул и косо пошел в сторону. Подсечка — началась борьба. На согнутом в дугу удилище вывел рыбку на мель и с разгону выбросил на песчаный берег. Крупная щука была в моих руках. А с нею и оборванные накануне крючки. В том числе золоченый, потерю которого я особо переживал.

А. ОЖИГАНОВ.

СДЕЛАЙ САМ

ДЛЯ ЛОВЛИ НА ЖИВЦА

Вот уже не один год для ловли хищных рыб кружками, обычной поплавочной удочкой, спиннингом я применяю, и не без успеха, простую и удобную снасточку собственного изготовления. Ее конструкция позволяет насаживать жив-

ца через рот и жаберную пластинку (не повреждая жабры) на иглу от швейной застёжки, припаянную к крючку-двойнику. Основная леска оканчивается двумя поводками. Первый привязывается к ушку двойника, а другой оснащается оди-

нарным крючком, который прижимается к хвосту рыбки резиновым колечком — от нипеля (см. рис. 1 и рис. 2).

Существенное преимущество ловли на такую снасточку — живец долго сохраняет живучесть (не травмируется крючками) и находится в горизонтальном, то есть более естественном положении.

Эта снасточка, но с одним поводком удобна для ловли спиннингом. Некрупного живца при необходимости оснащаю грузиком весом 20—25 граммов (см. рис. 3), что позволяет сделать более дальний и точный заброс.

Капитан медицинской службы Е. ГОЛУБЕВ.

Рис. 1

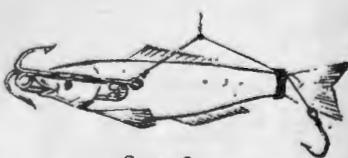

Рис. 2

Рис. 3

СОДЕРЖАНИЕ

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

■ ХХУІІІ СЪЕЗД КПСС
САНИН В. Фундамент нашей веры 1

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ 6

■ В ОСОБОМ РАЙОНЕ
ПЛАЧИНТА О. «За что стреляли в моих солдат?» 10
КАРПОВ Б. 50 тысяч за голову лейтенанта 12

■ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ
КОСОЛАПОВ Р. Для спасения души... 17
ВЫГОВСКИЙ Ю. Вводный или курсовой? 26
МУРАВЬЕВ Г. Соревнование — славная традиция или
дань формализму? 31

■ КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ
ГЕРАЩЕНКО В. Прощальный фейерверк 29
ПЕТРОВ А. «Компромиссный» вариант 61

■ ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА
МИСЮКОНИС М., МАКСИМОВ В. Внутренние войска и
правоохранительные органы в Литве 38
КАЗИМИР Г. Военная контрразведка 42
ПРОХАНОВ А. Достаточная оборона 45
БОБРЕНЕВ В. «Был и останусь честным...» 66
ГУРОВ А., ГРАЧЕВ М. «Блатная музыка» 70

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ
ЭКСБРУАЙА Ш. «Мы еще увидимся, детка...» (зарубежный детектив, окончание) 50
ПРЯНИКОВА Е. Недавние тайны (стихи) 24

■ САМ СЕБЕ ТРЕНЕР
СТЕПАНОВ А. Армрестлинг — борьба на руках 90

..Нынешний «Саюдис» совсем не тот, что был перед первым своим съездом. Возникнув как «литовское движение в поддержку перестройки», он стал сильнейшим катализатором противодействия ей, поставил под угрозу ее перспективу не только в республике, но и во всей стране.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА «САЮДИСА».

Осаженная выстрелами, минут двадцать толпа туно стояла напротив нас; соображая, видимо, что делать дальше. Потом почти вся она развернулась и устремилась прочь от этого поля — в Ош. И буквально через несколько минут послышались крики, женский вопль, повалил дым.

ПОЛЕ РАЗДОРА».

Детектив умолк, пристально разглядывая ковер. На светло-бежевой поверхности отчетливо виднелись бурые пятна.

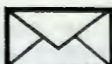
— Отпечатки подошв... и кровь... Быстро! Нельзя терять время: бежим в пугающее крыло!

АГАТА КРИСТИ.
ЭРИМАНФСКИЙ
ВЕПРЬ».

Художественное оформление Е. К. Селиковой.

Технический редактор И. В. Володина.

Корректоры Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семибратова.

Адрес редакции: 111250, Москва, Б-250.
Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: войсковой жизни — 361-85-23, партийной жизни и военно-патриотического воспитания молодежи — 361-81-54, пропаганды — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, художественного оформления — 361-85-21, издательства (вопросы подписки) — 361-80-97, бухгалтерии — 361-85-80.

Сдано в набор 5.06.90 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 13.

Подписано к печати 16.07.90 г.
Зак. № 1538

Усл. печ. л. 8,4+вкл. 1/4 п. л.
Цена 55 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

В последнее время в редакцию поступают письма, в которых читатели поднимают вопросы, связанные с индивидуальным жильем. Скажем, как построить дом!

ХОТИТЕ ПОСТРОИТЬ ДОМ?

ПРЕДЛАГАЕТ ИНСТИТУТ «МАРИЙСКГРАЖДАНПРОЕКТ»

- 1. ОБЩАЯ КОМНАТА — 20,87 м²
- 2. СПАЛЬНЯ — 12,05 м²
- 3. СПАЛЬНЯ — 10,30 м²
- 4. ПРИХОЖАЯ — 5,02 м²
- 5. ВЕРАНДА — 10,87 м²
- 6. КЛАДОВАЯ — 2,57 м²
- 7. КУХНЯ — 10,70 м²

Объем строительки — 353,75 м³

Общая площадь — 134,74 м²

Жилая площадь — 76,07 м²

Стоимость для индивидуального строительства — 42,42 м² тыс. руб.

Расход строительных материалов — 18,64 тыс. руб.

Кирпич — 41,1 тыс. шт.

Бетон — 23,42 м³

Легкоматериалы — 21,90 м³

Дом (проект МГП 84-10) рассчитан на заселение одной семьи. Квартира состоит из общей комнаты, двух спальных помещений, кухни-столовой, хозяйственной кухни, ванной комнаты, туалета, кладовой, веранды, подвала.

Фундаменты дома ленточные, как вариант — столбчатые. Стены из силикатного кирпича. Перегородки из мелкоштучных гипсобетонных плит.

Перекрытия над подвалом железобетонные, чердачные — из сборных железобетонных плит, вариант — щитовой накат по деревянным балкам. Полы — досчатые, в санузле — керамическая плитка.

Крыша — волнистые асбоцементные листы. Инженерное обеспечение — дом оборудован центральным отоплением, водоснабжением, канализацией и электроосвещением. Разработан вариант отопления котла на твердом топливе, горячим водоснабжением от колонки на твердом топливе (вариант 2 — от газового нагревателя).

Проект разработан и выслан в наложенным платежом институтом «Марийскгражданпроект» (424013, г. Йошкар-Ола, бульвар Сверд-

ВАС ПРИГЛАШАЕТ

Наш адрес: 199026, Ленинград, В. О. Косая линия, д. 13, отдел кадров ПО «Балтийский завод».

БАЛТИЙСКИЙ ЗАВОД

Завод продолжает набор лиц, имеющих постоянную прописку в Ленинграде и отслуживших в рядах Вооруженных Сил СССР, на работу и обучение по специальностям: судосборщиков, электросварщиков, слесарей-монтажников судовых, сборщиков-доставщиков, слесарей механосборочных работ, слесарей-ремонтников, электромонтеров, формовщиков, сталеваров, плавильщиков, модельщиков, рабочих всех строительных специальностей, водителей, машинистов ж/д кранов, котельщиков судовых, токарей, токарей-карусельщиков, фрезеровщиков, трубопроводчиков судовых, крановщиков, машинистов крана на пневмо- и гусеничном ходу.

Молодым рабочим и специалистам, поступившим на объединение или базовое ПТУ после

прохождения военной службы и приступившим к работе не позднее 3-х месяцев, выплачивается единовременное пособие в размере 100 рублей, а уволенным в запас и до призыва в Вооруженные Силы СССР работавшим на объединении — 200 рублей.

Имеются дополнительные льготы для станочников: им предоставляется оплачиваемый отпуск — 24 рабочих дня, производится доплата за работу в вечернее и ночное время, работающим в двухсменном режиме работы ежемесячно дополнительно к заработной плате выплачивается 20, а при трехсменном режиме — 40 процентов тарифа.

Работники завода могут направляться на учебу в техникумы и институты в качестве стипендиатов.

Добро пожаловать!